НОВАЯ ПОЛЬША

№4(162) 2014

Адам Даниэль Ротфельд как Путин борется за душу России?

КАК РУССКИЕ С ПОЛЯКАМИ В СУДЫ ИГРАЛИ

Владислав Шленгель послал нам прощальное письмо из гетто

БЕСЕДА С АКТЕРОМ КШИШТОФОМ КОВАЛЕВСКИМ

Замечательные русские произведения Игоря Неверли

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

**Вы можете подписаться на «Новую Польшу»,
перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте,
факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты
с пометкой: *prenumerata.***

Деньги просим перечислять на счет издателя «Новой Польши»:
Instytut Książki
ul. Szczepańska 1
31-011 Kraków

Подписка в Польше:
Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
SWIFT CODE: BIGBPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 4 (162)
2014
апрель

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

АДАМ Д. РОТФЕЛЬД: 3
ПУТИН БОРЕТСЯ ЗА ДУШУ РОССИИ

Адам Кшеминский 6
РОДИНА НАШИХ РОДИН?

Аркадиуш Хабера 13
О ЕВРОПЕЙСКОМ ПАТРИОТИЗМЕ

Мартин Мицнер 14
ХОРОШО, КОГДА ЕСТЬ ВЫБОР

Виктор Кулерский 17
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ

Войцех Мазярский 28
О ЧЕМ ПОЛЯКИ МОГУТ РАССКАЗАТЬ
ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ

Лешек Шаруга 30
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Аркадий Гутников 33
КАК МЫ С ПОЛЯКАМИ В СУДЫ ИГРАЛИ

ОТ ЛЮБЛИНА ДО УКРАИНЫ НЕДАЛЕКО 37
Беседа с Ежи Помяновским

ДВЕ ИСТОРИИ В ОДНОЙ 40
Беседа с Барбарой Киршенблатт-Гимблетт

Владислав Шленгель 46
СТИХОТВОРЕНИЯ

Петр Мицнер 54
ПОЭТ И СМЕРТЬ

ТИХО, Я ЗНАЮ 55
Беседа с Кшиштофом Ковалевским

Анна М. Щепан-Войнарская 61
МНОГОГОЛОСИЕ НАДЕЖДЫ:
«ПАССАЖИРКА» ЗОФЬИ ПОСМЫШ

Эльжбета Савицкая 68
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Ян Зелинский 73
НЕВЕРЛИ — РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Войцех Сташевский 81
МИНИМАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Переводчики: И. Белов, А. Векшина, Е. Гендель, В. Окунь, Д. Пелихов, С. Политыко.

© Фото: Archwium (стр. 54, 61), Mieczysław Włodarski/REPORTER (стр. 55), Wojtek Łaski/East News (стр. 45)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Ирина Лаппо
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**
Информация о журнале для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**
Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

АДАМ Д. РОТФЕЛЬД: ПУТИН БОРЕТСЯ ЗА ДУШУ РОССИИ

Россия готовилась к этому конфликту и готовила к нему мир, по меньшей мере, семь лет. Но Запад был застигнут врасплох.

— Россия неожиданно начинает новую холодную войну с Западом. Четверть века тому назад Советский Союз такую войну проиграл. На что рассчитывает президент Путин?

— Меня не устраивает здесь ни определение «неожиданно», ни формулировка «холодная война». Россия готовилась к этому конфликту и готовила к нему мир, по меньшей мере, семь лет — начиная с речи президента Путина в феврале 2007 г. на конференции по безопасности в Мюнхене. Несмотря на это, Запад застигнут врасплох таким развитием событий, для которого у него не разработан эффективный ответ. У нас проблема. Она состоит в том, что пошатнулся фундамент политического и международно-правового порядка, на который опирались мир и безопасность в Европе в течение 70 послевоенных лет.

Это была не «классическая война», а новый тип «специальной операции». Теоретик операций такого типа умер в 1974 г. в Аргентине. В России он приобрел значительную популярность, несмотря на свою враждебность к СССР. Это был полковник Евгений Месснер — начальник штаба Лавра Корнилова и барона Петра Врангеля. Преподаватель Военной Школы в Белграде, сотрудничавший во время Второй мировой войны с III Рейхом. Он разработал концепцию, согласно которой будущие войны будут вестись не за территории и сырье, а за «души народов», это будут войны-восстания – «мятежные войны». Такие конфликты, в которых взрывчатым веществом становятся национальные, социальные споры и дезинформация, по своей сути являются психологическими войнами, а ведутся они при помощи пропаганды, способствующей росту напряженности. Для таких «войн» наиболее пригодны «специальные силы», хорошо обученные соединения для нетрадиционных действий. В этих войнах решающими оказываются не вооруженные силы на полях сражений. В таких операциях армия служит не столько для сдерживания, сколько для устрашения населения и вооруженных сил потенциального противника.

— И Путин решил начать войну за душу украинского народа?

— Президент Путин ведет войну за душу собственного народа. Таким способом он приобретает поддержку, поклонение и энтузиазм. Конфликт из-за Крыма был разыгран по рецепту Месснера. После войны 2008 г. с Грузией, когда армия оказалась малоэффективной и очевидным образом подвела система контроля, связи и командования, в России была принята крупная программа военных реформ и перевооружения. В бюджете на ближайшее десятилетие предусмотрены расходы около 700 млрд долларов на дополнительные закупки. В настоящее время Россия тратит на вооружение 3,7% ВВП. Укрепляются как стратегические ракетно-ядерные силы, так и отдельные сегменты обычных сил. Акцент сделан на деятельность особых сил — спецназа. Из сценариев недавних учений ясно видно, что началом конфликта являются попытки отделения территорий и межнациональные трения. Операция «возвращение Крыма на родину» — это практический тест и проверка эффективности российских вооруженных сил на пограничье с Украиной.

— Трудно предполагать, что момент конфронтации был выбран Путиным. Никто не предвидел развития событий на Украине.

— Путин тоже не предвидел. Это была скорее реакция на развитие событий, противодействие той части украинского общества, которую представляет Майдан. В Москве преобладало убеждение, что Виктор Янукович рано или поздно расправится с протестующим Майданом. Силу общественного протеста недооценили. Однако, совершенно очевидно, что у специальных служб для таких обстоятельств был подготовлен другой сценарий действий, реализацию которого на ходу приспосабливали к «спонтанному» отделению Крыма. Ясно видно, как они подстраивали свой план под политический календарь. Референдум по вопросу будущего Крыма вначале должен был пройти 25 мая, потом 30 марта.

Наконец, марионеточный премьер Крыма Сергей Аксенов — в прошлом российский офицер невысокого ранга — получил указание ускорить процесс, в результате референдум состоялся 16 марта. Когда журналист российского телевидения спросил у Аксенова, почему он не впустил в Крым инспекторов ОБСЕ, которые имели право провести такую инспекцию на основании венского документа о мерах укрепления доверия — тот ответил по-солдатски: «Они были здесь не нужны, потому что задавали бы неудобные вопросы». Простой человек дал простой ответ.

— То есть это неправда, что Путин живет в «иной реальности», как это назвала канцлер Меркель?

— Конечно, нет. Президент России хладнокровно осуществляет свой план, о котором уже давно сигнализировали разные официальные документы. В 2008 г. после войны в Грузии мы узнали, что у России есть особые привилегированные права на территории постсоветского пространства. В феврале 2010 г. была оглашена новая военная доктрина, а в феврале 2013 — новая внешнеполитическая доктрина. Там ясно сказано, что Россия оставляет за собой право на защиту русского населения за пределами Российской Федерации.

— Эта политика находит понимание в российском обществе?

— Да. Миллионы русских испытывают ностальгию по утраченной империи. Сам Путин в своем обращении к парламенту в 2005 г. заявил, что величайшей трагедией XX века был распад Советского Союза. Не Первая и не Вторая мировые войны, не фашизм в Германии и коммунизм в России, а распад СССР. Так думают многие русские. Для многих из них отрыв Украины от России это исключительная травма. Я неоднократно говорил на эту тему с Михаилом Горбачевым — автором перемен, которые привели к развалу СССР. Он убеждал меня, что и у его жены Раисы, и у него есть родня на Украине, что у России и Украины общие корни, что это, в сущности, единый народ. Он сожалел, что Украина отошла от России. Впрочем, сейчас он поддержал отделение Крыма…

— Значит, Путин открыто предупреждал Запад о своих намерениях.

— Предупреждал. У радикальной российской политики разнообразные источники. Лидеры России не смирились с тем, что эпоха империй миновала. Все великие державы — не только Россия — с трудом примирялись с новой действительностью. Свою роль сыграли и несбывшиеся надежды и иллюзии. Концепция Запада сводилась к тому, чтобы включить Россию в сотрудничество и в систему взаимозависимости. В России же господствовало убеждение, что новый европейский порядок после окончания холодной войны станет новым концертом держав — согласно рецепту XIX века, данному Меттернихом во времена Венского конгресса. На сей раз это были бы три державы: Соединенные Штаты, Европейский Союз и Россия, которая провозгласила и осуществляет возвращение к концепции сфер влияния. Столкнулись два различных менталитета: один, основанный на общей системе ценностей, и другой — на праве сильного держать в страхе своих соседей. То, что произошло сейчас — отделение Крыма — это, с одной стороны, на некоторое время перечеркнуло шансы на построение «широкой Европы», а с другой — привело к потере доверия и убедило Запад в том, что с Россией нельзя строить безопасность, основанную на сотрудничестве.

— Путин не предвидел, что его действия в Крыму приведут к острому конфликту с Западом?

— Думаю, что предвидел. Однако он посчитал, что открылось «окно возможности», которое может не повториться. С точки зрения Кремля Запад разделен, слаб, его терзают внутренние кризисы. Он неспособен к быстрой реакции. Возможно, решение об аннексии Крыма принималось как бы «в последний момент, когда это еще было возможно», без осознания всех последствий. Лишь ближайшее будущее позволит русским осмыслить, какова цена решения, которое они так радостно празднуют сегодня.

Для России угрозой безопасности является не ситуация на ее западной границе с НАТО, где более трехсот лет не было столь предсказуемых и добрососедских отношений. Угрозы на юге. У России есть причины беспокоиться из-за идеи создания исламскими фанатиками Великого Халифата. Еще одна горячая точка — это пограничье Средней Азии с Афганистаном. До того, как — после терактов 11 сентября 2001 г. — произошла американская интервенция в Афганистан, на афганско-таджикской границе регулярно шли бои, в которых гибли тысячи российских солдат. Еще один вызов это Дальний Восток — Китай и неурегулированный с Японией вопрос о Курильских островах.

Однако самые главные проблемы имеют внутренний характер. На заседании правительства Российской Федерации в феврале – еще до обострения конфликта на Украине – президент Путин проинформировал

Совет Министров, что возможности дальнейшего экономического роста с использованием доходов от экспорта сырья исчерпаны. Эта оценка реалистична и затрагивает суть вопроса. Рост ВВП России должен составлять около 7%, а составляет в настоящее время 1,3%. В Китае в момент наиболее динамичного развития он значительно превышал 10%. У финансовых резервов есть способность молниеносно таять, особенно если они предназначены для военных расходов либо имиджевых инвестиций вроде Олимпиады или моста близ Владивостока, соединяющего материк с островом Русский, где проходил саммит G20. По этому красивому и длинному мосту теперь мало кто ездит. России нужны дороги. Сейчас они в ужасном состоянии. Срочно необходимы крупные инфраструктурные инвестиции. Гигантские предприятия сталинской эпохи, вокруг которых возникли большие города, приходят в упадок — а вместе с ними пустеет российская провинция. Это относится и к городам, и к деревням. Самая серьезная проблема — это демографический кризис. Средняя продолжительность жизни россиянина составляет 63 года.

— Насколько Путин отдает себе отчет в состоянии российского государства?

— Он осознает это лучше, чем кто-либо за пределами России. Аннексия Крыма, взрыв энтузиазма, обращение к национальной гордости и угар великорусского национализма могут на какое-то время сплотить русский народ и объединить его вокруг лидера. В долгосрочной перспективе это определенно будет служить объяснением и обоснованием ухудшающегося качества жизни: ведь можно сказать, что это следствие санкций и того, что Россия окружена врагами, что это проявление экономической агрессии и т.д. Следует помнить, что русские многое способны терпеливо перенести во имя престижа государства.

— Насколько может затронуть Россию либерализация торговли топливом, то есть разрешение на экспорт из США в Европу сланцевого газа и нефти?

— Не думаю, чтобы Соединенные Штаты пошли на такую войну. Снижение цен на газ и нефть вызовет отклик глобального масштаба. Американцы неохотно прибегают к использованию экономического нажима.

— Имеется в виду падение союзника США — иранского шаха — после снижения цен на нефть в 1979 году?

— Результаты были бы неоднозначными. Пришлось бы считаться с ростом цен на энергоносители в самих Соединенных Штатах и снижением рентабельности производства. Что еще важнее — пришлось бы искать ответ на вопрос о том, как снижение цен на топливо повлияет на положение союзников США в регионе Персидского залива. Это ключевая территория для Соединенных Штатов.

— У нынешней команды нет идей для действительной модернизации России. Там не хватает современных технологий. А ведь инвестиции в вооружения могут привести к технологическому прогрессу.

— Не исключаю, что ожидания именно таковы. Однако я бы поставил вопрос иначе: можете ли вы назвать какое-нибудь изобретение, продукт или устройство, которым мы пользуемся в обычной жизни, хотя раньше оно применялось российскими учеными в программах для вооружений? Ведь так обстояло дело со многими изобретениями в США, вначале имевшими военное назначение: GPS, интернет, кевлар, тефлон и т.д. Русские тоже попытались идти по этому пути, творя технологический прогресс с помощью решений правительства. Под Москвой, ценой огромных затрат, создается российская Силиконовая Долина — Сколково. До сего времени результаты не обнадеживают. Это иллюстрирует экспертиза объемом в три листа и лекция одного из чиновников, которые обошлись в миллионы. Автор объяснял по телевидению, что наука стоит дорого.

— Россия старается аннексией Крыма заслонить свои собственные внутренние проблемы?

— Более существенен другой аспект: под сомнение были поставлены основы международного порядка. Малая война за Крым может вызвать лавину, последствий которой не в состоянии до конца предвидеть ни русские, ни лидеры Запада. Через годы историки подтвердят, что этого сползания к катастрофе можно было избежать.

Беседовал Павел Вронский

gazeta WYBORCZA

Адам Кшеминский

РОДИНА НАШИХ РОДИН?

Отношения между национальными государствами и Евросоюзом нуждаются в пересмотре.

Что будет с ЕС? Если наступят тяжелые времена и равномерному распределению доходов придет конец, будет ли Евросоюз по-прежнему актуален для полумиллиарда европейцев, или они предпочтут попрятаться за каменными стенами национальных государств, вековых претензий к соседям и непрочных наступательно-оборонительных союзов?

Многие недобро шутили, что Европейский союз получил Нобелевскую премию мира в качестве прощального подарка, поскольку именно этой зимой явно не служил примером общественной гармонии и согласия, оказавшись, скорее, образцовым нагромождением национальных эгоистических воль. Одни главы правительств похваляются перед избирателями тем, сколько они сумели выжать из Брюсселя для своей страны. Другие обещают своим, что не станут больше платить за средиземноморских дармоедов.

Хорошим тоном стало выставлять Брюссель эдаким бюрократическим монстром и метаться с указующим перстом, ища виновных в творящемся наднациональном балагане — будь то бездельники-греки или коварные немцы, которые сразу после объединения Германии стали строить планы завоевания Европы. То, что последним не удалось в 1914 и 1939 годах, теперь, дескать, отлично получается при помощи экспорта и кредитной политики.

На пангерманизм жалуются не только греческие или итальянские газеты — в последнее время к ним присоединились французские и британские СМИ: так, в Англии одна левацкая газета написала, что Ангела Меркель опаснее Ахмадинежада, президента Ирана. Польская бульварная пресса захлебывается криком: пусть ЕС хоть треснет, но обещанные деньги выделит. А немецкие газеты пыжатся: мы лучше всех, и потому абсолютно самодостаточны…

Можно, конечно, утешаться тем, что визг в средствах массовой информации, который всякий раз поднимается перед встречей «в верхах» — это пустяки, дело житейское. Сто лет назад куда более невинные национальные разногласия привели к «всеобщей войне за вольность народов», к которой призывал Мицкевич. Однако сегодня — несмотря на все эти склоки вокруг дотаций сельскому хозяйству и фондам развития, «греческого кризиса» и «немецкой доминанты» — Третья мировая бойня Европе явно не угрожает. Такое даже представить себе нельзя, хотя — как предостерегали недавно в Осло представители нобелиатки Жозе Баррозу и Херман Ван Ромпёй — нет ничего невозможного.

Исторические успехи

За 67 лет послевоенных лет европейцы научились справляться с «наследством проклятого прошлого». В ходе бескровной революции 1989 года они победили коммунизм и создали до того привлекательную амальгаму национальных государств и наднациональных европейских институтов, что многие страны выстроились в очередь, надеясь на вступление в ЕС. Несмотря на это историческое достижение, Евросоюз сегодня находится на распутице: и не из-за облепившихся греков, жадных немцев или игнорирующих континентальные проблемы британцев, а из-за цивилизационной пропасти, зияющей между латинским Югом и нордическим Севером, из-за нежелания иметь общую валюту и очевидных недостатков евросоюзовской конструкции как таковой.

Любой структурный кризис между тем имеет свои плюсы, поскольку заставляет искать ответ на ключевой вопрос: что дальше? Если наступят тяжелые времена и равномерному распределению доходов придет конец, будет ли Евросоюз по-прежнему актуален для полумиллиарда европейцев, или они предпочтут попрятаться за каменными стенами национальных государств, вековых претензий к соседям и непрочных наступательно-оборонительных союзов?

Вацлав Гавел говорил, что Европа — это «родина наших родин». Но за этой метафорой кроется юридическая квадратура круга. Поскольку ЕС должен как-то увязать легитимность демократических национальных государств с легитимностью наднациональных структур, призванных отстаивать высшие европейские интересы. И чтобы сгладить противоречия между национальным эгоизмом и интересами европейского сообщества, была создана не слишком прозрачная институциональная структура ЕС.

- Европейский парламент хоть и избирается напрямую, но — вопреки зафиксированной в Лиссабонском договоре реформе — обладает довольно скромными полномочиями и часто служит местом ссылки для политиков, которые у себя в стране изрядно надоели населению.

- Европейская комиссия, хоть и является своеобразным органом исполнительной власти ЕС, в то же время, будучи сформированной государствами-членами, только частично подотчетна Европарламенту, что делает ее демократическую легитимность довольно слабой.

- Подобным образом обстоят дела с Советом Европейского союза, собранием представителей государств-членов, легитимность которых ограничена этими самыми государствами. Избирателей Ангелы Меркель, Франсуа Олланда или Дональда Туска прежде всего интересует, может ли их кандидат достойно представлять их интересы как в родной стране, так и в Брюсселе, а не его способность заботиться о состоянии Европы таким образом, чтобы эту дойную (в том числе и для налогоплательщиков) корову не «задоили» до смерти.

Так что Европарламент и Еврокомиссия — структуры хоть и наднациональные, но с ограниченной компетенцией. Зато Совет представляет собой арену, на которой сталкиваются эгоистические национальные интересы.

Эта конструкция вполне оправдывала себя, пока «у руля» в так называемом «малом ЕС» находилось поколение, которое помнило Вторую мировую войну. Историческая травма вкупе с коллективным опытом позволяли преодолевать национальный эгоизм и регулировать влияния (как реальные, так и имиджевые) в зависимости от политической конъюнктуры, а не экономической мощи. Германия, к примеру, была не против платить пропорционально больше, чем Франция, соглашаясь в то же время на политическое первенство Парижа. Как любил повторять Гельмут Коль: «Перед немецким флагом я склоняю голову один раз, а перед французским – трижды».

Ницца или смерть!

Все это закончилось в декабре 2000 года в Ницце, где Герхард Шрёдер фактически навязал Евросоюзу первенство Германии, что в действительности полностью устраивало большинство стран. Вскоре разразилась дискуссия о наиболее удобной расстановке сил в Совете Евросоюза. Именно тогда мы «умирали за Ниццу», неуклюже пытаясь извлечь из ситуации довольно осмысленный, в принципе, «квадратный корень». Однако во всех случаях мы сражались не за общеевропейские, а за наши, польские интересы. Хотя в 2004 году, когда Марек Белька на нашей первой встрече «в верхах» сплотил

вокруг себя «новеньких», чтобы спасти европейский бюджет, которому угрожали Франция и Великобритания, речь шла о чем-то большем, чем национальный эгоизм.

Сегодня, однако, одной доброй воли премьеров и президентов явно недостаточно, ибо Евросоюз находится в кризисе не столько из-за паршивого характера нынешних политиков, сколько из-за ошибочной конструкции самого ЕС. Существовавшая ранее модель конфедерации национальных государств больше не работает, а эффективную федерацию пока что создать не удалось. И неизвестно, будет ли она вообще создана. Поскольку нет ни уверенности, ни доказательств, что Европа в состоянии создать над- или, точнее, постнациональную демократию. В ЕС действуют подобия государственных институтов — парламент, правительство, трибунал — но нет разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Любая же попытка превратить ЕС в супергосударство будет абсурдной и заранее обреченной на провал.

В 90-е классики политической мысли доказывали, что это просто невозможно — к примеру, Герман Люббе в работе «Прощание с супергосударством. Соединенных Штатов Европы не будет» (1994) или Тони Юдт в «Великой иллюзии» (1996). Дело в том, что демократия в Европе развивается начиная с XVIII века в рамках национальных государств, и — кроме опыта Швейцарии — ничто не указывает, что возможен какой-либо иной сценарий.

В таком случае — мечтает та часть наших правых, которая призывает: «Отдайте нам наш ЕС!» — пусть все остается как есть или даже как было в 2004 году перед подписанием Лиссабонского договора. Другая их часть предвкушает победу: еще чуть-чуть и европейский кошмар развеется. Урвем, сколько получится, и останемся при своем — с вожделенной смертной казнью, пограничным контролем и полицией нравов, а прежде всего в привычной ситуации лицом к лицу с хорошо известными недругами, без взаимоуважения и примирения, с региональными союзниками, которые только спят и видят, как бы в очередной раз поддержать Великую Польшу…

Все это — химеры и иллюзии.

Манифест в пользу Европы

Действительно, евроскептицизм сегодня в большой моде, но и манифесты, поддерживающие процесс евроинтеграции — также.

Австрийский писатель Роберт Менассе на полгода поехал в Брюссель собирать материал для разоблачительного романа о «еврократах», а вернулся оттуда другим человеком. В эссе, полным евроэнтузиазма, он писал, что брюссельская бюрократия очень экономна, ее деятельность абсолютно прозрачна, не подвержена коррупции, а самое главное — немногочисленна, меньше чиновников только в Вене. Голландский писатель Гирт Мак не исключает, что Евросоюз распадется, но потом моментально возродится уже в новой конфигурации. В Германии философ Юрген Хабермас пытается втолковать, что Европа — это конституционный проект, а социолог Ульрих Бек — что построение европейской постнациональной демократии «снизу» в XXI веке очень даже возможно. Если Европе не суждено быть немецкой, она должна приложить все силы для заключения нового общественного договора. Зато франко-немецкий кумир 1968 года, а ныне европарламентарий Даниэль Кон-Бендит и бывший премьер Бельгии Ги Верхофстадт в своем совместном манифесте «За Европу!» аргументируют в пользу постнациональной Европы.

«Имей смелость — пишут они — снова мыслить по-европейски. Имей смелость оставаться на европейских позициях. Сделай европейский проект частью мира и завтрашней Европы. Возражай, спорь, борись с националистами, консерваторами, популистами. Используй в качестве аргументов невообразимо трагические последствия распада европейского континента. Объясни им, во сколько обойдется возврат к национализму. Объясни им, чего будет стоить Не-Европа, «Ново-Европа», еще более раздробленная, о которой грезят эти крысоловы, для которых даже нынешние страны слишком велики. Объясни им, во сколько обойдется обвал евро — а это огромная часть нашего состояния, в два-три раза больше убытков от банкротства «Lechman Brothers». Разоблачай тех, кто считает Европу ни к чему не обязывающим собранием древних отчизн. Разоблачай узкий консерватизм, который интересует только размывание демократии. И в первую очередь высмеивай популистов, которые

по-прежнему твердят, что они в курсе чаяний «народа», а также тех политиков, которые вместо того, чтобы показывать своим избирателям дорогу в будущее, лишь потворствуют их самым низким инстинктам. Демократия должна опережать общественное мнение, а не слепо, угодливо и в то же время цинично следовать ему лишь затем, чтобы вновь победить на выборах».

Авторы манифеста отрицают одно из самых распространенных представлений о Евросоюзе как о конфедерации национальных государств. Нет! Основа ЕС — пишут они — это его жители. И цель Евросоюза — не в том, чтобы отстаивать национальные интересы государств-членов, а в том, чтобы решать насущные проблемы его жителей и европейских наций в целом. ЕС — это наднациональный, а не международный институт.

Вот почему высшей властью в ЕС наделены Европарламент и Европейская комиссия, а также Совет, в то время как некоторые государства — особенно Франция — хотят превратить ЕС в межправительственную организацию, управляемую главами правительств или государств-членов. Комиссары превращаются в заурядных исполнителей чужих директив, а парламентарии — в поддакивающих болванчиков. Вот почему европейская демократия не пользуется уважением. Это Германия и Франция в 2004 году первые нарушили Стабилизационный пакт, превысив разрешенный бюджетный дефицит. Наказаны эти страны не были, но уже в 2010 году они требовали наказать за то же самое других. «Ни президент Франции, ни канцлер Германии не вправе говорить от имени Европы, поскольку они представляют французские или немецкие интересы, но никак не европейские».

Постнациональная демократия

Постнациональная демократия в Европе возможна, утверждают Даниэль Кон-Бендит и Ги Верхофстадт. Президент Еврокомиссии должен избираться или в ходе общеевропейских выборов или, в крайнем случае, как и комиссары — Европарламентом. Следовало бы также создать общеевропейский избирательный список, чтобы не копировать национальные партийные системы. Парламент также должен принимать решения о распределении европейского бюджета, который необходимо увеличить при помощи специального налога, к примеру, налога с банковских операций.

Тут нужны не отдельные идеи, а целое направление мысли, полагающее, что ЕС все еще находится in statu nascendi (лат. 'в стадии формирования'). Точкой, в которой сходятся основные перспективные направления, должен быть не только финансово-экономический союз, но и политический и социальный союзы. Общая армия и постоянное членство ЕС в Совете безопасности ООН. Европа национальных государств — это прямой путь к стагнации и маргинализации Европы в XXI веке.

Опасения поляков на пути к политическому союзу более приземленные и конкретные. Расширение полномочий Европарламента было бы преждевременным, говорят польские дипломаты в ответ на манифест Кон-Бендита и Верхофстадта. Кризис в зоне евро и дрейф Великобритании на периферию ЕС, добавляют они, разрушают единство Евросоюза и могут привести к тому, что Польша окажется у разбитого корыта.

По мнению министра Сикорского — члена созданной по инициативе председателя Баррозу «группы мозгового штурма», куда входят 11 министров иностранных дел некоторых стран ЕС — движение в сторону политического союза имеет смысл, но не может происходить за счет государств-членов, в юрисдикции которых должны оставаться весьма деликатные вопросы национального самосознания, культуры, религии, общественной морали и налогов.

Зато имело бы смысл объединить руководящие полномочия председателя Еврокомиссии и председателя Совета Евросоюза, усилить (но не слишком) демократическую легитимность Европарламента и локализовать его в одном и том же месте. Также было бы неплохо проводить выборы в Европарламент в один и тот же день во всех государствах-членах, а также разработать общий наднациональный избирательный список. Можно было бы усилить роль Еврокомиссии и сохранить (в конечном итоге, при помощи Совета) методику совместного принятия решений.

Это не Бог весть какие предложения, но, принимая во внимание польскую внутренную и внешную ситуацию, они вполне понятны. Польша, зажатая между зоной евро и британским фронтом отказа переходить на единую европейскую валюту, не очень подходит на роль передового отряда политического объединения

Европы. Зато в самой Польше наши федералисты — которых неонационалисты кличут «федерастами» — только изредка отваживаются перейти Рубикон, как, например, Януш Паликот и Лешек Миллер во время парламентских дебатов относительно присоединения Польши к фискальному пакту.

Обычно против политического углубления ЕС евроскептики выдвигают три аргумента:

- ЕС передает слабых под контроль сильных, хорошим доказательством чего может служить нынешняя недееспособность Греции. Но с тем же успехом можно сказать – поймал татарин казака, а тот его за нос держит. Эти якобы «сильные» тоже довольно серьезно зависят от «слабых», и, в конце концов, компромисс сведется к списанию долгов и опекой над должниками.

- Углубление ЕС означает размывание национальной идентичности. С другой стороны, самоотверженная защита архаичной идентичности может кончиться именно так, как в Греции — принудительной модернизацией. Современные нации действительно вовсю подпитываются собственной незапамятной мифологией, но по сути своей сконструированы в XVIII веке, претерпевая с тех пор различные изменения — в том числе и в области самосознания. В будущем выигрывает тот, кто не становится заложником собственного прошлого.

- И, наконец, третья претензия: ЕС представляет собой угрозу для демократии, навязывая свои услуги третейского судьи с соответствующими решениями, надиктованными политиками сильнейших государств и проводимыми в жизнь бездушными еврократами. Единственная в современной Европе форма демократии, которая прошла испытание временем — это демократия в рамках национального государства, национального общественного мнения и разделения властей.

Поиск путей

Но и здесь можно с уверенностью парировать. Две мировые войны и три тоталитарные системы — коммунизм, фашизм и нацизм — возникшие на руинах именно национальной демократии, могут послужить хорошим доказательством недолговечности последней. Именно поэтому отцы-основатели ЕС в 50-х годах пришли к выводу, что для блага жителей демократической Европы обязательно существование наднациональных институтов. И как раз сейчас начинается поиск путей для их демократической легитимизации.

В объединенной Европе национальное государство не отомрет как таковое, но в то же время демократия будет вынуждена выработать собственные постнациональные формы. Большая европейская дискуссия о постнациональной демократии уже в разгаре. И в ней должны прозвучать голоса творчески настроенных, открытых к диалогу и уверенных в себе поляков.

DIALOG

Адам Кшеминский — публицист польского еженедельника «Политика», в 1987–98 гг. главный редактор польско-немецкого журнала «Диалог». Живет в Варшаве.

Аркадиуш Хабера

О ЕВРОПЕЙСКОМ ПАТРИОТИЗМЕ

Польский Фонд имени Роберта Шумана был создан в 1991 году. В число его основателей входили Тадеуш Мазовецкий и Петр Новина-Конопка. В уставные задачи Фонда входит: «продвижение идей европейской интеграции и европейское образование», «общественная активизация граждан, поддержка демократических и гражданских ценностей», а также «ознакомление с польским опытом участия в европейской интеграции и социально-политико-экономической трансформации». Эти задачи составляют неотъемлемую часть миссии, принятой на себя Фондом и определяемой как «мотивирование гражданской активности европейцев, а также содействие европейской интеграции и ценностей, на которых она основана». Эти установки реализуются путем организации конференций, симпозиумов, семинаров, а также через Европейский волонтариат, предназначенный для молодежи, которая живет в Европейском союзе и странах, не входящих в него, таких как Россия, Украина или Беларусь. Начиная с 1999 г., Фонд ежегодно организует в Варшаве Парад Шумана. Он проходит в годовщину представления Робертом Шуманом 9 мая 1950 г. плана создания Европейского сообщества угля и стали, то есть зачатка будущего Европейского союза. Не забывает Фонд и о «работе у основ»* на благо развития гражданского общества. В качестве примера такой деятельности можно привести проект «Гминово», адресованный молодежи в возрасте 16-19 лет. Его цель — привлечь внимание к работе местного самоуправления и побудить, таким образом, к активному участию в его жизни через выборы в самоуправление и мониторинг действий местных властей. В перечень деятельности с целью пропаганды европейских ценностей входит и работа школьных европейских клубов, где молодежь узнаёт о роли европейской интеграции и принципах функционирования демократического государства. Во всем Евросоюзе действуют 3000 таких клубов, а польский Фонд им. Роберта Шумана поддерживает постоянный контакт более чем с 1000 из них. Совместным проектом Фонда Шумана, Фонда Конрада Аденауэра в Киеве, Европейской академии в Берлине и Фонда им. Роберта Боша является программа «Европа в чемодане», адресованная странам из региона восточного партнерства, а главным образом, Украине. Суть проекта состоит в инициировании встреч экспертов из Германии, Польши и Украины с неправительственными организациями, студентами, партийными деятелями и местной общественностью. Так, например, со 2 по 6 декабря 2013 г., т.е. во время событий, связанных с протестами украинцев, вызванных отказом правительства подписать договор ассоциации с Евросоюзом, группа экспертов, принимающих участие в проекте, посетила Винницу, Каменец-Подольский, Хмельницкий и Черновцы, встречаясь со студенческой молодежью и университетской общественностью этих городов.

Говоря о Фонде, можно долго перечислять и описывать осуществляемые им проекты. Очевидно, что работу, которую он выполнил ради продвижения в польском обществе европейских ценностей, невозможно переоценить. В период экономического кризиса, несущего с собой не только рецессию, но и, как кажется, ослабление идеи европейской идентичности, стоит задуматься над тем, зародилось ли в сознании граждан Евросоюза чувство европейского патриотизма. И является ли вообще патриотизм категорией, которая затрагивает эмоции молодых европейцев? А если затрагивает, то в какой форме, и что это за патриотизм? Ответы на поставленные выше вопросы пытается дать Анна Радван-Рёреншеф, связанная с Фондом с 2001 года, а с 2007 г. выполняющая в нем функции президента.

*«Работа у основ» — в категориях польского позитивизма просветительская деятельность интеллигенции, ее содействие воспитанию и образованию народа. Прим. пер.

Аркадиуш Хабера: ***Как с того времени, когда Вы начали свою работу в Фонде Шумана, изменилось отношение поляков к Европейскому союзу?***

Анна Радван-Рёреншеф: Перед референдумом о вхождении, состоявшимся в Польше в 2003 г., перспектива членства Польши в Европейском союзе вызывала много эмоций: от опасений, что немцы нас выкупят, до возбуждения, связанного с переменами, которые членство принесет. В первые годы членства мы осваивались в Евросоюзе, узнавали и определяли свое место в Сообществе, как в политическом, так и в социальном плане.

После десяти лет членства баланс для Польши более выгоден, чем ожидалось перед вхождением в Европейский союз. Стерлась память об опасениях и страхах перед вступлением, появилось ощущение успеха, выравнивается пропасть между Польшей и «старыми» членами Сообщества. Еще мы замечаем рост значения Польши в европейской политике — так, если в первые годы нашего членства мы были не слишком заметны, то теперь голос Варшавы приобретает вес. И все это время мы настроены очень проевропейски — как показывают исследования общественного мнения, поддержка поляками Европейского союза уже годами держится на высоком уровне, что делает нас одной из наиболее проевропейских наций.

— Ощутили ли мы за это время бóльшую причастность к Европе? Обрели ли чувство гордости за то, что являемся ее частью?

— Поляки всегда ощущали себя частью Европы, мы просто «вернулись» в нее после долгих лет отсутствия. Ведь, как сказал когда-то Тимоти Гартон-Эш, «Европа — это не территория, границы которой можно обозначить на карте. Это царство духа». Членство в Европейском союзе стало после перемен 1989 г. важнейшим событием, которым мы гордимся, увенчало трудный период политико-экономической трансформации.

— Не слишком ли часто мы рассматриваем Евросоюз единственно в качестве наднациональной организации, из которой мы извлекаем финансовую выгоду в форме дотаций на дороги, возрождение городов, развитие сельских территорий и тому подобную деятельность? В связи с этим, не считая экономической сферы, возможности пересекать границы без паспортов и облегчения доступа к рынку труда в остальных странах Союза, не остается ли он для нас абстрактной, далекой и, в силу своей сложной бюрократической структуры, непрозрачной сущностью?

— Несомненно, наступила «прагматизация» европейской политики — поляки ожидают, что Европейский союз займется, прежде всего, улучшением экономической ситуации и будет способствовать повышению уровня жизни. Темы «проект Европа» не существует в общественном дискурсе. Европейская тематика обычно трактуется инструментально, как орудие в национальных политических играх. Поэтому упомянутая Вами «абстрактность» Союза связана еще и с проблемой безответственности и отсутствия долгосрочного европейского планирования у политических элит страны.

— Какие угрозы для Европейского союза несет с собой экономический кризис? Нарастает ли в связи с ним евроскептицизм в Польше?

— А не кажется ли Вам, что кризис — это, возможно, имманентное состояние Евросоюза? Мы были свидетелями уже не одного институционального кризиса, грозившего парализовать Союз, хотя бы, когда в 2005 г. в результате референдумов во Франции и Голландии рухнул проект «Конституции для Европы», который возродился в виде принятого четыре года спустя Лиссабонского договора. Существовали опасения, что последний экономический кризис приведет если не к распаду Союза, то, определенно, к его ослаблению и исключению нескольких стран-членов за несоблюдение принятых правил. Черные сценарии не оправдались благодаря решительности стран-членов, действовавших по принципу Жана Монне: «Легче бороться с кем-то за столом, чем в окопах».

Лакмусовой бумажкой реальных евроскептических настроений в обществе будут выборы в Европейский парламент в мае 2014 года. Тогда мы сможем однозначно оценить уровень евроскептицизма в Европе.

— Возможен ли европейский патриотизм? Хотят ли поляки быть европейскими патриотами и являются ли они таковыми?

— Но мы же великие европейские патриоты — мы спасли Европу от захвата ее турками еще в семнадцатом веке (смех).

Понятие патриотизма ассоциируется у нас, прежде всего, с государственностью и утверждением национальных ценностей. С безусловной самоотдачей и склонностью посвятить себя благу государства, сограждан. В Польше патриотизм, вышедший из опыта борьбы и наследия страданий, определяется по-новому. Сегодня патриот самореализуется, формируя окружающую его действительность, ценностью для него является забота об общем благе и укрепление общественного капитала страны. До недавнего времени быть европейским патриотом означало осознавать опасность военной угрозы. Сплачивавший уходящее поколение европейцев миф об отцах-основателях, действовавших в объединительном духе, уже недостаточно привлекателен для нового поколения. Какую новую модель европейского патриотизма примет поколение «Эразмуса»**? Весьма вероятно, что они вообще не будут задумываться над этим, признав патриотизм изжитой и не подходящей к реалиям нынешней свободной Европы концепцией.

— Идентичность локальная, национальная, европейская — возможно ли сосуществование этих идентичностей?

— Принято считать, что локальная, национальная и европейская идентичности комплементарны, дополняют друг друга. И, если две первые идентичности легко определить, то, в свою очередь, европейская идентичность, как совокупная идентификация, вызывает много вопросов. Это следует из разнородности европейского проекта, из того, что Европейское сообщество строилось, прежде всего, как проект экономический, хозяйственный, а не культурный. Относительно недавно начали делать акцент на понятие «европейской идентичности», признав ее движущей силой и связующим элементом европейского проекта, что даже нашло отражение в официальных документах Союза. Существует ожидание того, чтобы граждане Евросоюза рассматривали европейские институты и механизмы еще и как венец общего наследия, а не только как инструмент в глобальном мире.

— Европа, особенно в XX веке, пережила острые конфликты. Первая и Вторая мировые войны наложили на континент свой отпечаток. Без сомнения, Европейский союз представляет собой проект, ставший ответом на трудную историю Европы, и в основе его лежит мысль о том, что произошедшее в XX веке никогда не может повториться. Возможно ли, в качестве ответа на трудную историю Европы, написание общеевропейского учебника истории?

— Время от времени мы возвращаемся к концепциям общеевропейского учебника, но, в сущности, всерьез этим никто не занимался. Наследие нескольких эпох невозможно описать с одной точки зрения, с которой согласилось бы 28 стран. У нас общая история, но не взгляд на нее — как кто-то когда-то верно заметил.

— Мы являемся свидетелями бурных событий на Украине. Президент Янукович не подписал договор ассоциации с ЕС, что вызвало сопротивление части украинского общества и демонстрации сторонников интеграции с Союзом. Каково, по Вашему мнению, отношение украинцев к Евросоюзу и интеграции с ним?

— В своей работе я встречаюсь, прежде всего, с проевропейски настроенными украинцами, такими, для которых договор ассоциации был бы вехой в процессе трансформации. Но, как нам хорошо известно, не вся Украина собирается на Евромайдане, так же как не все страны-члены поддерживают членство Украины в Европейском союзе.

** Эразмус (англ. Erasmus) — некоммерческая программа Европейского союза по обмену студентами и преподавателями между университетами стран членов Евросоюза, а также Исландии, Лихтенштейна, Македонии, Норвегии, Турции. Прим. пер.

Мартин Мицнер

ХОРОШО, КОГДА ЕСТЬ ВЫБОР

Пила — это маленькая деревенька в национальном парке «Тухольские боры» на землях Куявско-Поморского воеводства. Расположенная глубоко в густых лесах на берегу извилистой Брды, она до недавнего времени скрывала тайну. Никто из владельцев нескольких десятков домов, построенных здесь после 1989 г., не догадывался, какое место они себе выбрали для проживания.

Первые промоины и провалы начали появляться после того, как растаял снег и прошли обильные весенние дожди. Быстро выполненные геологические исследования показали, что всё данное поселение и ближайшие окрестности изъедены штольнями и туннелями шахт, которые находились в этой местности на рубеже XIX и XX веков. После II мировой войны знания на сей счет пропали, документы оказались вывезенными или спрятанными глубоко в архивах. Никто не предполагал, что посреди Тухольских боров существовал комплекс шахт, где велась добыча бурого угля.

Дальнейшие исследования выявили, что ставить дома в этой местности было по меньшей мере безответственно. Начальство гмины, которое выдавало разрешения на строительство усадеб, умыло руки. Из сложившейся ситуации хорошего выхода не было. Нейтрализация старых штолен обошлась бы так дорого, что никто не хотел браться за такую задачу. Перед жителями Пилы встала дилемма: выселиться из только что построенных домов или же остаться и рискнуть. Большинство из них выбрало именно второй вариант.

На волне возмущения, вызванного беспомощностью властей здешней гмины, было основано Общество жителей и любителей Пилы на Брде под названием «БУКО»*. Объединившись вокруг общей темы, они быстро пришли к выводу, что переезд никого из них не устраивает. И начали изучать историю шахт, на первых порах — чтобы гарантировать безопасность и надежнее оградить себя от дальнейших ям и провалов. Мало-помалу члены БУКО обнаружили, что забытая история этой местности не только увлекательна, но и полна белых пятен, за восполнение которых они взялись.

В работу этого общества включились местные историки, специалисты по регионалистике, археологи и активисты. Совместно они приняли решение, что Пила должна обернуть в свою пользу обстоятельства, составляющие самый большой ее кошмар. Вокруг истории шахт эти люди построили туристический бизнес, создали так называемую тематическую деревню. Приезжающие могли познакомиться с историей региона, попробовать свои силы в ремесле, осмотреть то, что осталось после шахт. Задача по реконструкции жизни тех, кто трудился здесь сотню лет назад, была тем более трудна, что отдельные слабо укрепленные штольни и туннели исчезли, оставив после себя лишь оползни, обвалы и дыры в земле.

История общества БУКО и организованной его членами Шахтерской деревни — это история успеха. Несмотря на трудности и большую трагедию, связанную с риском потерять все нажитое за целую жизнь, здешние обитатели создали нечто новое и позитивное. Благодаря деревне они не только заново выстроили свою идентичность; им удалось также найти решение вопроса о занятости. Эта задача наверняка была бы гораздо труднее, если бы Польша не была членом Европейского Союза. Влияние ЕС на данную ситуацию было двояким. Во-первых — и это наиболее очевидно, — деревня расцвела благодаря финансовой поддержке, полученной из европейских средств. Общество БУКО реализовало ряд проектов — инфраструктурных, хозяйственно-экономических и социальных. Все они повлияли не только на саму Пилу, но и на весь повет. Общество превратило группу неудовлетворенных и разочарованных жителей в социальных новаторов, которые тянут за собой весь регион.

Вскоре их замыслы и решения стали источником вдохновения для остальных окрестных поселков и деревень. Действуя сообща и пользуясь евросоюзными фондами совместно, регион обогатился за счет появившейся в нем новой туристической инфраструктуры, а также дополнительных коммерческих предложений, мероприятий и событий.

* По словам учредителей, сокращение БУКО (BUKO) восходит к названию первой угольной шахты, которая в 1886–1900 гг. функционировала в Пиле (прим. пер.).

Евросоюз помог и тем, что предоставил обитателям Пилы юридические инструменты. Усиленное присутствие Польши в правовых механизмах ЕС дало жителям основание оспаривать решения местных властей в страсбургском Трибунале справедливости. Имея за спиной этот трибунал, им было намного легче бороться за свои права.

Кроме того их поддержали местные и общепольские СМИ, которые благодаря очередным проектам, реализовавшимся обществом БУКО, заинтересовались поразительной историей Пилы и судьбой ее нынешних жителей. Нельзя также недооценивать действия сети неправительственных организаций, сотрудничающих со схожими гражданскими инициативами в пределах воеводства и оказывающих им помощь. В частности, благодаря объединению ТЛОК из Торуни общество БУКО получило юридическое и организационное содействие, которое было особенно необходимо в начале деятельности.

Это лишь один пример того, каким образом присутствие Польши в Европейском Союзе повлияло на ситуацию неправительственных организаций в стране. Разумеется, не все они столь же позитивны.

Присутствие Польши в структурах Европейского Союза диаметрально изменило то, как функционирует польское общество. Евросоюз — это в конечном итоге не только деньги на дороги, мосты и железнодорожные линии. Это также образ мышления и действия, отличающийся от существовавшего до сих пор. Изменения, которые произошли в результате вступления Польши в Европейский Союз, повлияли, помимо прочего, еще и на то, как формируется гражданское общество, а следовательно — на весь третий сектор, т.е. неправительственные организации (НПО).

На протяжении ряда последних лет в специализированных и общепольских СМИ, как минимум, несколько раз разворачивались бурные дебаты по поводу того, в чем изменилось положение польских НПО. Факт, что изменения произошли, никто не оспаривает, расхождения же касаются лишь оценки. В каком направлении идут перемены? Положительны они или губительны? Большинство считает, что польские организации данного типа претерпели грозные или даже губительные перемены. В соответствии с этой точкой зрения все объединения, общества и фонды сделались субподрядчиками правительственных структур и потеряли свою естественную, идущую снизу энергию. Вследствие поступления огромных европейских средств они приобрели «клиентский» характер, а их структура, когда-то эластичная, является теперь жесткой, бюрократической и формализованной. Подобные изменения затронули в первую очередь большие городские организации. Но факт таков, что их воздействие на местные организации значительно. Именно в городах зарождаются замыслы и идеи, которые потом расходятся по остальным частям страны.

Меньшинство говорит о том, что изменения идут в нужном направлении. Дополнительные средства, доступные в рамках различных программ, сделали возможным расцвет региональной Польши. При такой трактовке существующие ныне системные патологии имели бы место независимо от наличия ЕС-овских средств, а плюсов здесь больше, чем минусов. Крупные системные проекты, охватывающие всю Польшу, способствуют тому цивилизационному скачку, которого сами по себе инфраструктурные инвестиции бы не обеспечили. В массовых масштабах развиваются местные группы действия (МГД), а их проекты и методы становятся все более профессиональными. Благодаря этому улучшается качество функционирования не только третьего сектора, но и всего общества. Пример БУКО показывает, что польское гражданское общество действительно способно пользоваться помощью Евросоюза.

МГД — это лишь один из примеров того, каким способом Европейский Союз пытается упростить процедуры, связанные с привлечением средств на реализацию проектов при его содействии. К сожалению, такие старания по-прежнему не решают всех существующих проблем. Формализованность любых методов действий, охваченных европейскими денежными средствами, часто доводит общественных деятелей до бешенства. Написание конкурсных заявок или предложений требует специфических навыков и умений, необходимо также владеть языком бюрократии. Для реализации проекта уже мало лишь анимационных способностей и харизмы. Необходимо уметь справляться с предельно формализованными взаимоотношениями, тщательно следить за документацией и отчетностью, знать, как строить бюджет, как вести бухгалтерию и как заботиться о финансовой ликвидности организации. Все названные компетенции требуют времени на их приобретение — многих часов обучения и практики. Иногда это становится для местных деятелей непреодолимым барьером. Однако те из них, кто справится со всем вышеперечисленным, получают дополнительный инструмент изменений и влияния.

Большинство сомнений по поводу влияния ЕС на польские неправительственные организации связаны с так называемым «грантозом». Эта диагностированная уже несколько лет назад «болезнь» атакует то, что самое важное — приоритеты отдельных неправительственных организаций и их членов. В контексте реализуемых ими проектов редко задается вопрос об идеях, которые стоят за этими проектами, и о том, для чего вообще они осуществляются. Авторы диагноза «грантоз» указывают на проблему профессионализации организаций. С одной стороны, этот процесс помогает лучше реализовывать свои цели — работники организаций учатся все лучше и лучше выполнять свои обязанности, осваивают необходимые процедуры, накапливают ценный опыт. С другой стороны они, однако, впадают в рутину, де-факто становятся чиновниками, а их главная цель сводится к тому, чтобы зарабатывать на жизнь.

Таким образом, вопросы и сомнения по поводу целей неправительственных организаций касаются прежде всего тех из них, которые отходят от волонтерства и начинают пользоваться услугами оплачиваемого персонала. Судьба подобных организаций зависит как раз от того, удастся ли им добыть очередной грант. Его получение требует приспособления планируемых действий к тем актуальным приоритетам и формам, о которых сообщают оргструктуры, внедряющие ЕС-овские программы. Там, где в данный момент что-либо «выбрасывают», сразу выстраивается очередь организаций, которым средства из данного приоритетного направления позволят выжить и вести дальнейшую деятельность. Такая ситуация отнюдь не оказывает благотворного влияния на миссию данной организации, которая размывается в процессе подгонки под тренды и актуальные направления политики Евросоюза. Да и стабильности подобной организации эта ситуация тоже не идет на пользу. Выигрывать в заявочных конкурсах нелегко, это требует сноровки, больших трудов, а в конечном итоге — еще и удачи.

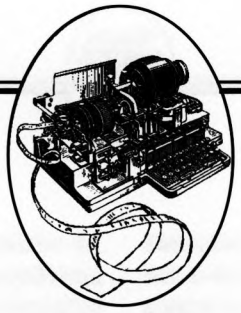
Отсутствие ощущения стабилизации — вот чувство, доминирующее в третьем секторе. Его следствием становятся проекты, реализуемые наспех и без предварительной подготовки, большая ротация сотрудников, быстро появляющиеся и исчезающие организации. Европейские средства, к сожалению, не меняют этого факта. Напротив, они способствуют ему благодаря тому, что подбрасывают в общий фонд средств, предназначенных для деятельности неправительственных организаций, огромные суммы.

Однако в конечном счете Евросоюз дал нечто такое, чего ранее польское общество не знало. Безотносительно к оценке того, как расходуются средства, выбор воспользоваться ими или нет принадлежит нам. Никого не наказывают, если он отсутствует среди бенефициаров европейских финансовых средств. А значит, у нас есть выбор, то есть нечто такое, без чего трудно говорить о развитии.

Для приграничных органов самоуправления указанным выбором была возможность участия в программе еврорегионов. Это инструмент, цель которого заключается в развитии сотрудничества между соседними сообществами, оказавшимися из-за государственных границ политически разделенными. Данный инструмент, существовавший и до вхождения Польши в Европейский Союз, ныне из маргинального орудия стал динамически развивающимся явлением. Благодаря еврорегионам появилась возможность тесного сотрудничества, в том числе и в тех местах, где после общественно-политических потрясений XX века, после изменений границ и государственного строя, люди оказались разделенными и вовлеченными в конфликт.

Превосходным примером действия такого механизма является еврорегион Силезия. Действуя на территории польской и чешской Силезии, он преследует такую цель, как выстраивание совместных действий и общей идентичности его жителей. В состав еврорегиона входят чешские и польские земли, но несмотря на административную границу, сотрудничество процветает, причем не только на формальном, чисто чиновничьем уровне. В проекты этого еврорегиона вовлекаются многочисленные организации, учреждения или же обыкновенные граждане.

Такая ситуация возможна опять-таки не только благодаря финансовой поддержке со стороны Евросоюза. Главное, что обеспечивает Евросоюз, — это чувство безопасности и стабильности, которое позволяет чиновникам, политикам и простым гражданам начать диалог с людьми, которые еще недавно считались чужими и представляли собой более или менее реальную угрозу.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» **«Президент Польши Бронислав Коморовский назначил выборы в Европейский парламент на 25 мая. Поляки выберут 51 депутата Европарламента в 13 избирательных округах» («Жечпосполита», 20 февр.). Согласно результатам опроса, проведенного агентством «TNS Polska» 7-13 февраля, в выборах в Европарламент собираются принять участие 48% поляков («Газета выборча», 21 февр.), а по данным ЦИОМа от 2 марта — 36%** ***(«Тыгодник повшехный», 2 марта).***

» «Премьер-министр Дональд Туск заявил вчера в Сейме, что Польша поддержит введение санкций для лиц, ответственных за «кровавый вторник» в Киеве. (…) Туск беседовал по телефону с Ангелой Меркель, Франсуа Олландом, Жозе Баррозу, Херманом Ван Ромпёем, а министр иностранных дел Радослав Сикорский после обеда вылетел в Киев. Самое удивительное, что выступлению Туска аплодировал самый ярый оппозиционер — Ярослав Качинский. Позже он поднялся на трибуну Сейма и — очередной сюрприз — заявил, что поддержит правительственную политику в отношении ситуации на Украине. Дональд Туск ответил своему сопернику аплодисментами. (…) В исключительно важном для Польши «украинском вопросе» партия «Право и справедливость» отказалась от политических игр, что и оценил премьер-министр. (…) Сегодня государственные интересы Польши сосредоточены на Украине, и по этой проблеме не должно быть разногласий и междоусобиц». *(Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 20 февр.)*

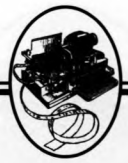
» **«Во второй половине дня с президентом Украины связался Бронислав Коморовский. До этого Виктор Янукович несколько часов не брал трубку. Польский президент призвал Януковича немедленно прекратить огонь».** ***(Павел Маевский, «Жечпосполита», 20 февр.)***

» «Блокада дорог, ведущих к пограничным пунктам пропуска с украинской стороны, а также информационный хаос парализовали в четверг движение товаров из Польши на восток», — Збигнев Лентович. «Экспортеры жалуются. (…) Украинские банки совершают международные финансовые операции с существенным опозданием». *(«Жечпосполита», 21 февр.)*

» **«По статистике на Украине работает около 1,2 тыс. польских фирм. Некоторые из них закрывают свои филиалы, но полностью деятельность не сворачивают. Инвестиции польских фирм на Украине составляют 945 млн долларов».** ***(«Bloomberg Businessweek Polska», 24 февр.—2 марта)***

» «Объем продаж продукции польских фирм на Украине за первые три недели 2014 года снизился на 10%. (…) Около 15 тыс. польских предприятий торгует с Украиной. (…) Украина является восьмым по величине польским экспортным рынком, а по объему импорта занимает 21-е место. По предварительным данным, объем экспорта в эту страну составил 5,7 млрд долларов и был на 8,5% больше, чем год назад. Объем импорта из Украины составил 2,2 млрд долларов, уменьшившись на 13%». *(«Жечпосполита», 25 февр.)*

» **«Радослав Сикорский, Лоран Фабиус и Франк-Майер Штайнмайер с утра по очереди переговорили с Виктором Януковичем и лидерами Майдана: Арсением Яценюком, Виталием Кличко и Олегом Тягнибоком. О содержании бесед рассказал вчера премьер-министр Дональд Туск. (…) «С президентом Януковичем достигнута договоренность о досрочных парламентских и президентских выборах, которые состоятся в этом году, о создании правительства национального единства в течение ближайших десяти дней, а также о внесении изменений в конституцию до ближайшего лета», — заявил Туск. (…) «Я сомневаюсь, что Янукович выполнит эти условия. В отсутствие конкретных решений со стороны Януковича и Партии регионов было бы наивным воспринимать эти обещания всерьез. Мы ждем реальных дел», — заявил Александр Квасьневский. (…) Туск подчеркнул, что вокруг Польши создается угрожа-**



ющая атмосфера и провокации в отношении нашей страны совершенно не исключены. (...) Он также добавил, что в последнее время наблюдается усиление активности российских и белорусских спецслужб». ***(Томаш Белецкий, Рената Грохаль, «Газета выборча», 21 февр.)***

» «Британский канал ITV случайно записал, как Радослав Сикорский, выходя из зала переговоров, довольно прямолинейно заявил представителю оппозиции: «Если вы не пойдете на компромисс, будет введено чрезвычайное положение, в столице появятся войска. Вы все погибните». (...) «По имеющейся у меня информации, планировалось задействовать вооруженные силы МВД», — сказал Сикорский. Соглашение подписали Виктор Янукович, представители оппозиции и три европейских делегата, выступившие в качестве свидетелей. Специальный представитель президента России, Владимир Лукин, однако, отказался принять участие в церемонии подписания соглашения». *(Анна Слоевская, «Жечпосполита», 22-23 февр.)*

» **««Радек, спасибо тебе большое», — такую смску, разумеется, по-украински, получил Радослав Сикорский от советника Арсения Яценюка после проведенных переговоров».** ***(Иоанна Мизёлек, «Польска», 24 февр.)***

» «Профессор Владимир Лукин был очень полезным и эффективным участником нашей группы, выполнявшей роль свидетелей заключения соглашения. Во время переговоров он несколько раз поспособствовал выходу из создавшегося тупика. (...) Представитель России делился с нами очень хорошими идеями, это был творческий вклад опытного дипломата», — Радослав Сикорский. *(«Газета выборча», 22-23 февр.)*

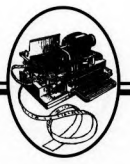
» **«Газета выборча» от 22-23 февраля опубликовала список 75 опознанных жертв, погибших в четверг на киевском Майдане. В списке 64 участника протестов и 11 милиционеров. В пяти случаях данные о погибшем сопровождаются короткими воспоминаниями. Список составлен на основе информации, поступившей от «Евромайдан-SOS» 21 февраля в 16.00. В том же номере «Газеты выборчей» можно найти перечень «добросовестных организаций в Польше, которые занимаются сбором средств в помощь гражданам Украины», а также анонс 11 акций поддержки Майдана, организованных 23 и 24 февраля в разных городах Польши.**

» «Раненых украинцев прямо у пограничного шлагбаума на польской стороне ждут машины «Скорой помощи», которые, включив сирены, развозят людей по больницам. (...) Польские и украинские таможенники быстро проверяли документы, чтобы машины могли как можно скорее доставить людей в больницы. (...) На борту самолета, которым сегодня из Киева прилетит министр иностранных дел Радослав Сикорский, находятся раненые участники столкновений на Майдане». *(Анна Горчица, Петр Козловский, «Газета выборча», 23-24 февр.)*

» **«Начиная с 6 февраля и до конца месяца к нам прибыло в общей сложности 107 человек, раненных во время событий на Украине. Часть из них уже вернулась домой, другие продолжают курс лечения».** ***(Гражина Завадка, Марек Козубаль, «Жечпосполита», 4 марта)***

» «Запад всегда относился к Украине как к проблеме, существующей где-то на периферии. Заслуга премьера Туска и министра Сикорского в том, что им удалось убедить Евросоюз начать думать об Украине в категориях политической стратегии, а не тактики. Без этой активности не состоялась бы и миссия трех министров в Киеве», — проф. Адам Даниэль Ротфельд. *(«Ньюсуик-Польска», 24 февр. — 2 марта)*

» **«По данным опроса, проведенного Институтом изучения общественного мнения «Homo Homini» 21—22 февраля, 63% опрошенных в курсе того, какие меры были предприняты польским правительством в связи с ситуацией на Украине. (...) 27% опрошенных ничего не слышали о действиях польских дипломатов на прошлой неделе, а каждый десятый респондент признался, что ничего не знает об украинских событиях. 71% опрошенных весьма высоко оценило деятельность польского правительства. 17% респондентов оценили работу правительства «очень положительно», 54% — «положительно». Критически о миссии Радослава Сикорского отозвался каждый пятый опрошенный. (...) 43% респондентов считают, что этих усилий правительства было достаточно для нормализации обстановки, 40% считают иначе. (...) Вчера во многих польских городах, в том числе в Варшаве, Кракове, Вроцлаве и Щецине, прошли акции в поддержку киевского Майдана».** ***(Иоанна Цвек, «Жечпосполита», 24 февр.)***



» «В субботу я беседовал с Сергеем Лавровым. (…) Уже в воскресенье министр Лавров отозвался об украинском парламенте как о демократическом институте. (…) В субботу я говорил Сергею Лаврову о том, что происходящее на Украине гораздо масштабнее и серьезнее, чем события, имевшие в свое время место в Грузии и Приднестровье. Необходимо также помнить, что в соответствии с Будапештским меморандумом 1994 года Россия выступает формальным гарантом независимости Украины и неприкосновенности ее границ. Тогда Украина добровольно отказалась от огромного ядерного арсенала, который достался ей после распада Советского Союза, и взамен три мировых державы — США, Великобритания и Россия — обязались уважать ее суверенитет, территориальную целостность и не оказывать на Украину никакого давления. И мы, как представители мирового сообщества, должны напомнить об этом России», — Радослав Сикорский, министр иностранных дел Польши. *(«Газета выборча», 26 февр.)*

» **««Мы глубоко обеспокоены ситуацией в Крыму. (…) И выражаем решительную поддержку суверенитета и территориальной целостности Украины», — заявили вчера министры иностранных дел «Веймарского треугольника» Радослав Сикорский, Франк-Майер Штайнмайер и Лоран Фабиус». *(«Газета выборча», 1-2 марта)***

» «Агрессора нужно открыто, не стесняясь, называть агрессором. (…) Сегодняшние действия России отчетливо напоминают политику гитлеровской Германии в 1938—39 годах», — Ежи Бар, бывший посол Польши в России. *(Мнение высказано 3 марта, в 11 утра, по первой программе Польского радио, в рамках новостной передачи)*

» **«В дальнейшей перспективе нельзя исключать и угрозы российского вторжения в Польшу. (…) Пока что нет смысла мобилизовывать армию, хотя украинскому кризису свойственна очень высокая динамика. Все сегодняшние прогнозы уже завтра могут оказаться несостоятельными. (…) Договоренность между Россией и Польшей относительно Украины, скорее всего, невозможна», — генерал Станислав Козей, начальник Бюро национальной безопасности Польши. *(«Жечпосполита», 3 марта)***

» «Россия начала военные маневры у самых границ Польши. (…) Учения, проходящие в Калининградской области, можно расценить как своего рода ответ Владимира Путина на вмешательство Польши на украино-российский конфликт и ее позицию относительно ползучего вооруженного вторжения на территорию Крыма. (…) Учения довольно масштабны — в них принимают участие 3,5 тыс. российских военных и 450 тяжелых боевых машин». *(Михал Пясецкий, «Факт», 4 марта)*

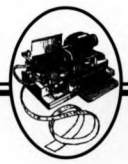
» **«Калининградские предприниматели, специализирующиеся на оказании похоронных услуг, массово отовариваются в Польше. (…) Закупают цветы, надгробные лампадки, подставки для венков, кувшины и гробы». *(«Газета выборча», 24 февр.)***

» ««Мы не приводили наши войска в повышенную боевую готовность», — заявил министр национальной обороны Томаш Семоняк. (…) «Перемещение колонн наших войск связано с повседневным, обычным функционированием вооруженных сил», — объясняет полковник Томаш Сулейко из Генерального штаба польской армии. Подполковник Щепан Глущак из Главкома ВС Польши добавляет, что в настоящее время проходят учения на нескольких полигонах, в том числе в Новой-Дембе, Ожише, Дравске-Поморском и Жагани: «В общей сложности на полигонах сейчас находится около 5 тыс. военных. Воинское снаряжение доставляется к месту учений, в том числе, по железной дороге»». *(Гражина Завадка, Марек Козубаль, «Жечпосполита», 4 марта)*

» **«Я думаю, что польская армия в случае возможной атаки с востока в состоянии эту атаку отразить и удерживать свои позиции до тех пор, пока на помощь не подойдут войска НАТО», — генерал Роман Полько. *(«Факт», 5 марта)***

» «Жители приграничных районов заранее настроены на самое худшее. (…) Они уже начали запасаться продовольствием. (…) Имеет смысл также пополнить запасы основных лекарств, бинтов, пластырей, средств дезинфекции, питьевой воды, приобрести фонарики и батарейки к ним, свечи и спички, газовую горелку и дополнительный газовый баллон». *(Войцех Ласкажевский, «Факт», 4 марта)*

» **«Польша в безопасности, — заявил президент после заседания Совета национальной безопасности. Во время телефонного разговора с Бараком Обамой американский президент заверил Бронислава Коморовского в акту-**



альности и незыблемости всех гарантий для Польши со стороны США и НАТО». *(Павел Вронский, «Газета выборча», 4 марта)*

» «Одно из важнейших достижений правительства Ежи Бузека заключалось в том, что ему удалось добиться разработки в 2001 г. вероятностного плана НАТО для Польши. Благодаря этому мы точно знаем, какие именно боевые соединения, каким образом, с какими поставленными задачами и с каким снаряжением прибудут в нашу страну в случае войны. В этом плане также весьма четко сформулирован план действий и для наших вооруженных сил. (…) За 15 лет появилось новое поколение польских военачальников, большая часть которых служила в структурах НАТО. Укрепление североатлантического блока во многом ускорилось благодаря переменам, произошедшим в наших вооруженных силах (…): техническим инновациям, быстрому росту количества вооружения западного производства, переходу к профессиональной армии, модернизации системы командования», — Бронислав Коморовский, президент Польши. *(«Вооруженная Польша», №3, март)*

» **«Главным элементом вероятностного плана НАТО для Польши (то есть симметричного ответа на военную угрозу) были три тяжеловооруженные американские дивизии. И где же эти дивизии сейчас?». *(Павел Вронский, «Газета выборча», 3 марта)***

» Президент Владимир Путин обвинил Польшу и Литву в подготовке активистов Майдана, «которые действовали не хуже любого спецназа». Польский МИД в ответ заявил, что президента России ввели в заблуждение, поскольку Польша не проводила инструктажа и обучения украинцев. Премьер-министр Дональд Туск подчеркнул, что заявления Путина по этому поводу «весьма и весьма далеки от правды». *(По материалам «Дзенника — Газеты правной» и «Жечпосполитой» от 5 марта)*

» **«Впервые за много лет мы, европейцы, чувствуем самую настоящую угрозу нашей стабильности и мирному сосуществованию на всем континенте», — Жозе Мануэль Баррозу, председатель Европейской комиссии. *(«Жечпосполита», 6 марта)***

» «Если бы у европейских политиков были разум и воля, а европейцы лучше разбирались в происходящем и были способны солидаризироваться, можно было бы отплатить агрессору довольно болезненным для него образом», — сенатор Влодзимеж Цимошевич, экс-премьер, экс-министр иностранных дел и экс-министр юстиции. *(«Газета выборча», 5 марта)*

» **«Польша, действуя посредством различных международных организаций, преследует три цели. Прежде всего, она хочет предотвратить российское вторжение на Украину и свести на нет последствия интервенции РФ в Крыму. (…) Третья цель — это политическая и экономическая стабилизация Украины». *(Гжегож Осецкий, «Дзенник — Газета правна», 5 марта)***

» «Вчера польский парламент принял резолюцию в поддержку Украины. (…) «Единственным правомочным правительством Украины является правительство премьер-министра Арсения Яценюка, сформированное украинским парламентом», — подчеркнул во время своего выступления Дональд Туск. (…) С содержанием резолюции польский парламент определился во вторник. (…) «Российская военно-политическая акция в отношении Украины, и особенно в отношении Крыма, является грубым нарушением прав суверенного государства, а также попранием Устава ООН», — считают депутаты. В резолюции также выражаются солидарность с народом Украины, соболезнование и поддержка семьям погибших на Майдане, а также содержится заявление об уважении территориальной целостности Украины. (…) В чрезвычайном заседании Сейма принимал участие посол Украины в Польше Маркиян Мальский». *(Павел Маевский, «Газета выборча», 6 марта)*

» **«В ходе закрытого заседания Совета Европейского союза премьер Дональд Туск призвал к заключению договора об ассоциации с Украиной до проведения президентских выборов в этой стране, которые назначены на 25 мая. Туску удалось настоять на своем». *(Ежи Белецкий, «Жечпосполита», 7 марта)***

» «Поляки принимают огромное участие в происходящей украинской революции. Все эти дни мы отчетливо чувствовали поддержку со стороны Польши, и не только гуманитарную, но также информационную и политическую. Множество поляков протестовало на Майдане плечом к плечу с украинцами, они вместе подставляли головы под дубинки «Беркута». Мы помним, что

польский Сейм оказался первым европейским парламентом, поддержавшим Майдан, и это на самом деле трудно переоценить. Польша действует гораздо решительнее и последовательнее, нежели другие европейские страны. Поляки, занимающие высокие государственные должности в различных международных организациях, также на стороне украинцев. И мы бесконечно благодарны полякам за их поддержку. Мы благодарны за то, что множество польских политиков приезжало в Киев и поддерживало Майдан. Все это создает между нашими народами множество позитивных точек соприкосновения, которые в итоге смогут нейтрализовать былые исторические противоречия и недоразумения», — Олег Тягнибок. *(«Жечпосполита», 7 марта)*

» **«Случай Украины отлично иллюстрирует те опасности и риски, с которыми сталкивается любая система в случае, если ее реформирование носит неоконченный либо половинчатый характер. В условиях кризисов и геополитических изменений становятся отчетливо видны все минусы неустойчивых государственных и общественных институтов, коррумпированной экономики и слишком неразвитого гражданского общества. (...) Это горький урок для Евросоюза, и тем более горький урок для Польши как для главного поверенного Украины в Европе. (...) Европейцы исходили из ложной предпосылки, что соседние государства сегодня мало чем отличаются от стран, входящих в ЕС. Евросоюз просто не захотел заметить, что происходящие все это время в соседних странах процессы, связанные со способом регулирования и функционирования экономики прямо противоположны европейским. (...) Польша тоже купилась на эти иллюзии, добиваясь от своих европейских партнеров, чтобы они сделали для Украины еще больше, обнадежила украинцев перспективой членства в ЕС. Еще две недели назад премьер-министр Туск именно с этой целью посетил ряд европейских столиц. (...) К сожалению, главное сделано не было — не удалось должным образом поддержать свободные СМИ, развить демократические стандарты в государственных институтах, победить коррупцию. (...) Важнейшая задача — отстоять базовые принципы: уважения к демократии и правам человека, к законам государства и его институтам», — Павел Швебода, президент аналитического центра «demosEuropa — Центр европейской стратегии», и Кшиштоф Блуш, вице-президент центра.** ***(«Bloomsberg Businessweek польска», 24 февр. — 2 марта)***

» «Незадолго до нашего вступления в ЕС мы публично обязались увеличить нашу помощь другим странам до 0,17% национального дохода брутто в 2010 г. и до 0,33% в 2015 году. В то же время выделенные на эти цели средства в 2012 г. составили лишь 0,09% нашего ВВП. (...) Чтобы выполнить наши обязательства, мы должны в будущем году перечислить в другие страны 5 млрд злотых, из них свыше 1,2 млрд должны быть переданы без какого-либо посредничества. «Как и в предыдущие годы Польша оказалась не в состоянии придерживаться собственных международных деклараций относительно помощи другим странам», — говорится в отчете «Польское сотрудничество по развитию», подготовленном «Заграничной группой», ассоциацией неправительственных организаций, занимающихся помощью развивающимся странам». *(Якуб Капишевский, «Дзенник — Газета правна», 26 февр.)*

» **««Мы ежедневно теряем миллион евро в связи с тем, что Россия прекратила ввоз нашей свинины», — пожаловались в адресованном правительству письме члены Союза мясников и колбасников Польши. В столь трудной ситуации польские производители свинины не были с момента окончания Второй мировой войны, утверждают авторы письма. Объем экспорта польской свинины в Россию в 2012 г. составил 43,5 млн евро, а в первом полугодии 2013 года — 33,1 млн евро, что свидетельствует об увеличении продажи мяса по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года почти вдвое».** ***(Дорота Скробиш, «Газета польска цодзенне», 14 февр.)***

» «Продажа польских товаров на международных рынках достигла рекордного уровня, который составил почти 640 млрд злотых, то есть практически 40% польского ВВП. Еще десять лет назад этот показатель составлял 25% ВВП. По сравнению с 2012 г. экспорт в 2013 г. вырос на 5,8%, сообщило Главное управление статистики». *(«Жечпосполита», 12 февр.)*

» **«Два энергетических блока в Ополе, каждый мощностью 900 мВт, общей стоимостью 11,6 млрд злотых — это самая крупная промышленная инвестиция свободной Польши.**

(…) Оба блока будут отапливаться углем. Несмотря на свои передовые технологические характеристики, работа блоков будет связана с весьма высоким уровнем эмиссии углекислого газа». *(Томаш Прусек, «Газета выборча», 17 февр.)*

» «Если в течение ближайших шести лет мы не ускорим процесс строительства в Польше возобновляемых источников энергии, то после 2020 г. нам в любом случае придется выполнить условия, которые ставит нам ЕС относительно присутствия возобновляемых ресурсов на европейском рынке. На практике это означает, что вместо производства возобновляемой энергии в Польше нам придется ввозить ее из других стран». *(Збигнев Зака, «Впрост», 17-23 февр.)*

» **«В прошлом году Всемирный фонд дикой природы подготовил отчет, согласно которому с 2010 по 2013 гг. польские гидротехники по заказу воеводских управлений мелиорации и водного хозяйства перекопали по всей стране около 15 тыс. км малых рек, и эти работы в основном проводились на деньги ЕС. (…) В итоге угроза наводнений не снизилась, а напротив — повысилась. Кроме того, данные работы привели к ухудшению качества воды в этих реках, гибели охраняемых водных животных и промысловых рыб, осушению водных земель и оскудению почвы. (…) Экологические организации уже несколько лет бьют тревогу, обращаясь в Европейскую комиссию. (…) 21 февраля 2013 г. Европейская комиссия обратилась с жалобой на Польшу в Трибунал ЕС. Это значит, что Польша может быть оштрафована на довольно крупную сумму». *(Михал Ольшевский, «Тыгодник повшехный», 16 февр.)***

» «Третья польско-украинская школа охраны природы провела свои занятия в Киеве с 30 ноября по 1 декабря. (…) Идея школы возникла в связи с необходимостью воспитания новых экологических кадров на Украине, в Польше и других странах Центральной и Восточной Европы. Идейной базой этих занятий выступает российская концепция «абсолютной заповедности», сформулированная еще сотню лет назад профессором Г. А. Кожевниковым и предусматривающая максимальное расширение сферы дикой природы». *(Кшиштоф Войцеховский, «Дзике жиче», февраль)*

» **«Два миллиона пчел погибли в Сондецких Бескидах, поскольку фирма, нанятая местными властями для борьбы с комарами, использовала против насекомых отравляющие вещества. Владелица этой фирмы осуждена на четыре месяца лишения свободы». *(«Газета выборча», 12 февр.)***

» «Институт литературных исследований Польской академии наук анонсировал проведение международной конференции «Животные и их люди. Сумерки антропоцентрической парадигмы». (…) Организаторы конференции, которых крайне удивили нападки со стороны консервативно-католических СМИ, заявили: «Конференция не направлена против католической Церкви и религиозных чувств верующих». (…) Интердисциплинарные исследования в области «animal studies» отстаивает идеи так называемой постгуманистики, согласно которым мир вовсе не обязан служить исключительно удовлетворению потребностей человека. «Animal studies» исследует феномен антропопатриархата, то есть системы, в которой миром правит человек, оправдывая свое потребительское отношение к животным. Существуют теории, согласно которым то обстоятельство, что животные стали частью промышленного конвейера, открыло прямую дорогу массовому уничтожению людей в концлагерях. (…) Четыре года тому назад в Варшавском университете сорвалось проведение конференции «Правовые и этические аспекты гуманитарной охраны животных». Запретила ее проводить тогдашний ректор университета Катажина Халащинская-Мацуков в связи с протестами относительно участия в конференции Питера Зингера, автора книги «Освобождение животных»». *(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 15-16 февр.)*

» **«79% поляков считают, что животные чувствительны к физической боли точно так же, как и люди. 5% убеждены, что у животных болевой порог гораздо выше, чем у человека. 67% респондентов полагают, что совершенно необходимо всячески минимизировать страдания умерщвляемого животного; 25% считают, что это достаточно важно. 68% поляков одобряют содержание животных в зоопарке, а 58% поддерживают испытания на животных лекарств, предназначенных для человека. 30% опрошенных не возражают и против тестирования на животных моющих средств**

и косметики. 33% поляков не видят ничего предосудительного в дрессировке животных и их участии в цирковых представлениях», — «Отношение поляков к животным», опрос ЦИОМ, 2013. ***(«Политика», 12-18 февр.)***

» ««Обретением независимости» назвал архиепископ Вацлав Депо переход телевидения о. Тадеуша Рыдзыка на многоканальное цифровое вещание». *(«Тыгодник повшехный», 23 февр.)*

» **«Католическая монашеская конгрегация редемптористов одолжила телевидению «Трвам» 68 млн злотых, публично этим похвастившись. (...) Интересно, уведомил ли об этом Ватикан нунций Папы римского в Польше? Ведь это входит в его обязанности, если речь идет о сумме, превышающей 5 млн евро. (...) В монастырях редемптористов царит возмущение. Монахи удивлены тем, что польская провинция располагает такими большими деньгами. Говорят, что эти 68 миллионов принадлежат лично Рыдзыку, не будучи сбережениями конгрегации. Дескать, происхождение этих своих денег он был вынужден скрывать, и в итоге передал их своим «кредиторам», чтобы таким образом легализовать. (...) Прочие монашеские ордена, причем гораздо более крупные и состоятельные, также удивлены невероятной зажиточностью редемптористов. Возможно, мы никогда не узнаем, как обстояли дела на самом деле», — цитирует слова о. Ежи Галинского Мартин Войчик.** ***(«Газета выборча», 13 февр.)***

» «Хотелось бы знать, с кем именно — напрямую или опосредованно — связывался о. Рыдзык перед получением лицензии на вещание его радиостанции в России. Ежи Моравский, автор телерепортажа «Империя отца Рыдзыка» утверждает, что ключевую роль в получении Рыдзыком российской лицензии сыграли люди из КГБ. Можно ли назвать случайным совпадением тот факт, что посвященные политике передачи радио «Мария» полностью соответствовали генеральной внешнеполитической линии Кремля, в обход польских государственных интересов? Речь идет прежде всего о вступлении Польши в НАТО и ЕС, но также и об усилении раскола в католической Церкви и польском обществе в целом. (...) Почему возник «заговор молчания» вокруг этих основополагающих вопросов? (...) В свое время мне пришлось дискутировать по поводу отца Рыдзыка и его радио с епископом Игнацием Ежем, который тогда сказал мне: «Галинский, за тобой правда, а за Рыдзыком — деньги». (...) Нунциатура по-прежнему отмалчивается, а суммы, о которых идет речь, безусловно, превышают возможности католической Церкви. (...) И я боюсь, что очень скоро такая линия поведения приведет к весьма печальным последствиям», — о. Ежи Галинский. *(«Тыгодник повшехный», 16 февр.)*

» **«Дотацию в размере 6 млн злотых получил создаваемый на территории храма Провидения Божия в Виланове музей Иоанна Павла II и примаса Польши Вышинского. Остальные 72 музейные и театральные организации получили в общей сложности 13,2 млн злотых».** ***(«Тыгодник повшехный», 16 февр.)***

» «Не утихают споры по поводу шестимиллионной дотации министерства культуры и национального наследия на продолжение строительства музея Иоанна Павла II и примаса Вышинского на территории храма Провидения Божия. (...) В 2010-13 гг. этот проект уже получил из бюджета культурного ведомства почти 16 млн злотых. В общей сложности государственные дотации на этот музей превышают 20 млн злотых». *(«Политика», 12-18 февр.)*

» **«Все чаще образ католика принимает карикатурные черты человека, который фанатично поддерживает крайне правые политические силы, марширует, вооружившись крестом и провозглашая ненавистнические лозунги, отправляется в паломничество на Ясную Гору, чтобы там демонстрировать свои накачанные не хуже чем у футбольных фанатов бицепсы и принимать активное участия в политических манифестациях. (...) Какие же проповеди слушали эти люди, если крест для них стал символом ненависти? Кто убедил их, что мир погряз во зле и грехе? Что нельзя доверять ближнему своему? Что других людей нужно ненавидеть?», — Ружа Тун, депутат Европарламента.** ***(«Политика», 12-18 февр.)***

» «То, что наше общество оказалось в состоянии «польско-польской войны», делает невозможным существование какой-либо общей системы ценностей. Для одних Зигмунт Бауман — это социолог с мировым именем, для других — «гэбист». Кто-то именует Валенсу легендарным лидером «Солидарности», а кто-то — «агентом Болеком». Но к этим устойчивым тенденциям добавилась

еще одна — это возникший на благодатной почве интернет-ментальности тренд отмены всех иерархий, презрения к авторитетам, игнорирование критериев личных достижений, образования, опыта. (...) Площадная брань становится не только частью языка, но и способом мышления, своего рода политическим кредо. Программой, с которой нам придется столкнуться, причем похоже, что очень скоро». *(Мариуш Яницкий, Веслав Владыка, «Политика», 19-25 февр.)*

» **«Мне трудно принять стандарты и обычаи, действующие в сегодняшней политической практике. Всепроникающий популизм и чрезмерная концентрация на социотехнических приемах парализуют правящие круги. (...) Я часто бываю в окрестностях Жешува, и когда вижу эти неиспользуемые мосты, эстакады, бездействующие, хотя и достроенные участки дорог, то спрашиваю себя: подсчитал ли кто-нибудь, во сколько обходится обслуживание капитала, «замороженного» в этих объектах? Ведь все это ложится на плечи налогоплательщиков. И мы компрометируем своей беспомощностью самих себя. (...) Государство теряет гораздо больше денег из-за нерациональных инвестиционных механизмов, а не благодаря коррупции», — Януш Штейнхоф, один из основателей «Солидарности» в Силезии, экс-депутат, экс-министр экономики и экс-премьер.** ***(«Газета выборча», 15-16 февр.)***

» «Отставка руководителя Управления по защите конкуренции и прав потребителей Малгожаты Краснодембской-Томкель. (...) Мало кто сомневается, что руководитель управления отстаивала интересы потребителей, а не правящих элит, что и стало причиной отставки. Сама Краснодембская-Томкель главным своим достижением считает ликвидацию цементно-строительной картели, а также борьбу за права потребителей в банковской сфере, на телевидении (в 2011 г. штрафные санкции в отношении различных электронных СМИ в общей сложности составили 100 млн злотых), а также в девелоперской, туристической и страховой отраслях. (...) О ней отзывались как об очень грамотном специалисте, который совершенно не зависел от политической конъюнктуры. (...) Оказалось, что человек, обладавший правом штрафовать влиятельные фирмы на миллионы злотых, может быть уволен премьер-министром без каких-либо объяснений одним росчерком пера. И каждый следующий руководитель Управления по защите конкуренции и прав потребителей будет помнить об этом». *(Михал Шулджинский, «Bloomsberg Businessweek Polska», 17-23 февр.)*

» **«Правительство так сильно подорвало доверие общества к государственным институтам, что уже никакие поощрительные меры не в силах увеличить объем добровольных сбережений в пенсионной системе. Причина этого проста — правительство продемонстрировало, что оно может делать с пенсионной системой все, что заблагорассудится, не считаясь с ранее принятыми решениями и не уважая мнение избирателей. (...) Самый же негативный аспект работы правительства заключается в том, что оно ради быстрых и легких денег наносит своей политикой вред обществу. Увы, но президент Бронислав Коморовский не отважился этому помешать».** ***(Анна Патриция Чепель, «Жечпосполита», 12 февр.)***

» «Депутаты почти единогласно проголосовали за скандальный законопроект, противоречащий цивилизованным нормам правового государства; законопроект, который грубо нарушает основные принципы уголовного права: нет наказания без преступления, и никто не может быть осужден за одно и то же преступление дважды. Для того, чтобы эти принципы были соблюдены, недостаточно стыдливо избегать в тексте слова «наказание», заменив его размытым термином «размещение в изоляционном центре». (...) Это очковтирательство, а не законотворчество. (...) Правительство оскандалилось, когда направило этот дикий законопроект в Сейм, а затем не признало свою ошибку и не отозвало его назад. (...) Оскандалилось, когда министр юстиции утвердил этот законопроект, а также когда замминистра заявил, что заключение Мариуша Трынкевича в изоляционный центр не является повторным наказанием за одно и то же преступление. (...) По сути, это возврат к большевистской доктрине уголовного права: для назначения наказания достаточно решить, что человек представляет угрозу для общества. (...) Оскандалились популярные политики из различных партий. (...) Оскандалились СМИ. (...) Народ показал себя сбродом, а не гражданским обществом. Среди немногих, кому в этой ситуации удалось сохранить лицо, оказался Хельсинский фонд по правам человека. (...) Абсолютно предсказуемая ситуация с выхо-

дом на свободу потенциально опасного человека, вдруг спровоцировала потерю ориентиров, иррациональное поведение и подверженность слепой панике у польских властей, органов управления и общественности», — проф. Войцех Садурский. *(«Ньюсуик-Польска», 17-23 февр.)*

» **«Мэр Легионово, небольшого города в окрестностях Варшавы, подобно бывшему министру транспорта Славомиру Новаку, оказался в неприятной ситуации: один из местных жителей разглядел на его руке дорогие часы, не попавшие в декларацию об имуществе». *(«Газета выборча», 15-16 февр.)***

» «Адвокат Ежи Науманн, бывший председатель Высшего дисциплинарного суда адвокатуры, считает, что дача ложных показаний является наиболее часто совершаемым преступлением, хотя это и не отражается на количестве обвинительных приговоров за лжесвидетельство: ежегодно их выносится около 3 тыс. (на 408 тыс. всех приговоров в совокупности). В действительности случаев лжесвидетельства намного больше, чем это зафиксировано в данных статистики, утверждает Науманн. (…) «Я знаю судей и адвокатов, которые искренне полагают, что все свидетели в суде лгут, и поэтому их показания вообще не стоит принимать во внимание», — говорит адвокат Анджей Михаловский, бывший вице-президент Высшего адвокатского совета. (…) Кандидат наук Томаш Витковский, специалист по психологии лжи: «Мы живем во времена абсолютной терпимости по отношению к разного рода злоупотреблениям. Если ложь легко прощается политикам и ректорам ВУЗов, которые ради ученой степени не гнушаются плагиатом, почему обычный гражданин не может себе позволить дачу ложных показаний?». (…) Другие страны как-то решают эту проблему. (…) «Там не закрывают глаза на лжесвидетельство», — говорит к.ю.н. Мартин Вархол. (…) В этом контексте очень строгой и принципиальной является немецкая судебная практика. (…) Примерно столь же сурово относятся к даче ложных показаний швейцарское и итальянское законодательство. Польша в этом смысле наиболее терпима по отношению к лжесвидетельству, считает кандидат юридических наук Вархол». *(Эва Мария Радлинская, «Дзенник — Газета правна», 14-16 февр.)*

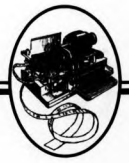
» **«За последние четыре года количество поляков, считающих, что в жизни необходимо придерживаться твердых моральных принципов, снизилось. Сейчас таких взглядов придерживаются 22% опрошенных, что на 9% меньше, чем в 2009 г. В свою очередь, с 2005 г. систематически растет число поляков, которые в целом одобряют наличие у человека строгих этических норм, но при этом допускают, что в определенных ситуациях эти нормы могут ни к чему не обязывать — так считает 42%, что на 3% больше, чем в 2009 г. и на целых 12% больше, чем в 2005 году». *(Доминика Велёвейская, «Газета выборча», 12 февр.)***

» «Опрос Института изучения общественного мнения «Homo Homini» «Чем бы ты пожертвовал ради Польши?», проведенный 7-8 февр. 2014 г., дал следующие результаты: «Ничем» — 41%, «Жизнью или здоровьем» — 19%, «Карьерой» — 17%, «Собственностью» — 11%, «Безопасностью родных и близких» — 11%, «Личным счастьем» — 8%, «Не знаю» — 13%. Результаты при их сложении не дают 100%, поскольку респонденты имели возможность указать несколько вариантов ответа». *(«Жечпосполита», 11 февр.)*

» **«70% участников опроса, проведенного ЦИОМом, считает, что Польша является безопасной для жизни страной. (…) В 2001 году 81% опрошенных, напротив, не чувствовали себя в безопасности. По мнению 74% респондентов, независимости Польши в настоящее время ничто не угрожает; противоположного мнения придерживаются 16% опрошенных. Угрожающие факторы участники опроса чаще всего обнаруживают в социальной сфере: растущая бедность и плохие жизненные условия (61%), старение общества и демографический кризис (60%). Почти половина респондентов (47%) опасается общественных беспорядков и волны протестов, 44% — роста преступности, а целых 40% — киберпреступности». *(«Жечпосполита», 13 февр.)***

» «Уровень благосостояния граждан, отражающий экономическое положение польского общества, в феврале понизился на 0,5 пунктов по сравнению с предыдущим месяцем, сообщает Бюро инвестиций и экономических циклов. Главная причина такого явления — снижение количества работающих граждан, как за месяц, так и в целом за год». *(«Жечпосполита», 20 февр.)*

» **«Проведенный Главным управлением статистики опрос «Бюджеты домашних хозяйств» показывает, что дифференциация доходов**



граждан в Польше практически неизменна с 2003 года. Подтверждают это также итоги другого масштабного анкетирования, «Общественный диагноз», проведением которого руководил проф. Януш Чапинский, на их основе можно сделать вывод, что снижение неравенства доходов, о котором говорит Евростат, в действительности является фикцией», — Михал Бжезинский, доцент факультета экономических наук Варшавского университета. ***(«Газета выбороча», 20 февр.)***

» «Больница становится пределом мечтаний для больного и его семьи, поскольку пожилому человеку там гарантированы уход, питание и лекарства. Расходы на месячное лечение пенсионера в больнице намного превышают стоимость лекарств. А поскольку в больницах действует еще и неписаное правило не давать дорогих (то есть более эффективных) лекарств больным старше 70 лет, то получается, что мы имеем дело с дешевым способом медленно свести пожилого больного в могилу. (…) Каждый третий пенсионер не в состоянии купить себе полный набор лекарств, а это значит, что он будет чаще попадать в больницу. В то же время Польша тратит на здравоохранение лишь 7% ВВП, тогда как Франция — 11,2%, Германия — 10,2%, Греция — 9,7%, а США — 16%! Поэтому, если кто-то ложится хотя бы на пару дней в больницу, его все это время не покидает ощущение, что он находится в доме престарелых или хосписе. (…) Я уже из тех, о ком при жизни говорят в прошедшем времени», — режиссер Казимеж Куц, которому в воскресенье, 16 февраля, исполнилось 85 лет. *(«Газета выборча», 15-16 февр.)*

» **«Не исключено, что скоро может начаться естественный отбор среди пациентов, осуществляемый при помощи строгой экономии, а то и отказа в медицинской помощи. Мы не в состоянии содержать и лечить всех, поэтому скоро такому финансированию медицины придется перекрыть кран. (…) Дэн Каллахан пишет: если мы не можем вылечить всех, необходимо установить возрастную планку в 85 лет, и до наступления этого возраста лечить человека как можно эффективнее, а после постепенно снижать степень врачебного вмешательства. (…) Расходы на лечение растут несоизмеримо быстро, продолжительность жизни также стремительно увеличивается. (…) Но как решить, когда именно наступает нужный момент? Кто возьмет на себя такое право? Какие критерии применить? Насколько они будут рациональны? Перед нами один из важнейших дискуссионных вопросов современного мира», — проф. Збигнев Шаварский, председатель Комитета биоэтики президиума Польской академии наук.** ***(«Газета выборча», 15-16 февр.)***

» «В минувшем году прошла очередная большая волна эмиграции, первая после массового отъезда за рубеж, наблюдавшегося в 2006-07 годах. Профессор Кристина Иглицкая считает, что Польшу покинуло около полумиллиона человек, и это несмотря на стабильную экономическую ситуацию в стране. (…) «Сегодня люди эмигрируют целыми семьями, в отличие от 2005—09 годов, когда в другие страны на рекогносцировку отправлялся кто-то из членов семьи», — говорит проф. Януш Чапинский. (…) Если данные проф. Иглицкой верны, за границей в настоящее время живет 2,6-2,7 млн поляков». *(Януш К. Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 11 февр.)*

» **«То, что происходит на Украине — это предупредительный сигнал для Польши. Майдан стал народным бунтом против коррумпированного государства. Главный урок Майдана в том, что нельзя до бесконечности жить в условиях расслоения общества и прогнившего госаппарата, поскольку все это рано или поздно взлетит на воздух. И эти процессы нужно всячески притормаживать», — проф. Влодзимеж Марциняк.** ***(«Жечпосполита», 1-2 марта)***

» Поддержка партий: «Право и справедливость» — 26,2%, «Гражданская платформа» — 21%, Союз демократических левых сил — 13,7%, «Европа-плюс — Твое движение» (партия Януша Паликота) — 7,3%, крестьянская партия ПСЛ — 5,2%, «Солидарная Польша» (партия Збигнева Зёбро) — 3%. «Польша вместе» (партия Ярослава Говина) — 1,8%, «Конгресс новых правых» — 1,5%, «Национальное движение» — 0,9%. Избирательный порог составляет 5%. Опрос института «Homo Homini». *(«Польска», 3 марта).*

» **«Самым большим доверием поляков пользуется президент Бронислав Коморовский, следует из опроса ЦИОМа. В феврале президенту доверял 71% респондентов. Второе место занял Рышард Калиш (46% поддержавших),**

а третье — Радослав Сикорский, которому доверяет 45% поляков». ***(«Жечпосполита», 26 февр.)***

» «С глубоким сожалением и печалью мы прощаемся со Збигневом Ромашевским, кавалером ордена Белого орла, членом Государственного трибунала, вице-маршалом Сената, сенатором седьмого созыва, членом Комитета социальной самозащиты КЗР (Комитет защиты рабочих — прим. пер.), основателем Польского хельсинского комитета, председателем Комиссии по влиянию и законности независимого профсоюза «Солидарность», членом Национальной комиссии независимого профсоюза «Солидарность», создателем подпольного радио «Солидарность»», — Ярослав Качинский, председатель партии «Право и справедливость». *(«Газета польска цодзенне», 15—16 февр., фрагмент некролога)*

» **На воинском кладбище в Повонзках вчера был похоронен Збигнев Ромашевский. «Его похороны прошли на государственном уровне. (...) На время траурных мероприятий был объявлен перерыв в заседаниях Сейма и Сената. На похоронах присутствовали известные политики — президент Бронислав Коморовский, премьер-министр Дональд Туск, маршал Сената Богдан Борусевич и другие. (...) Со словами прощания выступил и председатель партии «Право и справедливость» Ярослав Качинский. «Правы те, кто сравнивает подвижническую деятельность Збигнева Ромашевского с деятельностью Андрея Сахарова и Мартина Лютера Кинга», — сказал он. (...) Ромашевский находился в заключении с 1982 по 1984 год».** ***(Себастьян Кухарский, «Газета выборча», 21 февр.)***

» «76 тысяч бывших деятелей оппозиции получили различного рода компенсации. Рекордную сумму в 250 тыс. злотых государство выплатило ныне покойному Збигневу Ромашевскому. Анна Валентинович получила 74 тыс. злотых. Многим деятелям бывшей оппозиции была оказана материальная поддержка в размере 25 тыс. злотых», — депутат Ежи Боровчак. *(«Жечпосполита», 20 февр.)*

» **«Дитер Пшевдзинг, бурмистр города Здзешовице в Опольском воеводстве, один из главных сторонников автономии Силезии, был убит в своем доме 18 февраля. Представители немецкого землячества считают, что это убийство имеет политическую подоплеку. (...) Дитер Пшевдзинг был членом немецкого землячества и одним из старейших деятелей местного самоуправления Опольского воеводства. Руководить местной властью в Здзешовице он начал еще до 1989 года, а потом выигрывал все муниципальные выборы. В последние годы он активно участвовал в движении за автономию Силезии. В результате у него изрядно прибавилось недоброжелателей, особенно среди местных правых — в прошлом году представители партии «Право и справедливость» требовали отставки бурмистра, утверждая, что он призывает к отделению Силезии от Польши, желая ослабить тем самым страну».** ***(Анна Павляк, Яцек Конопацкий, «Газета выборча», 20 февр.)***

» «В минувшую субботу, 22 февраля, более тысячи человек пришло проститься в Здзешовице с Дитером Пшевдзингом. (...) В последнее время Пшевдзинг неоднократно получал угрозы национал-шовинистического характера, в том числе ему грозили убийством. Вся полемика разгорелась вокруг хозяйственной автономии для Силезии и других регионов страны. (...) Пшевдзинга считали сепаратистом все — правые, левые, центристы. Его недруги приходили прямо под окна муниципалитета, где он работал, и выкрикивали: «Здесь Польша!»». *(Ян Дзядуль, «Политика», 26 февр. - 6 марта)*

Войцех Мазярский

О ЧЕМ ПОЛЯКИ МОГУТ РАССКАЗАТЬ ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ

Украина — это искусственный организм и изобретение наших врагов, которые задались целью, разделив, ослабить нас. И ловко же они это проделали — выдумали каких-то украинцев, чтобы оторвать от нашей отчизны заселенную ими территорию. А ведь мы прекрасно знаем, что нет никакого украинского народа. Это лишь этническая ветвь, растущая из того же ствола, из которого растем и мы. Мы и они — едины, во веки веков.

Поэтому нельзя допустить, чтобы они выбрали для себя иной путь, не тот, которым идем мы. Националисты, бандеровцы, агенты иностранных держав подстрекают и соблазняют простой народ, который, наслушавшись этой пропаганды, может сам себе навредить. Однако хороший родитель, опекун, старший брат должен проследить, чтобы наивное дитя не поддалось соблазнам и не стало жертвой врагов, коварно обращающихся к нему на его наречии.

Еще они внушают ему, что это наречие — полноценный язык. А ведь это всего лишь диалект деревенского люда, которому мы, представители более передовой культуры, приносим в дар свет цивилизации и просвещения. Как только эта деревенщина просветится, столичные школы закончит, пообтешется — сразу начинает говорить на литературном языке, а не на этом сельском говоре, на котором крестьяне скотину кличут, а националисты газетки печатают.

Кроме того, мы несем им правильную религию, освобождая их от духовной оккупации и попов тамошней Церкви.

Вот это и есть правда об Украине.

Звучит знакомо? Для поляков — определенно. Так в 20-е и 30-е годы XX века говорили и думали об украинцах многочисленные представители польских элит, и не только право-националистических. Отказ от признания украинцев отдельной нацией и отказ от признания за ними права на самоопределение были идейной основой политики властей довоенной Польши по отношению к этому меньшинству. В 1923 г. правительство даже запретило государственным учреждениям и судам употреблять наименование «украинский», предписав пользоваться исключительно прилагательным «русинский» — это не существовавшее прежде в польском языке слово было специально придумано, чтобы нанести удар по украинскости.

Ну и нанесли. Еще как нанесли. Оскорбленные украинцы начали бунтовать и организовываться, а их сопротивление приобретало все более радикальные формы: начались забастовки, протесты, диверсии и, наконец, физическое насилие по отношению к людям. Пали первые жертвы террористических актов — в 1926 г. во Львове убили куратора учебных заведений, принудительно вводившего польский язык в украинских школах, затем многих других, пока, наконец, в 1934 г. среди бела дня на улице в Варшаве от пуль украинского террориста не погиб министр внутренних дел Бронислав Перацкий.

В ответ армия и полиция усмиряли украинские села, уничтожали церкви, организовывали облавы на активистов подпольных украинских организаций.

Кульминация наступила в 1943 г., когда во время этнических чисток, проводимых отрядами Украинской повстанческой армии, было убито около ста тысяч поляков. Польские отряды самообороны и Армия Крайова в акциях возмездия также уничтожили несколько десятков тысяч украинцев.

После Второй мировой войны Польша несколько передвинулась на запад. Это не заслуга и не вина поляков — решение было принято у них за спиной, никто не спрашивал их мнения. Однако уже сами поляки обернули это себе на пользу, сделав выводы из кровавой истории XX века. Благодаря прозорливости политиков, публицистов и провидцев, сосредоточенных в окружении редакции эмигрантского ежемесячника «Культура» под руководством Ежи Гедройца, отказ от претензий на прежние польские земли на востоке и признание права живущих там народов — в том числе и украинцев — на самоопределение стали аксиомой польской внешней политики. В результате польско-украинское пограничье, ранее охваченное пламенем и истекавшее кровью, стало территорий мира и сотрудничества.

Но в Восточной Европе по-прежнему слышна все та же старая песенка, на этот раз по-русски:

Враги хотят, разделив, ослабить нас. Они придумали украинцев, чтобы оторвать населенную ими территорию от матушки-России. А ведь украинский народ — это лишь этническая ветвь, растущая из того же ствола, из которого растем и мы. Поэтому нельзя допустить, чтобы они выбрали для себя иной путь, не тот, которым идем мы. Националисты, бандеровцы, агенты иностранных держав соблазняют простой народ, однако хороший родитель, опекун, старший брат должен проследить, чтобы наивное дитя не поддалось соблазнам…

Мы, поляки, слушаем это со все большим недоумением. Нам хорошо известно, что будет дальше. В конце концов, мы знаем эту историю из собственного опыта. Если Владимир Путин захочет послушать, то мы охотно расскажем ему, во что он втягивает свой народ.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Дискуссии о состоянии Польши и поляков, кажется, не будет конца, что, в общем-то, понятно, поскольку, хотим мы того или нет, а Польша и поляки — это не неизменные сущности, как, впрочем и вся планета и Вселенная, в корой она размещается. Перемены бывают желательными, а бывают и такими, которые принимают с недовольством и даже с возмущением. Ничего поэтому удивительного, что после долгой дискуссии, вызванной статьей Марцина Круля «Мы были глупы», в которой был подвергнут резкой критике процесс трансформации, идущий с 1989 года, автор решил предъявить своим сторонникам и оппонентам перечень причин, по которым он полагает, что мы должны искать — прежде всего, в самих себе — новые решения. В очерке проф. Круля под заголовком «Почему мы должны измениться?», опубликованном в «Газете Выборчей» (№ 74/2014), читаем: «В 1989 году Польше несказанно повезло (в том числе потому, что у нее были такие лидеры, как Мазовецкий). Но нельзя иметь всего. Если бы мы обрели свободу десятилетием или двумя раньше, то не успели бы к пику неолиберальной моды. (…) Тогдашняя нехватка воображения в отношении социальной несправедливости не изменилась ни на йоту, и хотя благодаря экономическому развитию почти нет нищих, зато есть очень много бедняков. Конечно, это прогресс, но мир людей, замкнутых в их драматическом одиночестве, лишенных надежды или исключенных, огромен: для одних это 20, для других — 30 процентов польского общества. (…) И, наконец, польское общество — это не либеральное общество. (…) Не либеральное, потому что централизованное, враждебное чужим, антифеминистское, потому что, при всей кажущейся свободе, это общество традиционное и враждебное житейским новшествам, потому что, наконец, радикальный индивидуализм принимает стадные формы. (…) А поэтому — побольше бы настоящего либерализма, поменьше либерального высокомерия. Меньше глупостей на тему патриотизма, а побольше уважения к другим людям — в Польше, во Франции, везде».

А в конце — фундаментальный вопрос: «Почему изменение [общества], причем принципиальное (при сохранении консервативного убеждения, что не меняется, потому что хорошее), необходимо? Потому что мы уже дошли до того места, откуда не видно не только будущего, но даже и горизонта. Все тонет в тумане, тумане демократии без сердца и либерализма без свободы, свободы, используемой самим для других. Западная демократия — демократия исключительно инструментальная, то есть направленная на то, чтобы преодолевать конфликты, находить компромиссы, прежде всего, внутри, чтобы — это главное — не допустить гражданской войны. Демократия, таким образом, — это инструмент, который служит поддержанию спокойствия и сносного управления, и функцию инструмента выполняет вполне успешно. Означает это, однако, исключение реагирования на мир и исключает формирование мира. (…) Горизонт демократии, демократическая надежда, картина и утопия стали такими далекими, потому что вот уже сколько десятилетий мы, граждане западной цивилизации, пребываем в постоянном страхе, который (…) нам — плохой советчик. И чего же мы так боимся? Боимся потерять то, что имеем, ради того, что зыбко. Этот страх психологически понятен, но интеллектуально и политически убийствен. (…) Философ обязан напоминать, что будущее существует, а коль скоро мы хотим жить в демократии, то обязан думать об этом будущем. За нас этого не сделают политики, потому что они из современности, которая к будущему безразлична. Тем не менее демократический общественный горизонт — это вызов, который мы должны принять, если нам предстоит спасаться. Будущее и устремленность в него всегда связаны с риском. Но что еще может сделать человек, как не решиться на риск веры, надежды и любви? Что мы можем сделать, если не хотим поддаться, как писал Словацкий, «лености духа»? Риск состоит в распространении личных чувств в публичную сферу, личной свободы — в общественную. Может ли это произойти без больших изменений? Не верю. Если мы не предпримем шагов в направлении этих перемен, то будем вынуждены еще громче

повторять: «Мы были глупыми». Какую конкретную форму обретут эти перемены, я не знаю, но уверен, что здесь не обойтись без общественных движений и всех связанных с ними опасений и страхов. Перемены, однако, в интересах всех, особенно в трудные времена, а их направление — это динамичная демократизация».

Несколько раннее в этом тексте проф. Круль обращает внимание на одно из важных обстоятельств среди тех, которые составляют (не только в Польше, но и во всей Европе) основу нынешнего кризиса: отход от традиционной идеи университета. И в этом Круль, как обычно, консерватор. Он подчеркивает: вопреки тому, что так часто повторяют, дело вовсе не в упадке гуманитаристики. «Не гуманитаристика, не ученые измельчали, а весь мир вокруг них: начиная с денег, распоряжений — вплоть до отсутствия понимания, что такое университет. Печально. Скажу кратко: тот, кто думает, что университет — это ремесленное училище, — тот неисправимый осел. А кто не понимает, что научить мыслить — это самый большой дар, который мы можем передать молодым людям, — тот осел вдвойне». И здесь автор прав. То, что считается реформой высшего образования во всей Европе, привело к превращению высших учебных заведений в заводы по производству обладателей дипломов. Старая идея университета подразумевала, что это общность людей, бескорыстно ищущих истину. Оказывается, что можно все свести к системе подготовки «специалистов» со все более узкими горизонтами, лишенных какого-либо гуманитарного оснащения. Как сказал когда-то Эдвард Вади Саид, мы сегодня ассигнуем все больше денег на подготовку людей со все более узкими знаниями.

Это важно. Важно, ибо такие люди концентрируются, прежде всего, на защите того, что они имеют, и не способны рисковать, поскольку перемены могут быть для них опасны. Они чувствуют, что расширение свободы одновременно означает снижение ощущения безопасности, потому что свобода угрожает рутине. Но дело в том, что только нестандартные решения, то есть отвергающие рутину, делают возможным развитие.

Риск — это также и готовность защищать собственную систему ценностей, в случае Запада — ценности собственно демократии, всегда подверженной опасности как изнутри (в конце концов, Гитлер пришел к власти в результате демократических процедур), так и извне. Вопрос, возникающий здесь, касается того, готовы ли мы, и в каких обстоятельствах, и в какой мере пойти на риск, защищая широко понимаемые свободы — как собственный суверенитет, личный и государственный, так и демократическое общественное устройство. Именно этот вопрос задается в анкете еженедельника «До Жечи» (№ 14/2014), озаглавленной «Еще Польша не погибла», открывающейся вопросом Якуба Ковальского: «Стоит ли сражаться за родину и за нее умирать?» Далее во вступлении Ковальский пишет: «В межвоенный период было взращено прекрасное поколение, которое знало, что свободная Польша — это бесценно. Сегодняшние молодые, убаюканные миром и спокойствием, оснащенные смартфонами, столь определенно чувствуют себя гражданами мира, что утратили связь с Польшей. Знают иностранные языки, овладели чудесами техники, так что могут жить в любом месте на земле».

Да, они знают языки и хорошо образованны. То же было с их ровесниками в 1938 и 1939 году. Они тоже чувствовали себя гражданами мира — во всяком случае, это я слышал от большинства знакомых мне представителей поколения моих родителей. Началась война и оккупация, и часть из них, небольшая, если вынести за скобки тех, кто в силу обстоятельств оказался мобилизованным и принял участие в военных действиях, были вовлечены в подпольную и партизанскую борьбу. Но никак не все поколение — лишь небольшой процент, остальные старались уцелеть, выжить, вытерпеть. Но этим небольшим процентом создан миф поколения, который сегодня стараются утвердить как позицию всего общества. Это просто липа. Так что прав профессор Бохдан Цивинский, когда говорит: «Что из специфического опыта дедушки можно перенести в сознание поколения внуков (…)? Не знаю. Мирная жизнь и сопутствующее ей ощущение неизбывной опасности зависят от неустойчивого равновесия в игре эгоистических интересов в мире. Это что-то непрочное: сегодня в безопасности я, а боится или страдает кто-то другой. Завтра может быть иначе. Афганистан, Босния, Корея, Сирия, Крым… А почему не Польша? Если думаешь, внучек, что тебя это не касается, то нам не о чем говорить. И уж точно не о патриотизме в час испытаний. А разводить болтовню о ценностях вообще не стоит. Этике не учатся, ее демонстрируют». Важно здесь указание проф. Цивинского на «специфический опыт»:

да, опыт не может быть универсальным. Всё, разумеется, в какой-то мере зависит от семейных легенд, от примеров, распространяемых школой, но в итоге решение принимает индивидуум в конкретной ситуации. Так что не удивляет высказывание президента Института национальной памяти Лукаша Каминского: «Как я поведу себя, когда враг окажется у ворот? Тогда и узнаю».

Зато очень боевито выступает музыкант и певец Павел Кукиз: «Я уверен, что нашлась бы группа людей, готовых к борьбе (…). У меня у самого дома несколько единиц оружия. Недавно заказал тысячу патронов». Более умиротворен композитор Михал Лоренц, который говорит, что «вопрос о смысле смерти за родину сегодня не имеет связи с действительностью», и добавляет: «Зато великим делом было бы для меня умереть за врагов, а не за друзей, в которых я уверен, — такую христианскую позицию трудно понять, но она по-настоящему восхитительна». А вот публицист Ян Поспешальский рисует соблазнительную перспективу: «Вооруженный конфликт не пугает моего сознания, но это уже что-то крайнее. Мазовия равнинная, так что партизанить, как в Чечне и на Балканах, невозможно, а вот структуру городских боев мы в Варшаве изучили. Кто пойдет сражаться? Есть потерянное поколение, формировавшееся после 1989 года и выдрессированное «Газетой Выборчей». В связи с этим массовое включение в движение сопротивления вряд ли возможно. Но есть и новое поколение (…) — люди, позитивно сформированные в оппозиции к медийному истеблишменту; с их стороны можно ожидать самопожертвования. Пускай агрессор пользуется также манипулированием, дезинформацией и пропагандой, но я вопреки этому знаю, как сражаться, потому что уже сейчас, как журналист и публицист, это делаю».

Скажу так: люблю я сражающихся журналистов. Они тем бóльшие бойцы, чем больше лишены воображения. И прав проф. Круль, когда говорит, что необходимо мыслить о будущем, но это не значит, что мышление должно быть абы какое, направляемое поспешным пустословием СМИ. Тема «патриотизм», до боли заезженная, особенно на правом фланге политической сцены, как и сетования на то, что молодые не проявляют массового рвения отдавать жизнь за родину, становятся одним из основных номеров программы. Есть, однако же, разница между тем, чтобы отдать жизнь за страну и отдать жизнь стране, — и во втором случае заботиться надо не об умирании, а о жизни. И хотя в какой-то мере увлекательными могут быть забавы и «игры на местности» с тем, чтобы выяснить, насколько глубоко нами изучена «структура городских боев» в Варшаве, но все же лучше бы их оставить группам, занимающимся реконструкцией исторических событий, — лишь бы не с такими последствиями, как у Варшавского восстания. Здесь всегда и во веки веков поляки и их союзники будут побеждать в Грюнвальдской битве. Этого ничто не изменит. А тем временем стóит рискнуть в игре за будущее, которое требует изменений. И в том числе изменения понятия «патриотизм».

Аркадий Гутников

КАК МЫ С ПОЛЯКАМИ В СУДЫ ИГРАЛИ...

Мы все лучше и лучше говорим по-английски. И даже уже умеем использовать прецедентные решения в юридической аргументации. Но, скорее всего, главный итог проекта — оказывается, не все правда, что «бабушка сказала».

Когда в середине 1990-х нам в Институте права имени Принца П. Г. Ольденбургского пришлось заняться программой обучения праву для школы № 29 на Васильевском острове, мы не подозревали, что сделали первый шаг к вступлению в огромное международное творческое сообщество гражданского и правового образования.

Мы придумывали программу «Живое право» одновременно с участием в международных проектах «Street Law» и «Civitas». Нашими партнерами и образцами для подражания всегда были польские коллеги, а Варшава стала местом регулярных встреч преподавателей, авторов пособий, тренеров. Преподаватели часто общались, но для школьников, в отличие от студентов, мы никогда не проводили международных обменов.

Наконец энтузиазм наших нью-йоркских друзей из Центра правового образования, помощь мэрии Гааги и содействие американских и голландских юристов сделали возможным проведение Международного учебного суда для школьников. В феврале 2012 года в Гааге команды старшеклассников из Нью-Йорка, Гааги, Буэнос-Айреса, Каракаса, Санкт-Петербурга, Варшавы и Гдыни выступали как обвинители и защитники в слушаниях на английском языке по процедуре Международного уголовного суда. Всем так понравилось, что захотелось чаще встречаться и играть в учебные суды, но большой международный конкурс решили проводить только раз в два года.

В последний вечер в Гааге мы обменялись контактами и идеей провести наш локальный учебный суд с польскими учительницами — Агнешкой Гузек из варшавской школы имени Станислава Сташица и Анной Цвиклинска-Рутка из школы имени Адама Мицкевича в Гдыне. Так был задуман проект, названный «Baltic Moot Court» (Балтийский учебный суд).

В марте 2013 мы побывали в Варшаве с объединенной командой школьников из Петербурга и Москвы, туда же приехали наши друзья из Гдыни. В конце апреля — начале мая 2013 все собрались в Петербурге. Здесь к нам присоединилась команда школьников из Нидерландов. А в июне итоговые игры прошли в Гдыне.

Самый главный вывод — у нас с поляками удивительно похожее образование! Это становится понятно во время игровых слушаний, когда судьи задают сторонам вопросы. Наши (и польские, и, кстати, аргентинские) школьники воспринимают вопрос с подозрением и страхом: для них обращение к ним взрослого ответственного лица запускает определенное поведение — это или ситуация экзамена (на вопрос нужно ответить правильно), или ситуация «воспитательная» (вопрос задается как повод для последующей критики и наставлений). Им довольно легко написать и выучить аргументы, выступить с подготовленной речью. А вот вести диалог, участвовать в дискуссии, где от тебя ожидают не единственно верного ответа, а обоснованного суждения, — намного сложнее. Американские и голландские старшеклассники заметно отличаются коммуникативными навыками и способностью эффективно работать с информацией.

Кроме учебных судов в программу в Варшаве, Петербурге и Гдыне входили экскурсии, игры, встречи с юристами. И вот несколько отрывочных наблюдений, которые кому-то покажутся банальными, кому-то забавными.

***

В школе № 216 устроили небольшую дискуссию. Питерские школьники показали фрагмент из посвященного проблемам ксенофобии спектакля Театра «Вместе». Два монолога, провоцирующих размышления на тему названия спектакля «Холодильник — для пломбира». И вопрос: а у вас есть

проблемы с «другими»? Первая реакция польских школьников — вполне ожидаемая для представителей элитных школ из практически мононациональной страны: «у нас никаких проблем нет». Но тут же мальчик добавляет с иронией: «У нас вообще никаких проблем нет, а если какие-то проблемы и есть, то виноваты всегда немцы или русские». И в этом коротком комментарии и в смеющихся глазах так много надежды на новый взгляд на историю с осознанием всех стереотипов и клише, сдерживающих критическое мышление. Затем выясняется, что «чужих мы, конечно, не очень любим, но их особенно и нет», «какие-то проблемы с цыганами, но мы не сталкивались».

Затем голландские школьники обстоятельно рассказывают о проблемах с выходцами из разных стран, о предубеждении по отношению к мигрантам из Северной Африки. При этом девочка из Гааги аккуратно говорит о «разнице культур», «другом поведении». Какая-то недоговоренность повисает в воздухе, и ее неожиданно преодолевает голландский мальчик, не проронивший до этого ни слова. Встает и громко произносит: «А я мусульманин!». За этим следует моментальная реакция учителя из Гааги — он вскакивает с места и начинает яростно аплодировать. Все присоединяются к аплодисментам, хотя на лицах российских и польских школьников некоторое недоумение — «ну и что, что мусульманин?».

***

Предлагаем в смешанных группах школьников обсудить какую-нибудь актуальную и всем известную проблему с правами человека. Выбираем для обсуждения дело Pussy Riot. Позиции (соответствует или нет наказание принципам прав человека) группы получают случайным образом. Но у всех уже есть большой опыт участия в учебных судах, поэтому расхождение заданной позиции с собственным мнением не вызывает трудностей. Некоторым ребятам даже интересно попробовать выработать аргументы «с другой стороны».

Неожиданно выясняется, что обстоятельства дела лучше всего известны голландским школьникам. Для российских школьников тема явно на периферии интересов, поляки слышали о событии, но не в подробностях.

Когда доходит до аргументов, касающихся роли религии в жизни общества, и обоснования строгого наказания защитой традиционных ценностей большинства, снова сюрприз. Наиболее жесткую «традиционалистскую» позицию занимает мальчик из продвинутой московской школы, до этого и после ведущий себя как образцовый представитель «креативного класса»: «Россия — православная страна!». Скорее ожидал бы услышать, что «Польша — католическая страна!», но школьник из Гдыни в ответ убежденно доказывает, что право на свободу самовыражения приоритетно, что нет основания для уголовного наказания, почти языком Европейского суда говорит о необходимости и пропорциональности вмешательства в свободу слова в демократическом обществе.

***

В Варшаве провели ориентационную игру в смешанных командах с заданиями — находить описанные в задании объекты. Все команды справились и прибежали к месту встречи вовремя. Задания были очень гуманными, а практически все объекты располагались вдоль Краковского предместья.

В Питере ребятам пришлось сложнее — бегали в поисках от Исаакиевского собора до Смольного. Никто не пришел вовремя. Впечатления от квеста: «очень странно ведут себя горожане — они боятся разговаривать», «оказывается, местные полицейские ничего не знают!», «очень опасно переходить улицы»… И, конечно, польских ребят впечатлил размер центра города. Впрочем, гдыньская команда после Петербурга еще успела на день съездить в Москву. И после этого Питер вспоминался как уютный, небольшой, гостеприимный…

***

Самое сильное кулинарное впечатление от Польши — кашубский обед, устроенный в школе Адама Мицкевича в Гдыне. Все такое знакомое домашнее и очень вкусное — от соленых огурчиков до тортиков. Изобильный стол накрывали немолодые женщины в традиционных кашубских нарядах. Очаги

национальной кашубской культуры — достопримечательность поморского края (наверное, больше всего кашубов сейчас живет в Гдыне и окрестностях). Впрочем, на 15-17-летних школьников — что российских, что польских — все эти услады гурмана, кажется, не произвели большого впечатления. Их гастрономические предпочтения иногда сильно расстраивали гостеприимных организаторов. Сидим на свежем воздухе в специально выбранном месте у моря напротив огромных парусников, радуем себя польскими «пирóгами», то есть нашими варениками, с разнообразными начинками. Ланч еще только начался, но школьники быстро просят прощения и куда-то спешно удаляются. К ближайшей будке с шавермой!..

***

В музее Варшавского восстания ребята быстро разбрелись по залам и только несколько польских школьников послушно следовали за экскурсоводом. Можно было бы ожидать традиционной дискуссии «кто виноват в трагическом исходе восстания?», но не случилось. Похоже, что для большинства ребят музеи вообще не являются источниками новой информации. Это место развлечения, и интерес привлекают разные интерактивные экспонаты — то, чем можно управлять самим, то, что можно потрогать. Так и в музее Шопена самым интересным были не иллюстрации сюжетов из жизни композитора, а устройства для самостоятельного выбора и прослушивания произведений.

***

Отдельная история — про историю.

Взрослые тратят так много времени на обсуждение проблем польско-российских отношений. Одна из польских учительниц при обсуждении любой актуальной темы через несколько фраз очень искренне и органично переходила к влиянию Российской империи и СССР. Ее семейная история неотделима от больших исторических событий: дедушка — капитан первого польского трансатлантического лайнера, оставшийся в США, что предопределило тяжкую участь семьи в советские времена…

Прогуливая гостей по Петербургу в начале мая, мы удачно вышли на Дворцовую прямо во время репетиции парада. Для детей марширующие колонны выглядели забавно. Учителя осторожно спросили: «А зачем все это? Демонстрация военной мощи продолжается?».

Для людей нашего поколения советско-польские отношения — от Тухачевского до Ярузельского — это эпизоды относительно недавнего прошлого, время жизни поколения родителей, в крайнем случае, дедушек-бабушек, близкое прошлое. А вот для школьников — это далекое прошлое, или совсем неведомое, или мифологически-легендарное. А к легендам и мифам они относятся скептически. Их мысли и надежды связаны с открытым миром, с космополитическим будущим.

В питерской команде двое заканчивают этим летом одиннадцатый класс. Мальчик будет поступать в университет в Финляндии, девочка планирует через год продолжить обучение в Австралии. Польские выпускники рассматривают многочисленные европейские варианты получения высшего образования. И английский так прилежно учат из вполне прагматичных соображений. Перед ними много примеров мобильности. Одна из гостивших у нас варшавских учительниц уже уехала с семьей в Лондон.

***

Первый визит к партнерам. По дороге в Варшаву.

— Аркадий Борисович, а где мы остановимся?

— В хостеле, Маша.

— Это похоже на общежитие? Мы будем жить вместе с польскими школьниками?

— Да, а что?

— Да так, ничего. Просто говорят, что поляки воруют.

— Кто говорит?

— Бабушка советовала быть осторожнее…

Тем же вечером в хостеле.

— Аркадий Борисович, можно вас попросить кое-что спрятать у себя в номере на ночь?

— Что спрятать, Вова?

— Кошелек и фотоаппарат.

— Зачем?

— У нас там в комнате польские школьники.

— И что? Им нужен твой фотоаппарат и кошелек?

— Наверное, нет, но мне было бы спокойнее. Спрячьте, пожалуйста…

Полгода спустя. Тренировка команды в Питере с новыми участниками.

Вова: «Первый раз мы боялись, что нас обворуют. Но это были стереотипы!».

Маша: «О, да, еще какие!».

Вот так. Нам легко достичь взаимопонимания во время международного суда при обсуждении нарушений прав человека в далекой стране. Мы все лучше и лучше говорим по-английски. И даже уже умеем использовать прецедентные решения в юридической аргументации. Но, скорее всего, главный итог проекта — оказывается, не все правда, что «бабушка сказала».

ОТ ЛЮБЛИНА ДО УКРАИНЫ НЕДАЛЕКО

С Ежи Помяновским беседует Гжегож Юзефчук

Гжегож ЮЗЕФЧУК: ***Прошу извинить нотку местного патриотизма: Люблин для вас что-либо значит? Какой это город?***

Ежи ПОМЯНОВСКИЙ: Люблин достоин чего-то большего, чем банальные похвалы. Очарование Люблина таится еще и в том, что вы обособлены, отделены, и случайные путники навещают вас не столь часто, как, например, Краков, город моей жены, так красочно описанный Каден-Бандровским* в чудесной книге «Город моей матери».

Приезжая в Люблин, я всякий раз чувствую, что здесь меня окружает не разреженная атмосфера дел и проблем, которые надо решить, а достаточно густой, насыщенный мыслью воздух города двух университетов и огромных традиций — города, где живут светлые умы; и конечно же, я имею в виду не только светских интеллектуалов, но и духовные лица. Парадокс, Люблин считается оплотом здешнего Католического университета, а тут — чтобы завоевать себе право произнести несколько дельных фраз, короче говоря, право быть рационалистом, — надо быть поклонником всеми осуждаемого Просвещения...

— Вы очень любезны по отношению к Люблину.

— В Люблине я знаю одного человека, митрополита, архиепископа** этой огромной епархии, который является не только одним из самых выдающихся интеллектуалов, но и защитником польской интеллигенции — не только ее представителем, но и творцом. Я придерживаюсь мнения — как вы, быть может, слышали вчера на торжестве, собравшем массу народа*** и связанном с моим так называемым юбилеем (который, как известно, является генеральной репетицией похорон), — что лучшим определением того, что такое интеллигенция, было бы утверждение, что интеллигенция — это гормон роста всякого общества, особенно это относится к польскому обществу.

Этот рост необходим, потому что, к сожалению, по меньшей мере два столетия (а по мне так и три, поскольку начинать надо с Немого сейма 1717 года, но пусть уж будут эти два) поляки пребывали под управлением чужой власти. Даже трех властей, трех имперских государств, которые захватили отдельные части Польши, среди которых была и царская Россия отхватившая самый большой кусок.

На протяжении этих веков у общества не было возможности вырасти, повзрослеть. Так случилось потому, что любые права, не говоря уже о привилегиях, можно было добыть только либо на коленях, либо посредством бунта. И единственными правами, которые добывались подобным способом, были права конкретных групп, цехов, профессий, слоев; со временем такие слои стали по-марксистски именовать классами. Но суть в том, что о народе или обществе в целом думать никто не мог, поскольку это было зарезервировано для власти.

И вот естественным образом в Польше, а также в России — это важно, что и в России! — не могла не появиться группа людей, которые не стремились добыть права только для своего цеха или класса, но которые думали о том, о чем думает власть, — иными словами, думали о целом.

---

* Юлиуш Каден-Бандровский был адъютантом Пилсудского, с 1929 года — соредактором правительственной «Газеты польской», умер в 1944 году от ран, полученных в Варшавском восстании. (Прим. пер.).

** Имеется ввиду архиепископ Юзеф Жицинский, скончавшийся в 2011 году.

*** 13 января 2011 г. Ежи Помяновскому исполнилось 90 лет. 10 февраля 2011 г. он участвовал в дискуссии «Россия, которой мы не знаем, Россия, которой боимся — очарованные Россией», организованной люблинским Центром культуры и фондом «Поверх границ». Нам кажется, что сегодня стоит вернуться к состоявшемуся тогда разговору с журналистом местного отделения «Газеты выборчей». (Прим. ред.)

Для властей всех держав-захватчиков Польша представляла собой проблему. Незабвенный генерал Александр Лебедь, который сам себя называл российским, но при этом антиимперским националистом, сказал, что Польша на протяжении всего периода ее разделов была для России кошмаром из-за сопротивления польского общества, беспрерывных восстаний и борьбы за законно причитающиеся ей права. Нам не давали прав как целой нации, зато время от времени делали уступки, предоставляя те или иные права отдельным группам.

И только у нас в Польше и там, в России, появилась интеллигенция — группа людей, которая думала об обществе в целом, а не только об интересах своего сословия. Чаще всего это были очень небогатые люди. Неправда, что это были благородные аристократы, размышляющие о всем народе как, скажем, «тайные короли». И хотя некоторые наши вельможи приписывали себе такую роль, разумеется, вовсе не они воздействовали на умы. Влияние на умы оказывали люди, которые владея определенными знаниями и умея выразить собственное мнение, были в состоянии сформулировать такие требования, которые у остального общества только еще туманно бурлили в головах.

В первую очередь это были писатели, и отсюда такая огромная, неожиданно большая роль литературы в жизни как поляков, так и россиян. Обратите внимание — именно это связывает два народа, не государства, а народы: невероятная, огромная роль писателей! Хотя Павел Херц и говорил, что несчастье России в том, что там своим великим творцам-пророкам не поверили и не учились у них. Несчастье же поляков состояло, по мнению Херца, как раз в том, что они своим пророкам доверились и стремились поступать в соответствии с их призывами — призывами, которые вели к безнадежной, обреченной на поражение борьбе, а не к позитивистической работе у истоков народного сознания.

Величие Дмовского, чьи расистские суждения, конечно, непростительны, заключалось в том, что он все-таки сформулировал и сумел передать широким массам своих почитателей и сторонников необходимость борьбы за права всего общества в целом, за права всего народа. Я думаю здесь не об эгоизме, который провозглашал и он, и его приспешники, я думаю о нем самом. Не смотря ни на что, намного больше все же сделали его противники, польские социалисты, во главе которых на протяжении длительного периода стоял Юзеф Пилсудский. Эти люди умели не только разглагольствовать. Но это уже другой разговор, а я выскажусь лишь кратко. Пилсудский был гораздо большим прагматиком, нежели Дмовский, поскольку знал, что Польша может существовать и быть независимой лишь в том случае, если ее соседи перестанут быть захватчиками и агрессорами.

— Как вы в этой связи прокомментируете тот факт — назову это явление краткосрочной перспективой сегодняшнего дня — что власти Люблина и всего нашего, непосредственно соседствующего с Украиной, региона ломают голову прежде всего над проблемой хорошего транспортного сообщения со столицей. Когда я задаю вопрос, связывают ли они будущее города и региона с его соседством с Украиной...

— И что же они вам отвечают?

— Декларируют политическую корректность, утверждая, что Украина очень важна, но ничего конкретного из этого пока не следует.

— Отвечу сразу: это политическая некорректность. Потому что Польша не будет в безопасности до тех пор, пока поляки, обоснованно или нет, будут чувствовали себя зажатыми в тиски. А тиски состоят из двух зажимных губок, не из одной. То, что происходит на Востоке, для Польши в данный момент весьма сомнительно. Я имею в виду не только Россию. Неизвестно, как поведет себя Украина. В случае, если дойдет до того, о чем г-н Янукович думал первоначально, иначе говоря, до более или менее тесного объединения с Россией либо до очень далеко идущего сотрудничества, тогда и мы, и Европейский Союз (потому что мы представляем собой его наиболее выдвинутый на восток плацдарм) снова будем за нашей восточной стеной иметь дело с той же империей, с которой уже имели дело. Что, как известно, не было для Польши удачным опытом.

Я говорю об этом не только потому, что, если мы позволим Украине оставаться в одиночестве, обрекая ее тем самым на милость и немилость огромного соседа, то в силу естественных обстоятельств это станет для Польши возобновлением старой геополитической ситуации. А для России? Стимулом к проведению имперской политики, которая России не нужна и которая может столкнуть ее в ту же

пропасть, в которой находился Советский Союз на исходе своего существования. Имперская политика всегда ведет к конфликту с ближними или дальними соседями. Я не желаю ничего подобного россиянам; более того, считаю это пагубным как для Польши, так и для России! Поэтому поощрять ее к этому, оставляя Украину на милость и немилость России, кажется мне бессмыслицей не только с польской точки зрения, но и с российской.

Украина в течение столетий была — и передайте, пожалуйста, это властям прекрасного города Люблина — яблоком раздора между Польшей и Россией. Кто не хочет польско-российских конфликтов, тот должен поддерживать независимость Украины.

Ежи Гедройц в течение полувека парижской «Культуры» сформулировал весьма четкую концепцию восточной политики для того, чтобы польская независимость не только не превратилась в нечто зыбкое и неопределенное, но была по-настоящему прочной. А прочной она может быть только при условии независимости Украины.

— С польской стороны часто выдвигаются аргументы, например, когда речь идет о создании совместного высшего учебного заведения, да и о многих других проблемах, что сами украинцы виляют, медлят, предъявляют необоснованные требования, но не могут решиться на более открытое сотрудничество с Польшей.

— Это польская увертка, которая меня раздражает, хотя в данной области существуют вещи похуже, раздражающие гораздо сильнее. Вопреки тому, что можете полагать вы и читатели вашей газеты, я не принадлежу к глумливым зубоскалам, которые подтрунивали над президентом Лехом Качинским. Считаю его человеком огромной порядочности и доброй воли. Другое дело, что его политику я не считаю ни эффективной, ни продуманной. Произошедшая в результате действий его брата и всей подчиняющейся этому брату партии своего рода политическая беатификация Леха Качинского, свидетелями которой мы являемся, представляется мне, как минимум, преждевременной и, мягко говоря, непродуманной. Тем не менее, надо признать, что действия Леха Качинского на украинском направлении — его частые поездки в Киев, попытки прийти соглашения с киевскими властями, очень доброжелательными в ту пору по отношению к Польше, переговоры с Ющенко и Тимошенко, не отвергавшими идею стратегического союза и стремившимися связать свою страну с Западом, для чего была необходима Польша, — все эти его действия вызывали неприятие и активное отрицание среди приверженцев его же лагеря.

Регулярно появляющиеся начиная с годовщины волынской резни и вплоть до сегодняшнего дня статьи в таких газетах, как «Наш дзенник» и «Газета польска», а также, к сожалению, в «Жечосполитой» подрезали крылья политике Леха Качинского. Худшие враги этого важного для Польши дела находятся среди поляков, а не в числе украинцев. И прежде, чем мы обвиним их, что они что-то у себя не сделали, нам следует признаться в собственных грехах.

Прочитайте, пожалуйста, сколько ненависти в подобных статьях, даже в текстах католических священнослужителей, таких, как ксендз Исакович-Залевский. Вся эта пропаганда сводилась к тому, чтобы натравить поляка на украинца. Такого рода деятельность, подрезающая крылья политике Леха Качинского, была богохульственной по отношению к трауру обитателей Пограничья. Злоупотребление этим трауром, трауром, связанным с ужасающей волынской резней, на самом деле является гнусностью и бессердечием. Хотел бы закончить тем, что уже многократно повторял, но в других местах, а не здесь, в любимом мною Люблине — мир заключают только с вчерашним врагом. И я не понимаю, как об этом элементарном правиле может забыть такой умный народ и такое умное общество, каким является, по моему мнению, польское общество.

ДВЕ ИСТОРИИ В ОДНОЙ

С Барбарой Киршенблатт-Гимблетт, профессором Нью-Йоркского университета и программным директором главной выставки Музея истории евреев Польши беседует Наталья Синяева-Панковская

На следующий год Музей истории евреев Польши откроет свою постоянную экспозицию, повествующую о тысяче лет проживания евреев в Польше. Экспозиция будет представлена в форме семи хронологических галерей — начиная с того момента, как евреи появились в Польше и заканчивая послевоенным периодом.

Музей, идея которого возникла в Ассоциации Еврейского исторического института еще в 1995 году, стал доступным для посетителей в апреле этого года, пока без главной экспозиции. Но уже сегодня посетители музея могут прогуляться по зданию, запроектированному финским архитектором Райнером Махламаки в минималистском стиле, посмотреть фильм о будущей экспозиции. Они услышат легенду Polin (что в переводе с древнееврейского означает «Польша») — рассказ о том, как евреи по совету бога прибыли в Польшу, спасаясь от преследований в Западной Европе в средние века. Здесь они увидели прекрасный лес, а на каждом дереве был листок со словами из Гемары, а птицы пели «Пол-ин, пол-ин», что на древнееврейском также значит «Останься, отдохни здесь». И это было знаком свыше для евреев и они осели на этих землях.

Кроме того, в течение года будет открыта периодически обновляемая временная выставка. Музей также предлагает богатую культурную и образовательную программу — в его здании уже проходят различные мероприятия, кинопоказы, концерты, конференции, дебаты.

Музей расположен в одном из районов Варшавы — Муранове. До войны здесь в основном проживали евреи, потом с 1940 по 1943 гг. он стал частью гетто и был разрушен после восстания в гетто в апреле—мае 1943 года. Уцелело лишь несколько зданий, после войны район отстроили практически на развалинах гетто. Поэтому место, в котором решили построить музей, символично.

Музей истории евреев Польши представляет особенную ценность для страны. Как сказал Владислав Бартошевский, который являлся одним из научных консультантов экспозиции, невозможно себе представить историю Польши без истории евреев Польши, так же как нельзя себе представить историю Франции без Парижа или историю Германии без Берлина. Евреи проживали в Польше беспрерывно тысячу лет. Эти две истории тесно переплетены.

Профессор Барбара Кришенблат-Гимблетт является программным директором главной экспозиции музея. С ней мы беседуем о том, как развивался музей, о ее личном вкладе в его развитие, о том, для кого был открыт музей, о его миссии и уникальности, о трудностях, с которыми пришлось столкнуться при подготовке главной выставки.

— Уважаемая Барбара, как случилось, что вас вовлекли в проект создания музея в Польше?

— В 2002 году мне позвонил историк, музеолог и будущий директор музея Ежи Хайлберштадт, он был в Нью-Йорке и предложил встретиться. Со мной ему посоветовал связаться его коллега, известный историк Майкл Стайнлауф. Я была заинтересована в этой встрече, так как уже тогда что-то слышала о музее, но мне идея представлялась неопределенной, а создание Музея истории польских евреев в Варшаве — невозможным, поэтому я хотела получить больше информации. Встреча состоялась в польском консульстве, там же Ежи и представил мне план, который мне понравился. Тогда это был только проект. Ассоциация Еврейского исторического института инициировала этот проект в 1995 году без какой-либо финансовой поддержки. У этой маленькой неправительственной еврейской организации, которая была создана после войны, была грандиозная идея. И эта идея принадлежала

Гражине Павляк, которая сейчас является директором Фонда Моисея Шорра, но тогда она была директором Ассоциации Еврейского исторического института. Через два-три года Ежи Хайлберштадт станет директором проекта. У инициаторов не было денег, и фактически не было еще музея как учреждения, но им удалось сделать самое важное на том этапе — подготовить план экспозиции. Это необычный музей, потому что он создавался изнутри. Создатели начинали не со здания, они начали с экспозиции и только потом стали думать о помещении. Отправной точкой стал нарратив, который и определил, чем будет этот музей — культурно-образовательным центром. А само здание является лишь материальным выражением этого нарратива и местом открытого диалога, инспирированного этим повествованием.

Вскоре после нашей встречи в 2002 году Ежи Хайлберштадт позвонил мне и пригласил на неделю в Варшаву, чтобы я могла ознакомиться со схемой исторической программы и генеральным планом экспозиции, которые были разработаны совместно с «Event Communications», дизайнерским бюро из Лондона, с которым они начали работать еще в 2000 году. «Event Communications» специализируется в области мультимедийных исторических экспозиций. Такие экспозиции начинаются с повествования, с истории, а не с коллекции — а на тот момент коллекция у нас была очень скромная. Тогда мы только начинали собирать коллекцию для нашей экспозиции. Мы хотели рассказать тысячелетнюю историю евреев Польши и не ограничиваться тем, что может быть показано при помощи экспонатов экспозиции, даже если бы у нас был доступ к любой публичной или частной коллекции, связанной с историей польских евреев.

Я приехала в Варшаву и провела здесь неделю. Ознакомившись с планом экспозиции, я была потрясена тем, что было уже сделано. После этого мы поддерживали связь. В 2005 году проект стал музеем, так как Ассоциации удалось заключить договор о сотрудничестве с Городским советом Варшавы и с Министерством культуры и национального наследия Польши о создании музея как учреждения. Городской совет выделил землю и деньги на строительство здания — приблизительно 65 миллионов долларов (200 миллионов злотых) и наблюдал за строительством. Министерство также оплатило некоторые текущие расходы. Ассоциация Еврейского исторического института была ответственной за сбор денег для создания экспозиции, а также за ее разработку и инсталляцию. Выставка стоила около 45 миллионов долларов (130 миллионов злотых).

В том же году был объявлен конкурс среди архитекторов. Участвовавших в конкурсе архитекторов ознакомили с планом экспозиции и объяснили, что здание должно передавать миссию музея и сочетаться с экспозицией. В результате архитектурного конкурса у нас появился архитектор и концепция здания. Мы были готовы к следующему этапу развития экспозиции — к разработке схематического дизайна (scheme design). Всего же было три этапа — генеральный план (masterplan), схематический дизайн и детальный дизайн (detail design). Каждый этап предполагал более подробную разработку деталей.

На этапе схематического дизайна мне и предложили стать программным директором экспозиции. Я им стала в апреле 2006 года.

— Что повлияло на ваше согласие присоединиться к этому грандиозному проекту? Ведь нужно было оставить Нью-Йорк и приехать в Польшу. К тому же это такая большая ответственность...

— Три причины. Прежде всего, это был очень важный проект, я искренно верила, что он может стать трансформирующей силой, повлиять на то, что окружающие думают о евреях и о том, что они думают о Польше. Я верила в то, что этот проект сможет привлечь внимание евреев всего мира к истории евреев Польши. А это история 70% всего еврейского населения в мире. В то же время проект был адресован также полякам, поскольку он дополнял их историю, ведь это тоже их история, просто она практически неизвестна им из-за случившегося геноцида. Это был проект, который мог привести к большим изменениям в Польше и в мире, это был проект для всех — евреев и поляков, в общем, для всех.

Кроме того, я почувствовала, что достаточно подготовлена в профессиональным плане для реализации этой идеи. Как специалистка в вопросах Восточно-европейской еврейской культуры и языка идиш, я более 40 лет интервьюировала своего отца, который родился и вырос в Польше. Я работала в музеях с 18 лет, курировала выставки, написала много статей и книг по истории и теории музеев,

занималась преподавательской деятельностью. Я подумала, что это как раз тот проект, который позволит мне использовать свой опыт и знания, который соответствует моим увлечениям. У меня была и личная связь с этим проектом. Я чувствовала, что могу содействовать реализации этого проекта — на интеллектуальном, творческом и культурном уровнях.

Кроме того, мне как ученому, занимающемуся изучением музеев, захотелось узнать что-то новое о музеях. А лучший способ для этого — создать свой музей. Это стало трансформирующей силой для меня самой. Я узнала много нового, работая со своими коллегами, лучшими специалистами с глубоким знанием истории польских евреев. Я работала с дизайнерами, очень творческими людьми, многому научилась и у них. Ну, и не менее важным является то, что я живу в Варшаве и извлекаю уроки из этого места, проживая здесь. Я стараюсь понять каждый момент, в котором создается музей и в котором он должен соответствовать ожиданиям своих будущих посетителей. Я учусь, будучи частью того, для чего был создан этот музей.

— Что было самым сложным в этой работе?

— Самым сложным было начинать с нуля — и музей, и главную экспозицию. У других музеев есть преимущества, так как они уже созданы, у них есть экспозиция, у них есть помещение, у них есть профессиональная команда, они уже знают свою аудиторию. Мы же должны были делать все с нуля — исследование, создание коллекции, концептуализация музея и выставки. Мы должны были создать команду ученых, работающих над содержанием главной выставки, — международную и мультидисциплинарную. Это было нелегко, но сейчас это сильная сторона нашего проекта. В нем участвуют ученые из Польши, Израиля и США. Они представляют различные научные области, среди них не только историки, но и специалисты в области литературы, искусства, философии, религиозного диалога, социологии, антропологии, социальной психологии. В обычной ситуации — над содержанием подобной экспозиции работали бы только историки, причем в основном это были бы польские историки. Мы же поверили в то, что история польских евреев, как мы ее себе представили, может только выиграть от международного и мультидисциплинарного подходов. Ведь часть важных исследований ведется не только в Польше, а также в Израиле, Северной Америке, Западной Европе и во всем мире. Однако такой подход достаточно сложный, ведь люди живут в разных местах, в разных часовых поясах. Работать приходилось на расстоянии. И мы должны были находить общий язык. С дизайнерами из Великобритании мы общались на английском языке, а с польскими — в основном на польском. Это было не так просто для меня и для моей команды. Мы должны были искать общее в наших различных точках зрения.

Какие еще были трудности? Деньги, время, цель и масштабность проекта. Проект — грандиозный. И последнее, но не менее важное: у музея будет самая разнообразная аудитория, поэтому мы учитывали различные ожидания и опыт, а также старались реагировать на давления извне.

— Постоянная экспозиция еще не готова, но у меня уже есть вопрос, пока один, так как остальные вопросы лучше оставить до того момента, когда выставка будет открыта. И пусть читатель будет заинтригован. Известно, что экспозиция охватит тысячу лет евреев в Польше и будет хронологически поделена на семь галерей. Это действительно грандиозный проект. Вы показали, какой насыщенной была еврейская жизнь в Польше до войны. Показали и то, какой она стала после войны. Какая часть экспозиции была самой сложной для исполнения? Как вы считаете, удалось ли задуманное передать в визуальной форме?

— Самым сложным было найти баланс между тем, что ученые знают и тем, что увидят посетители. Ученые, готовившие экспозицию, чувствовали огромную ответственность. Мы должны были быть селективными при отборе сведений. Важно не перенасытить выставку информацией, различными деталями. И сохранить ясность при передаче основной мысли. Это было нашим первым заданием — очень четко сформулировать основную мысль как для экспозиции в целом, так и для каждой отдельной ее части. Но мы не хотели, чтобы все это свелось к рассказу, к звуковым цитатам (sound bites). Скорее мы хотели создать динамичное окружение, в котором посетитель ориентировался бы сам. Мы хотели, чтобы оно подталкивало его к самостоятельному изучению экспозиции. Словом, важно было найти баланс между ясностью и насыщенностью. Мы должны

были напомнить нашим ученым тот факт, что чем больше ты пишешь, тем меньше тебя читают. Мы не могли перенасытить экспозицию информацией, в противном случае мы потеряли бы наших посетителей.

Второй момент — нам надо было найти способ трансляции нарратива при отсутствии экспонатов. Например, первая галерея «Средневековье» охватывает почти шесть столетий. Существует очень мало аутентичных предметов с той эпохи. Мы должны были быть изобретательными в поисках путей передачи информации при отсутствии визуального материала, непосредственно связанного с историей польских евреев этой эпохи.

Было очень нелегко убедить людей осознать, какую ценность имеет создание копии деревянной крыши Гвоздецкой синагоги*, что это важно и стоит потраченных усилий. Мы сделали эту копию. Это был дорогой и сложный в организационном плане проект — в нем участвовало 300 волонтеров, мастеров, художников, ученых.

Мы имели дело с различными интерпретациями истории и сталкивались с различными точками зрения на то, каким образом должна быть представлена история польского еврейства, какие должны быть пропорции и как расставить акценты. Существует множество мнений, как можно представить историю, и мы сделали свой выбор. С одной стороны, мы принимали во внимание разные мнения, но с другой — мы должны были защищать сделанный нами выбор.

— Ну, этот этап уже пройден. А есть ли у вас опасения, связанные с открытием выставки?

— Множество, но я искренне верю, что, когда главная экспозиция будет готова, и все увидят, какова она в действительности, все эти опасения окажутся беспочвенны.

Одни беспокоятся, что это будет антипольский или недостаточно пропольский музей антисемитизма. Другие переживают, что тема антисемитизма будет освещена недостаточно, что мы отнеслись к ней, как к чему-то незначительному, что экспозиция обелит историю польских евреев. Некоторые переживают, что мы не раскрыли тему известных коммунистов еврейского происхождения и связанную с ней проблему «Жидокоммуны». Что мы недостаточно осветим тему праведников мира, спасавших евреев во время войны или, наоборот, тех, кто их выдавал.

Существуют определенные страхи, что не будет должного внимания уделено ассимилированным полякам с еврейскими корнями и их вкладу в развитие Польши и мира.

Некоторые считают, что история польских евреев должна быть представлена в территориальных рамках Польши. Другие же, наоборот, рассматривают историю польских евреев как международную и транснациональную, а польских евреев — как часть более широкой еврейской диаспоры. Однако даже они отмечают, что польские евреи путем последовательных миграций и эмиграций образовали свою диаспору — диаспору польских евреев, которая ведет свое начало не только с 80-х годов XVIII века, но сформировалась раньше.

Одни считают, что экспозиция должна начинаться и заканчиваться Холокостом, а другие, что следует показывать только современный период, для третьих же и межвоенное время, и Холокост, и послевоенное время одинаково важны.

Кроме того, ведутся дебаты о том, с какой перспективы мы показываем свою историю — с «польской», с «еврейской» или с какой-то другой? Или это множественная перспектива?

Как этот расположенный напротив Памятника героям восстания в гетто «музей жизни» найдет свое место на территории, на которой был совершен геноцид? Это действительно больше, чем музей Холокоста? Какое отношение он имеет к евреям, проживающим сегодня в Польше?

— Действительно, музей задает много вопросов, а ответы заставляют задавать следующие. Это музей вопросов. Поможет ли создание такого музея, говоря словами известного польско-еврейского публициста Константы Геберта, еврейской истории вновь стать частью польской истории? Какова миссия музея? Он для евреев, для поляков, для международной общественности? Где искать ответы на эти вопросы?

*Деревянная синагога в Гвоздце, маленьком городке, который сегодня находится в западной части Украины, была построена еврейскими и польским мастерами предположительно в 1640 году. Во время Второй мировой войны она была разрушена, как и остальные деревянные синагоги Польши. Копия крыши синагоги с расписным потолком будет включена в галерею XVIII века, в экспозицию «Местечко».

— Я считаю, говоря о миссии музея, нужно выделить три аспекта. Первая цель — сохранить знания и память о богатейшей цивилизации, созданной польскими евреями, для будущих поколений в Польше и в мире. Холокост унес не только жизни 90% евреев в Польше, но и тот мир, который они создали. О присутствии евреев на польских землях и о созданной ими цивилизации почти забыли, эта информация в значительной степени стерлась из памяти из-за геноцида, эмиграции и ассимиляции. Холокост — это практически единственная еврейская тема в школьной программе в Польше. И польская молодежь, и весь мир больше знает о том, как евреи умирали, чем о том, как они жили. Поэтому, на мой взгляд, миссия музея состоит в том, чтобы возвратить историю и эту цивилизацию, передать эти знания будущим поколениям. Эта цивилизация является невероятным ресурсом, позволяющим понять Польшу, понять евреев. Ресурсом, способствующим созданию лучшего будущего.

Второй аспект — музей может воссоединить поляков с еврейским прошлым их собственной истории и воссоединить евреев во всем мире с историей польских евреев. Предки около 70% современных евреев — выходцы из Польши. Нам еще предстоит многое преодолеть. Многие считают, что история польских евреев заканчивается с Холокостом, что Холокост — это вся история и что на Холокосте следует закончить наш рассказ. Существует негативное восприятие Польши как эпицентра геноцида, как еврейского кладбища, как страны, которая всегда будет антисемитская. Одна из главных наших целей — открыть собственную историю евреям, научить их по-новому понимать Польшу, сегодня и в прошлом.

Третий аспект — способствовать возрождению еврейской жизни в Польше. Нынешняя еврейская община здесь несоизмерима с 3,3 млн евреев, которые жили в Польше до Холокоста. Есть много людей, еврейские предки которых были для них много лет тайной из-за страха и стыда. Музею предоставляется шанс с помощью экспозиции, с помощью замечательной архитектуры, интересных образовательных и культурных программ, показать, что нет никаких оснований стыдиться или бояться. Да, Польша и польские евреи никогда не восстановятся после Холокоста, несомненно, существуют темные аспекты истории, но тысяча лет еврейского присутствия в Польше является доказательством чего-то большего, чем ненависть и геноцид. Исторический нарратив главной выставки предлагает альтернативную версию польской истории — не только этнонациональную историю. Сегодня Польша — страна гомогенная, таковы последствия геноцида, изменения границ, переселений, эмиграции и ассимиляции. Но история Польши без истории польских евреев — это история неполная. Историческое разнообразие Польши — это замечательный ресурс и то, чем вне сомнения можно гордиться.

— В экспозиции представлена та часть польской истории, которая является важной, но была надолго стерта из памяти. Вы не избегаете разговора о сложных моментах этой истории?

— Мы не избегаем трудных моментов, мы будем показывать их, создав территорию доверия. Через доверие посетители смогут приблизиться и самостоятельно осмыслить больные вопросы прошлого. У нас не будет, как в музее Холокоста, где все начинается с трагедии. Люди сами через восприятие положительных моментов найдут свой собственный путь к осмыслению трудных. Мы относимся к посетителям с уважением. Мы не начинаем с того, что они чего-то не знают, что они антисемиты и подвержены стереотипам. Вне сомнения, существуют антисемитские стереотипы, но мы не будем с этого начинать. Мы будем работать как с евреями, так и с поляками. А также с людьми со всего мира, потому что это международная история, это международный музей.

— Этот музей уникальный, если сравнить его с другими музеями, особенно в Центральной и Восточной Европе, если мы еще можем делить Европу таким способом. Я была в Литве, Украине, Румынии, Молдове и других странах. Несмотря на то, что когда-то там проживала значительная еврейская община, а в некоторых странах и сегодня еврейская община больше, чем в Польше, там нет подобных музеев. Есть небольшие, общинные музеи, чаще всего не отмеченные в путеводителях. Станет ли Музей истории евреев Польши своего рода образцом для подражания в других странах?

— Меня действительно интересуют все эти страны, они меняются, и существующие там музеи тоже меняются, некоторые быстрее, другие — медленнее. Мне сказали, что только в самой Польше за последние двадцать лет создано около ста музеев. Европейские страны, бывшие когда-то домом для большой еврейской общины, сталкиваются со своим еврейским прошлым по-разному. Германия

проработала свое прошлое, но там все было относительно ясно. Музей истории евреев Польши — знак того, что Польша занимает лидирующие позиции в Центральной и Восточной Европе, так как это самый большой подобный проект в регионе. Последнее, в чем Польша нуждается — это музей Холокоста, так как вся страна — это музей Холокоста. Есть еще много требующих детального изучения вопросов. Болезненных вопросов. Есть замечательные ученые, работающие в этом направлении, идут дебаты.

Ситуации в Литве, Украине, Беларуси или Венгрии разные. Откровенных ксенофобов и антисемитов мы видим в правительстве Венгрии. Язык «коричнево-красного геноцида» встречается в Литве, в Украине проходят церемонии с участием священника, чествующие память бывших групп СС. Но в то же время прилагаются усилия для создания еврейских музеев, которые представят более широкую перспективу. Наиболее известным является не так давно открытый Еврейский музей и центр толерантности в Москве, который отражает перспективу движения Хабад-Любавич, доминирующей группы в Федерации еврейских общин в России. Я несколько раз была во Львове, мне написали о попытках создать там еврейский музей на основе одной важной коллекции. Для каждой инициативы нужен кто-то, кто будет двигать идею, развивать. В Польше это была Ассоциация еврейского исторического института.

— Вопрос, который интересует всех: когда экспозиция будет доступна для посетителей?

— Не раньше июня 2014 года.

— А что будет потом, когда откроется экспозиция? Останетесь ли вы в Польше или будете только периодически приезжать? Наверное, трудно будет уехать, вложив столько сил в этот проект?

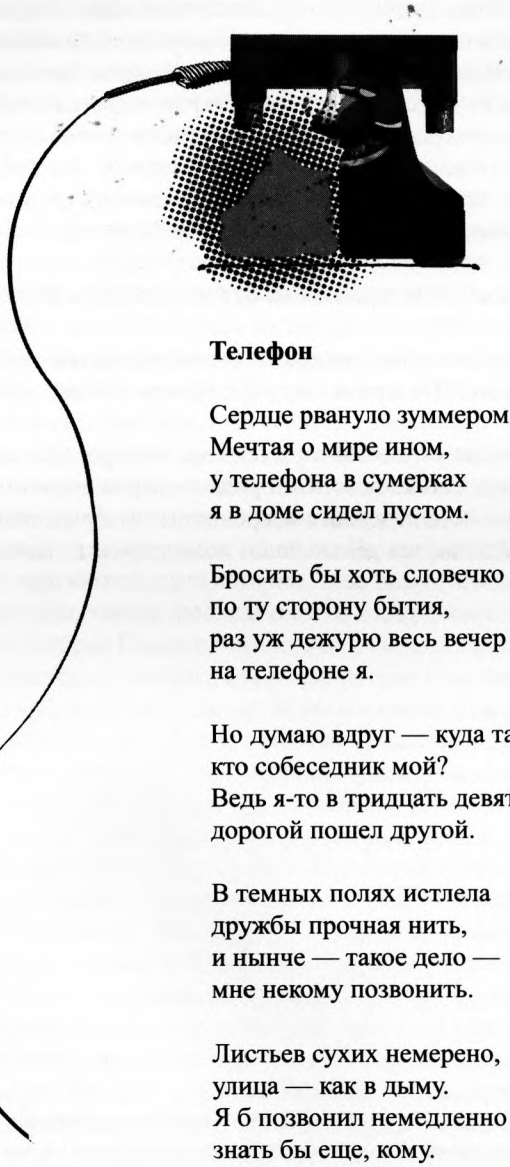
— Главная экспозиция нашла свое место в музее. Я горжусь тем, что проработала здесь все эти годы с действительно великолепной польской командой. Мне придает уверенности тот факт, что многие из них теперь работают в музее. Они — моя надежда и уверенность, что у главной экспозиции и музея есть будущее. И, конечно же, я хотела бы и в дальнейшем поддерживать связь с музеем.

Барбара Киршенблатт-Гимблетт — профессор Нью-Йоркского университета, программный директор главной экспозиции Музея истории евреев Польши. Автор таких книг как «Destination Culture: Tourism, Museums, and Heritage; Image before My Eyes: A Photographic History of Jewish Life in Poland, 1864—1939», «The Art of Being Jewish in Modern Times». В 2008 она была удостоена премии за свои достижения Фондом еврейской культуры и фодом «Mlotek Prize». В настоящее время входит в Консультативные советы Института еврейских исследований YIVO, Еврейского музея в Вене и нового Еврейского музея и центра толерантности в Москве.

Владислав Шленгель

Перевод Игоря Белова

СТИХОТВОРЕНИЯ



Телефон

Сердце рвануло зуммером.
Мечтая о мире ином,
у телефона в сумерках
я в доме сидел пустом.

Бросить бы хоть словечко
по ту сторону бытия,
раз уж дежурю весь вечер
на телефоне я.

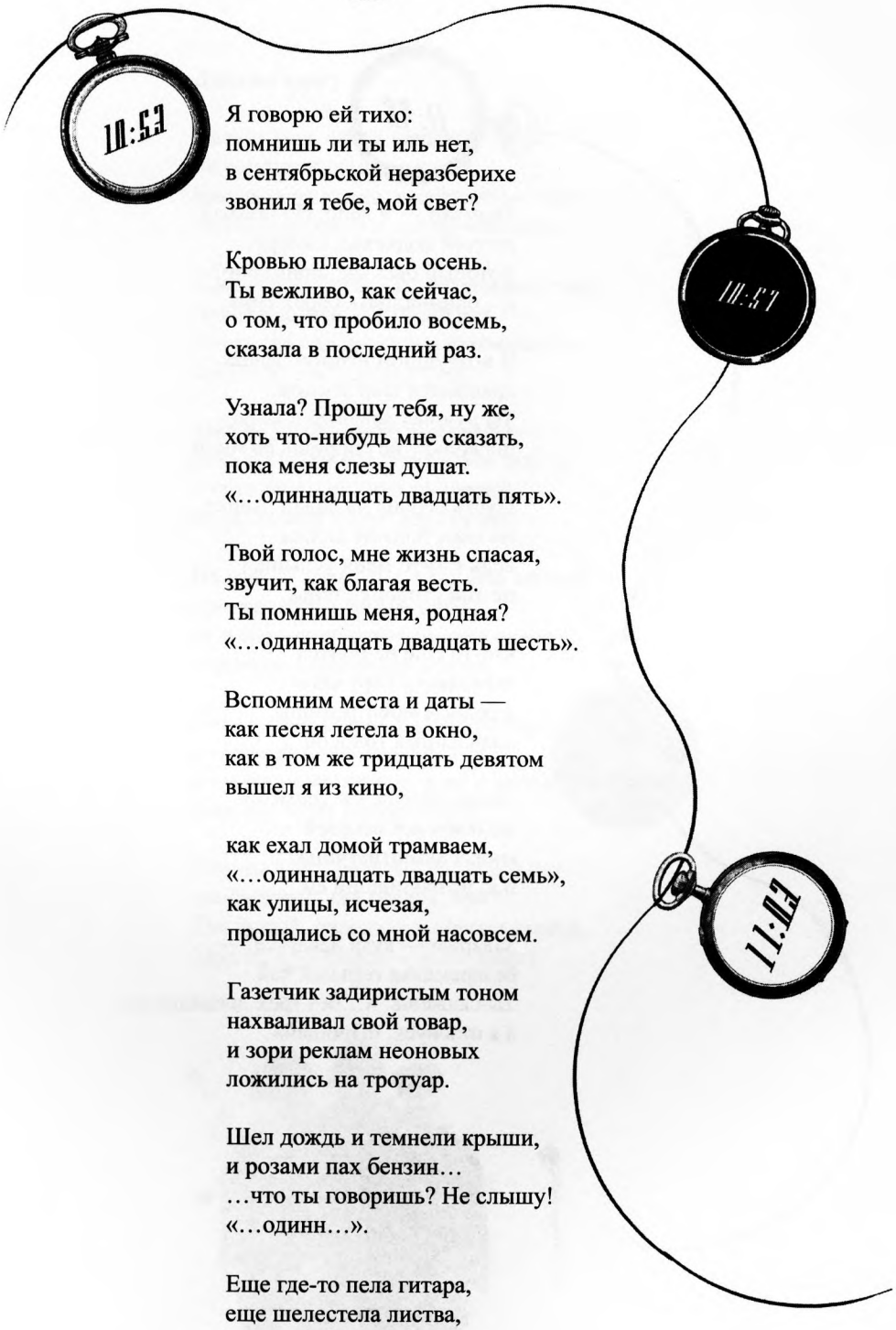
Но думаю вдруг — куда там,
кто собеседник мой?
Ведь я-то в тридцать девятом
дорогой пошел другой.

В темных полях истлела
дружбы прочная нить,
и нынче — такое дело —
мне некому позвонить.

Листьев сухих немерено,
улица — как в дыму.
Я б позвонил немедленно —
знать бы еще, кому.

Трубку я снял с опаской,
номер знакомый набрал,
чтоб дикторши голос ласковый
время мне подсказал.

Paulina Zielona



Я говорю ей тихо:
помнишь ли ты иль нет,
в сентябрьской неразберихе
звонил я тебе, мой свет?

Кровью плевалась осень.
Ты вежливо, как сейчас,
о том, что пробило восемь,
сказала в последний раз.

Узнала? Прошу тебя, ну же,
хоть что-нибудь мне сказать,
пока меня слезы душат.
«…одиннадцать двадцать пять».

Твой голос, мне жизнь спасая,
звучит, как благая весть.
Ты помнишь меня, родная?
«…одиннадцать двадцать шесть».

Вспомним места и даты —
как песня летела в окно,
как в том же тридцать девятом
вышел я из кино,

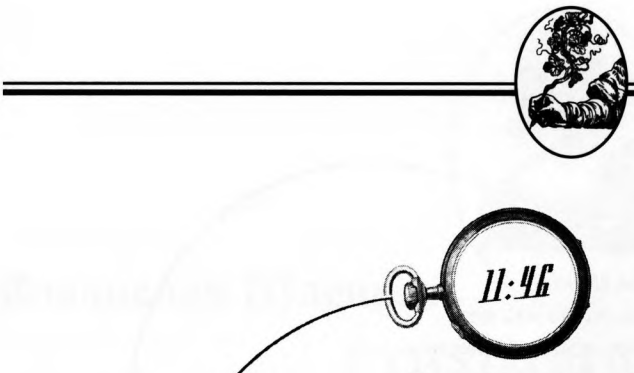
как ехал домой трамваем,
«…одиннадцать двадцать семь»,
как улицы, исчезая,
прощались со мной насовсем.

Газетчик задиристым тоном
нахваливал свой товар,
и зори реклам неоновых
ложились на тротуар.

Шел дождь и темнели крыши,
и розами пах бензин…
…что ты говоришь? Не слышу!
«…одинн…».

Еще где-то пела гитара,
еще шелестела листва,
еще мы сидели в барах…
«…одиннадцать два…».

Под радостный звон тарелок
в кафе веселилась ночь,
эстрада плясала, пела,
такси отъезжали прочь.



Трамваи — в депо. Но первый
ночной подъехал, смотри.
Который был час, примерно?
«…одиннадцать сорок три».

В воздушном ночном эфире
вращается шар земной.
Ты лучшая девушка в мире,
поскольку не споришь со мной.

Пусть сердце на ладан дышит,
но швы пока не видны —
ведь кто-то меня услышал
по той стороне стены,

кто-то еще не боится
вымолвить пару слов
в бедной моей темнице
сдавленных голосов.

Осень красна, аж светится.
Болтаем всё веселей —
милая автоответчица
и я, позвонивший ей.

Заварим — куда деваться? —
безвременья горький чай.
Ты скажешь: «…без трех двенадцать»,
а я отзовусь: «Прощай».

Двое на снегу

Падает снег, своей шерстью белой
он воротник обшивает мой.
Нас двое на улице, у каждого — дело:
еврей за работой и солдат-часовой.

Дом мой — барак. Ты бездомный тоже.
Давит нас этот жестокий век.
Пусть друг на друга мы непохожи —
соединил нас сегодня снег.

Мне не удрать переулком этим,
пока ты мерзнешь тут битый час,
а это значит, что кто-то третий
на скользкой улице держит нас.

На мне — лохмотья, а ты, мой милый,
принарядился, как на парад,
да только снег отличить не в силах
евреев от элегантных солдат.

Снег падает ровно, на нас, на город,
и никакой в нем тревоги нет,
и смотрим мы оба во мрак и холод,
едва различая далекий свет.

Что мы здесь делаем? Разве всё это
необходимо, как воздух, нам?
Послушай, парень… в снегу планета…
Может, простимся — и по домам?

Две смерти

Ваша смерть и наша смерть —
разные, по счастью.
Ваша правильная смерть
душу рвет на части.
Там, где пули, кровь, туман,
вы справляли тризну.
Ваша смерть всегда от ран
и только за отчизну.
Наша смерть жестока к нам
и, увы, нелепа:
по подвалам, чердакам
ковыляет слепо.
Ваша смерть — молитва в лад
и толпа у храма.
Наша смерть — оптовый склад,
выгребная яма.
Ваша смерть лицом к лицу
встретит вас, а наша,
как пристало подлецу,
всыпет яду в чашу.
Ваша смерть — святая смерть,
легкая, простая.
Наша — на помойке смерть
еврейская, гнилая.
Наша маленькая смерть —
падчерица вашей.
Ваша встретит нашу смерть,
слова ей не скажет.
Так всю ночь, крича, лютуя,
в небе над домами
смерть одна бранит другую
страшными словами.
А поодаль, не встревая,
в сумерках, как в гриме,
злая, жадная, хмельная
Жизнь следит за ними.

Расчеты с Богом
(Варшавское гетто, 1943 г.)

Не знаю, сон это был или явь,
спиртного ли граммов двести,
но как-то сидели мы — Бог и я,
баланс подбивая вместе.

Бог оказался совсем седой,
ласковый, добродушный,
с длинной, почти до колен, бородой,
и в пиджаке бэушном.

Без документов он прибыл сюда
из светлых чертогов рая.
(Впрочем, он, кажется, был тогда
подданным Уругвая).

И вот я вытащил свой блокнот,
а Бог — перо золотое,
и так мы сидели ночь напролет,
считая, кто чего сто́ит.

Мне тридцать два, говорю я ему,
голодным я был и сытым,
но до сих пор всё было, тьфу-тьфу,
в порядке с моим кредитом.

Если же мне говорили: «Молись»,
я горячо молился,
когда говорили: «Теперь постись»,
конечно же, я постился.

Я целыми днями тогда не ел
(не пил, разумеется, тоже),
не спал с кем попало, а лишь худел —
всё ради тебя, о Боже.

Среди глухой ночной пустоты,
губами, сухими от жажды,
молился я истово, чтобы Ты
всё это припомнил однажды.

Сказали: «Не укради, чтоб рука
не отсохла», и я не крал.
Сказали: «Свинины не ешь ни куска».
Вздохнул я, но есть перестал.

«Так хочет Бог. Ты велик иль мал,
но в рай лишь одна дорога».
«Не прелюбодействуй», — я услыхал.
Что ж, говорю, ради Бога…

«Не убий», — сказали однажды мне,
и я никого не убил.
«И думать забудь о чужой жене», —
сказали, и я забыл.

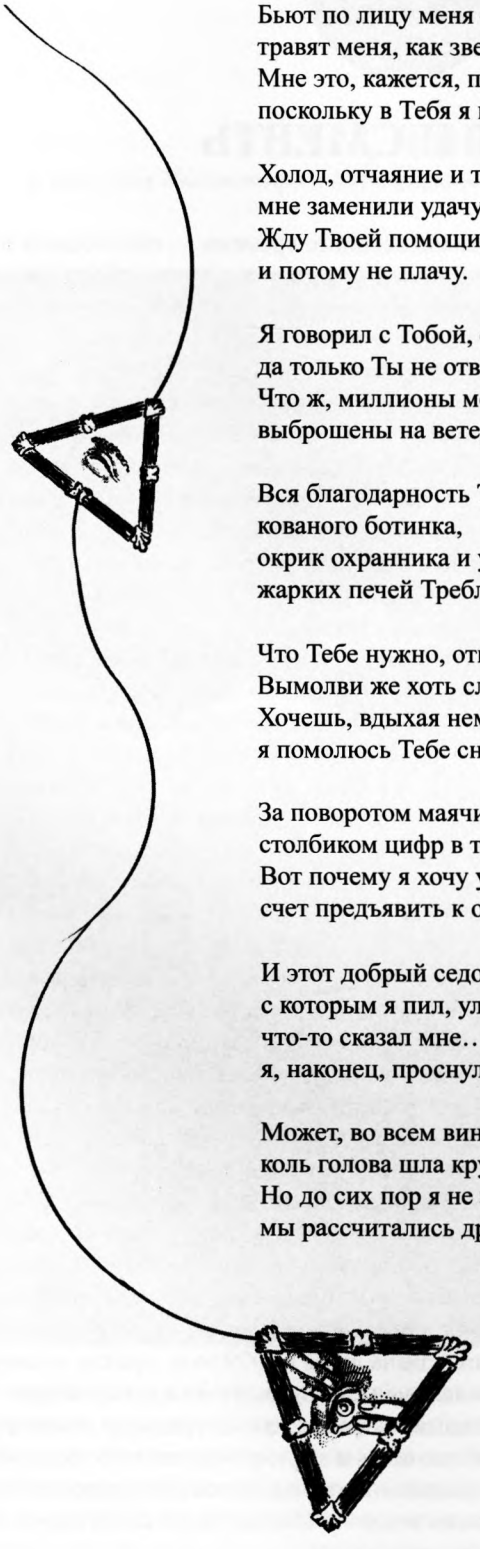
О праздниках помнил и знал назубок
значение каждого дня…
За что же тогда, мой любимый Бог,
Ты взял да оставил меня?

Я ел мацу, судьбу не кляня,
правила чтил, и в субботу
я сторонился, словно огня,
любой, даже мелкой, работы.

Верил я так, что вера моя
с солнца сводила пятна,
плоть умерщвлял ежедневно я,
а ради чего — непонятно.

Я говорил: «Помоги, Господь.
Сколько у нас печалей!
Хлеба насущного дай ломоть,
чистой воды и так далее…».

Но в книге учета свершений и мук
(не веришь? подвинься ближе!)
что-то Твоих особых заслуг
передо мной я не вижу.



Бьют по лицу меня — я молчу,
травят меня, как зверя.
Мне это, кажется, по плечу,
поскольку в Тебя я верю.

Холод, отчаяние и тоска
мне заменили удачу.
Жду Твоей помощи издалека
и потому не плачу.

Я говорил с Тобой, еле жив,
да только Ты не ответил.
Что ж, миллионы моих молитв
выброшены на ветер.

Вся благодарность Твоя — удар
кованого ботинка,
окрик охранника и угар
жарких печей Треблинки.

Что Тебе нужно, ответь сейчас?
Вымолви же хоть слово.
Хочешь, вдыхая немецкий газ,
я помолюсь Тебе снова?

За поворотом маячит смерть
столбиком цифр в тетради.
Вот почему я хочу успеть
счет предъявить к оплате…

И этот добрый седой старик,
с которым я пил, улыбнулся,
что-то сказал мне… но в тот же миг
я, наконец, проснулся.

Может, во всем виноват коньяк,
коль голова шла кру́гом…
Но до сих пор я не знаю, как
мы рассчитались друг с другом.

Петр Мицнер

ПОЭТ И СМЕРТЬ

У стихов военного времени — собственная поэтика. Напряжение между жизнью и смертью было так велико, что его невозможно обозначить словами, в связи с этим поэты часто прибегали к готовым штампам и расхожим стереотипам. В поэтических текстах царил пафос. Разумеется, существовал и сатирический жанр, но где-то рядом. Синтез этих двух тенденций, столь характерный для польской довоенной поэзии, во время оккупации почти не практиковался.

Владислав Шленгель был поэтом совершенно исключительным, с необычайной смелостью выражавшим самые противоположные чувства: волнение, негодование, издевку и лирическую грусть. Это, впрочем, было свойственно и его довоенным стихам.

Известно о нем немного. Шленгель родился в 1914 году в Варшаве, в еврейской семье. Во второй половине тридцатых годов был уже достаточно известным автором, писал тексты популярных песен, сатирические фельетоны и стихи, выступал в кабаре. Чувство юмора не мешало ему предвидеть наступление страшных времен. Поэт решительно придерживался левых взглядов, но принадлежал к тем социалистам, которые видели, какую угрозу таят в себе обе модели тоталитаризма – гитлеровская и сталинская, причем угрозу не только для Польши, но и для всего человечества как такового.

В сентябре 1939 года, после начала войны, Шленгель отправился на восток и оказался в Белостоке, где вместе с друзьями основал Театр миниатюр, в котором работал заведующим литературной частью и конферансье. В 1940 году поэт решил вернуться в Варшаву, где осталась его жена. Его отъезд ускорило и то обстоятельство, что деятельностью театра заинтересовалось НКВД.

В Варшаве Шленгель попал в гетто. В знаменитом кафе «Штука» (*в пер. с пол. – «Искусство»*) он редактировал сатирическую газету под названием «Живой дневник», писал шуточные песни и горькие, порой мятежные стихи. Сохранилась рукопись его книги «Что я читал умершим», которая была целиком издана лишь в 1979 году, правда, подвергнувшись при этом цензуре. Некоторые стихи по-прежнему были слишком горькими, слишком прямо называли вещи своими именами, не вписываясь в мартирологическую традицию.

Шленгель оставил после себя стихи-свидетельства одиночества, гордости и презрения, но презрения не к людям, а к преступным законам истории. Словно поэт стоит перед лицом смерти и показывет ей фигу. И предостерегает будущие поколения.

Стихи уцелели. Поэт погиб в мае 1943 года, в последние дни восстания в варшавском гетто.

ТИХО, Я ЗНАЮ

С актером Кшиштофом Ковалевским беседует Юлиуш Цвелюх

Актер Кшиштоф Ковалевский об оккупациях и режимах, о бегстве на трофейном «Опеле» от келецкого погрома, о креольской любви и умении дозировать нагрузку.

Юлиуш Цвелюх: ***Для комедийного актера у вас было весьма невеселое детство.***

Кшиштоф Ковалевский: Если бы за дело взялся Грабал, то, наверное, что-нибудь смешное он выудил бы и из этого. Меня, впрочем, многое происходящее со мной тогда необыкновенно забавляло. Я родился в Варшаве, в доме на улице Новогродской. Но во время войны нам пришлось переехать, потому что мама стала опасаться, что дворничиха нас выдаст, донесет, что мы евреи. Мама сняла

квартиру у Юзефы Беневской. Это была женщина необыкновенной доброты. И то, что она делала, было просто невероятно. Когда горело гетто и оттуда бежали люди, в ее квартире устроили перевалочный пункт. Евреи, которых должны были переправить дальше, ждали, пока за ними кто-нибудь придет.

— Вы понимали что-нибудь из того, что происходило вокруг?

— Откуда? Я вел себя, скорее, как кретин. Я становился у туалета и поджидал одного очень нервного человека. Это был такой маленький мужчина. В его квартиру постоянно кто-то приходил. И как только раздавался звонок (а этих звонков до черта было), он бежал в уборную. Там было небольшое окошко, которое выходило в глухой двор. Он вылезал из этого окошка и висел, держась за карниз с той стороны. А я, кретин, катался тогда от смеха по полу.

— Чертовски весело. Вы знали, что вы тоже еврей?

— Все вокруг делали вид, что ни о каких евреях ничего не знают. Пани Юзефа одну комнату сдавала нам, а другую — какой-то портнихе. Так эта портниха говорила: «Что вы делаете, пани Юзефа, тут же евреи! Сюда придет гестапо и нас поубивает». А она так спокойно отвечала: «Вы видите здесь каких-то евреев? Вы меня удивляете! Здесь нет никаких евреев».

— Но в конце концов вы все же об этом узнали.

— Уже после войны. Но до этого была ещё одна ситуация, которая заставила меня задуматься. Мать должна была куда-то уехать, что-то она там улаживала. И какое-то время мне пришлось жить в семье отца. Семья отца не очень-то нас жаловала, но они согласились принять меня ненадолго. Я проснулся от ссоры. Одна сестра говорила, что это еврейский ребенок, что это опасно. Я знал, что это обо мне. Это, собственно, и сыграло решающую роль в моем отношении к этим людям. Я не поддерживаю с ними никаких отношений. Когда-то я еще пытался общаться с родной сестрой моего отца, но из этого тоже ничего не вышло.

— Если верить тому, что пишут в Интернете, то отца у вас не было.

— Циприан Ковалевский. В воспоминаниях матери отец был кем-то единственным и важным. Я знаю его только по фотографиям. Когда мне было два года, началась война и отец был мобилизован. До войны он был офицером, потом занялся бизнесом, но без особого успеха. В сентябре 1939 г. он попал в советский плен. Погиб в Старобельске, то есть под Харьковом. Но о том, где и при каких обстоятельствах его убили, мы узнали гораздо позже.

— Отец погибает в Старобельске, мать — еврейка, которая любой ценой спасает вас от ужаса холокоста… Можно ли подбавить жару этой истории?

— Извольте. Во время Варшавского восстания городское командование Армии Крайовой перенесло нас на улицу Вильчу. Нас подселили к семье главного редактора одной рептильной газеты. Его расстреляли за коллаборационизм, а жена и четверо детей остались в прекрасной (там было не меньше шести комнат) квартире. Старший сын был повернут на религии. Каждый день он одевался как ксендз и служил мессу. У него был даже весь литургический инвентарь. Я должен был играть роль прислужника и постоянно получал по башке, так как не знал латинских выражений. А их младшенький для разнообразия ненавидел воду и мыло. У него был один способ прекратить помывку, но он всегда выбирал самый неподходящий для себя и для всех остальных момент. Каждый день вечером, когда он уже стоял намыленный в лохани, он произносил только три сакраментальных слова: «Мама, воздушная тревога». И она летела с ним с последнего этажа в подвал. После каких-нибудь сорока минут они возвращались с криком. А на следующий день снова: «Мама, воздушная тревога».

— После восстания вы переехали в Кельце. Война закончилась. Мать начала играть в местном театре. Казалось бы — самое худшее уже позади.

— Мне очень нравилось бродить по городу ночью. Я притворялся, что сплю, а сам убегал из дому. Правда, я побаивался, так как в городе говорили, что евреи похищают детей и пускают их на мацу. А если похитят цыгане, они красят тебя чаем и все — ты уже цыган. У меня было только две дороги, по которым можно было вернуться. Либо по улице Планты, либо по нынешней улице Сенкевича. Дилемма ужасная. Когда я шел по улице Сенкевича, то я проходил мимо цыганского табора. Захрапит цыган — я трясусь, что меня перекрасят. То же самое у еврейского дома. Захрапит еврей — я трясусь, что пойду на мацу. А еще был самый последний аттракцион: надо было войти в сени

в углу, в черную пропасть. Когда я пересекал границу лунного света и темноты, то слышал по-русски: «Кто идет?» Я отвечал: «Это я, мальчик». И меня отпускали. Это была Красная Армия, которая каждую ночь грабила мясника. Больше всего меня поражало то, что утром он открывал магазин как ни в чем не бывало.

— В день, когда был погром, он тоже открыл магазин?

Наверняка. Неслабую заварушку там устроили. Но без меня. Утром в день погрома я пошел к одному приятелю. Он был старше меня. Ему было 14 лет. Он был сыном полковника, который вернулся на трофейном «Опеле» из Берлина в чине капитана. У него был ординарец, он же — водитель. Ординарец в редкие моменты трезвости учил этого мальца водить машину. В тот день мой приятель забрал у пьяного ординарца ключи. Ну, мы забрались в машину и поехали. Четырнадцатилетний с девятилетним. От горшка два вершка, поэтому в город мы не совались, а поехали по проселочным дорогам и по окрестностям. До нас доходили отголоски выстрелов из города, но мы думали, что это, наверное, ребята развлекаются. Там была уйма оставшихся от немцев боеприпасов и оружия. Противотанковые мины и бруски тротила. Короче, веселуха в полный рост! А что за радость была бросить в разгоревшийся костер целый ящик пулеметных патронов.

— Ваш дом от того, в котором был погром, отделял только двор. Вы видели, что там происходило?

— Нет. Я вернулся домой между пятью и шестью часами вечера. Разумеется, получил по первое число, потому что выяснилось, что здесь, рядом, резня, а я неизвестно где. Мать сходила с ума: шел мимо, застрелили. Почему нет? На следующий день мать договорилась насчет грузовика. Мы погрузили те немногие вещи, которые у нас были, и поехали в Варшаву, в ту самую квартиру, в которой я родился. Я уже знал, что я еврей.

— Вы возвращались когда-нибудь в Кельце?

— Я как-то был там проездом и из любопытства зашел в дом, в котором мы жили. Остановился на лестничной площадке и посмотрел через двор на тот дом, в котором был погром. Посмотрел на подоконник и подумал: «Вот ведь черт, здесь с того времени никто пыли не протирал».

— Это трудная тема. Никто не хочет прикасаться к этой пыли. Вопрос вашего происхождения еще поднимался?

— Собственно, я этого никогда не ощущал. Раз только во время арабо-израильской войны в уборной разгорелась какая-то жаркая дискуссия, во время которой мне было сказано, что раз уж я так защищаю Израиль, то почему же не вступлю в их армию. Это, впрочем, говорил приличный человек, с которым жизнь потом обошлась невероятно жестоко. Хороший, характерный актер, у которого неожиданно случился инсульт. Он выкарабкался, но речь так до конца и не восстановилась. Позже бывали весьма болезненные моменты, когда он приходил в уборную. Мы разговаривали, а он в какой-то момент замолкал и начинал плакать. Сидел и плакал. И такая полная беспомощность. И не утешить его никак. Да и как тут утешишь.

— А вас кто утешал, когда вы не поступили в театральный институт?

— После моей первой попытки я встретился на улице Медовой с Ежи Раковецким, который был в экзаменационной комиссии. Он подошел ко мне и говорит: «Вы знаете, между нами, я бы вам не советовал. Нет у вас шансов». Господи, как же он меня взбесил. Я пришел домой, ходил вокруг стола и говорил: «Я вам еще покажу!». Он разбудил во мне зверя. К следующему экзамену меня подготовила актриса Ирена Ладось.

— А почему не мама?

— Мать не хотела иметь с этим ничего общего. Впрочем, я и сам не толком не знал, есть у меня талант или нет. Я сдавал экзамен отчасти в качестве эксперимента. Должен сказать, что в умственном отношении я был достаточно ленив. Ленив в том смысле, что мои друзья строили какие-то планы, а я просто плыл по течению. И вот когда в какой-то момент я подумал: а как же я? Мать — актриса, ну, значит, и я смогу. Мать мне говорила честно и открыто, что это непростая работа. Скорее тяжелая и очень часто случается так, что тебя унижают, потому что у этой профессиии феодальная структура, требующая полного подчинения. Это делается для публики, только это и спасает. Все остальное —чистый феодализм.

— Но вас что-то все же привлекало.

— Я выбрал эту профессию как бы вопреки себе. Когда я был ребенком и потом, в подростковом возрасте, я был очень застенчив.

— Особая карьера вам не светила.

— Уже после обучения Владислав Вилямовский, хороший довоенный актер, остановил меня както в «Театре польском», посмотрел внимательно и говорит: «Какой-то вы и не то чтобы характерный актер, но не герой-любовник. Такое не пойми что». Впрочем, не он один меня так воспринимал. Спустя пару лет после дебюта мы поехали с запланированным визитом к Сташеку Тыму и разминулись с ним по дороге, так как у него что-то прострелило в пояснице, и жена везла его в больницу. К счастью, у соседки были ключи от их дома. Она нам открыла. И мы провели там с сыном две недели. Прибрали всё после себя и поехали в Варшаву. Тем временем он вернулся и спрашивает соседку, что та думает обо мне. На что она ответила: «Вот он утром выйдет, посмотрит на небо, потом по сторонам. Пойдет к воде. Вернется. Зайдет в дом. Выйдет. Снова по сторонам посмотрит. Бесполезный какой-то человек».

— Как же она ошиблась. Вам 76 лет, а с вами невозможно договориться о встрече, вы постоянно заняты, все время работаете. Вы хотите что-то доказать министру финансов или себе?

— Я пойду дальше, чем планируют наши политики, увеличивая пенсионный возраст, и буду работать до самой смерти. Хотя иногда меня это выматывает. Все зависит от того, с какой интенсивностью заниматься. Но я не жалуюсь. Справляюсь. Главное не переусердствовать. Какое-то время назад я должен был сыграть сорокалетнего Селзника. К счастью, еще во время репетиций я понял, что это глупо.

— Что-то вроде Сары Бернар, которая играла Офелию в возрасте ее бабушки.

— В те времена были другие театральные обычаи. Была когда-то такая кубинская классическая примадонна, которая танцевала в возрасте 70 лет, будучи при этом почти слепой. Чтобы она не грохнулась или не упала со сцены, ей прямо на полу рисовали специальные толстые линии, по которым она и двигалась. Те, кто это видел, говорили, что зрелище было просто невероятное.

— Вы чувствительны к танцу. В первый раз вы даже женились благодаря танцу.

— В 60-х светская жизнь протекала, собственно, в двух местах, но главным образом все же в ресторане Союза польских артистов театра и кино. Там можно было выпить. А в субботу и воскресенье потанцевать, так как там играл Слепой Геня. Как-то прихожу, а за столиком сидят Юрек Гофман и Эдек Скужевский в компании очень красивой женщины. Вивиан была креолкой. Кожа у нее была белая как бумага. Глаза черные. Волосы черные. Она была танцовщицей из «Тропиканы». «Тропикана» — это самый известный клуб на Кубе. Грандиозное шоу в Гаване. Разумеется, во времена Батисты. Потому что после революции «Тропикану» заколотили досками, а танцовщицы искали счастья по всему миру. Вивиан забросило за наш столик. Я пригласил ее на танец, и мы протанцевали всю ночь.

— Романтичная история.

— Ну да, но брак длился не очень долго. Формально три года, но, по сути, он закончился раньше, когда Вивиан уехала в Париж, а я с Виктором, нашим сыном, остался в Польше. Она могла уехать по кубинскому паспорту и там, в Париже, хлопотать об американской визе.

— Вы воспитывались без отца. Легко ли вам самому далась эта роль?

— Если говорить о том, что для меня важно, то это была профессиональная жизнь. Я был постоянно занят. Потом пришел успех. Я был принят и признан публикой. Можно сказать, что профессионально я реализовывался. Это было самое главное. Может, даже чересчур, потому что у меня есть довольно серьезные претензии к самому себе, если речь идет о моем сыне, которому я не уделял достаточно внимания.

— Но он предпочитал жить с вами. В принципе разделил вас только Ярузельский.

— Виктор всегда на праздники ездил к матери. Военное положение застало его в Цюрихе. Когда уже можно было дозвониться до Польши, он позвонил и спрашивает, как тут дела. А я знал, что телефон прослушивается, поэтому говорю, что там, внизу на улице Мадалинского в канцелярский

магазин стоит очередь за тетрадями длинной в пятьсот метров. Вот такие тут дела. А он тогда говорит, что раз так, то может лучше ему остаться там.

— Вы жалеете, что так получилось?

— Благодаря нему у меня есть замечательная внучка. Мы встречаемся. Проводим вместе каникулы. Я летал в Лос-Анджелес на его свадьбу. У Виктора несколько разных профессий. Он тренер женской футбольной команды. Прекрасное занятие. Еще он работает в компьютерной области. Ему неплохо живется. Ну, и ему не пришлось терять время в длиннющих очередях.

— Вы не решились эмигрировать, хотя возможностей хватало.

— И соблазнов. Как-то мы были с театром в Цюрихе. Мы жили в окрестностях старого города и ездили всё время по одной и той же дороге. На первом этаже, в раскрытом окне висел костюм. Всю неделю. Мы каждый день проверяли, висит или нет. У нас бы не провисел. Некоторые тоже хотели жить в этой нормальности. И сбегали — один друг на яхте, Анджей Хоминский на пароме. Покупалась экскурсия на паром в Швецию, и в порту многие пускались в бега. Когда паром перестал заходить в порт, люди прыгали в воду и ждали, пока их вытащат. На пароме оставались лишь тайные агенты, которые грозили тем, кто внизу, в холодной воде.

— Вы остались. Конформизм или патриотизм?

— Для меня это вообще ничего общего с патриотизмом не имеет. А что, те молодые люди, которые сейчас массово уезжают, они не патриоты? Если молодой ученый едет в Лондон и устраивается там не посудомойкой, а по специальности, то делает он это потому, что там у него больше возможностей. Мне это кажется совершенно естественным. Мы в технологической и в научной сфере сильно отстаем. Вот он и идет туда, где все это более развито. Потому что и сам он будет тогда развиваться. Вот и все дела.

—Важен ли патриотизм?

— Чем больше о нем говорится, тем меньше он значит. У меня лично патриотизм ассоциируется с десятью заповедями. Если их соблюдаешь, значит ты приличный человек. Правда, не получается соблюдать все десять, но если придерживаться большинства из них, то думаю, что это понравится и Всевышнему, и власти. Мне не нравится слишком часто употреблять слово «патриотизм», так как благодаря политикам из партии «Право и справедливость» все это стало похоже на пустой набор слов. Если я не живу сознательно против государства, то я за него. И нечего здесь думать, патриот я или нет. А надо ли проливать кровь во имя патриотизма? Я не знаю. Если возникают такие обстоятельства, что надо пролить, значит надо.

— Вы любите эту нашу новую, свободную Польшу?

— Приходится. Но не все мне в ней нравится. Например, медицинское обслуживание. Я начал сниматься в сериале «Далеко от носилок», так как люблю этот вид абсурдистского юмора. Правда, скоро выяснилось, что действительность нас опередила. Негативные реалии медицины оказались покруче киношных вымыслов. Мы стали получать письма от людей, в которых они писали, что мы прекрасно показываем действительность. Вот, например, раздолбанный трясущийся лифт, который все время грозит катастрофой, выступает в сериале символом несовершенства системы, но я как-то случайно познакомился с одной врачихой из Гливиц, а она мне говорит: «У нас точно такой лифт».

— Я недавно читал, что профессор с диагностированным инфарктом лежал в приемном покое четыре часа, а его сердце медленно умирало. Этого даже ваш сценарист не придумал бы.

— Ну, нет, Кшисек Ярошинский таких жестоких вещей не сочиняет. Но у нас тоже есть один пациент, который всегда лежит в коридоре. Молодой парень, на все руки мастер, может починить все что угодно: батарею или часы ординатора. Он как-то спросил у ординатора, то есть у меня, может ли тот ему сказать, почему он лежит в больнице и чем, собственно, он болен. На что ординатор ответил: «Не могу, врачебная тайна».

— А вы раскроете тайну, почему вы не снимались в других сериалах?

— Если бы я хотел, то, конечно, бы снимался. Но сейчас нет такого сериала, в котором мне хотелось бы играть. Это выдуманный мир. Ненастоящие люди. Они ездят на шикарных автомобилях, живут в элитных квартирах. Сходятся, расходятся. Ведут какие-то дела. Совершают подлости. Вот,

собственно, и все их проблемы. Сидят, пьют чай, долго решают, пора ли подавать выпечку. Чушь собачья. А проблему стариков решили, уничтожив саму проблему. Нет на экране стариков, нет и проблемы. Один-единственный это Пыркош. Настоящий старик. Ну, и ещё Франек Печка. А в общем, нет такого явления, как старость, несмотря на то, что Польша становится страной стариков. Через несколько лет окажется, что это серьезные проблемы. Как этих стариков, не убивая, содержать?

— В таблоидах иногда пишут, что мы их уже убиваем. Как вам живется на прицеле у журналистов, тяжело?

— Если демонстрировать по отношению к ним полнейшее равнодушие, они беспомощны. Ну сколько раз можно фотографировать, как я писаю? Да, они на меня набрасываются, как только я где-то появляюсь. У меня потом проблемы с глазами от этих фотовспышек. Но они не ходят за мной, потому что я скучный.

— Вашей жене столько же лет, сколько вашему сыну.

— Эту тему они, конечно, пытались раскрутить. Только не на того напали. Ну, и кроме того, вокруг нас не было такого ажиотажа, как вокруг Анджея Лапицкого. Там была разница 65 лет, а у нас только 31. Нам до настоящей сенсации не хватило второго тридцатника. А то, что происходило вокруг Лапы это низость, у меня было впечатление, что журналисты ждут, когда он умрет на руках у молодой жены.

— Сказано кратко, но по существу. Это комедия вас этому научила?

— Жизнь. В Познани был такой комик Кнапинский, по прозвищу Кнапа. Этот тип, как только чувствовал, что с публикой есть контакт, начинал ее заводить безо всякого удержу. Зрители уже по полу катаются, разве что не писаются от смеха, а он им еще и еще. И вот однажды случилась у него именно такая публика, и он смешил их до слез, и катал по полу, и вдруг с балкона раздался отчаянный вопль: «Кнапа, перестань, а то я обоср…сь».

— Вам не обидно, что молодежь совершенно не знает ваших прекрасных театральных ролей, что вы останетесь для нее только тем мужиком из культовой комедии Станислава Бареи «Мишка»?

— Или Сулеком с радио*. Профессия актела всегда была делом недолговечным. Сейчас техническая реальность более благоприятна. Успели еще кое-что сохранить. Что-то и от меня останется навсегда, если, конечно, это не уничтожат. Ничего не поделаешь, такая работа. Труды моих коллег, которые гораздо старше меня, вообще канули в небытие, осталась только горстка более или менее забавных воспоминаний. Мою жену, когда началась заваруха вокруг нашей свадьбы, подруга поздравила с тем, что та вышла замуж за Сулека. Моя жена тоже выросла на этой радиопередаче.

— Вам нравится этот Сулек?

— Нравится, нравится. Сейчас «Тройка» снова это повторяет, я иногда слушаю и думаю, как же это хорошо написано.

— Ваша жена рассказывала — бывает, что совершенно посторонние женщины, даже в ее присутствии, вдруг говорят вам: «Пан Сулек, я вас люблю».

— Тихо, я знаю!

POLITYKA

* «Пан Сулек, я вас люблю» — культовая радиопередача Третьей программы «Польского радио», главными героями которой на протяжении 30 лет был глуповатый пан Сулек (Кшиштоф Ковалевский) и безответно влюбленная в него пани Элиза (Марта Липинская), без конца повторявшая: «Пан Сулек, я вас люблю», а в ответ слышавшая сакраментальное: «Тихо, я знаю!»

Анна М. Щепан-Войнарская

МНОГОГОЛОСИЕ НАДЕЖДЫ: «ПАССАЖИРКА» ЗОФЬИ ПОСМЫШ

Пассажирка» Зофьи Посмыш — это автобиографическая история, существующая в нескольких версиях: радиопьеса Ежи Раковецкого «Пассажирка из 45-й кабины», фильм Анджея Мунка «Пассажирка», роман Зофьи Посмыш «Пассажирка» и одноименная опера с либретто А. Медведева на музыку М. Вайнберга. Эти варианты я понимаю как различные носители одного и того же послания, содержащегося в автобиографическом свидетельстве Зофьи Посмыш, послания, сутью которого является надежда как высшая ценность, как организующее начало тех миров, которые были созданы на основе истории писательницы.

Зофья Посмыш родилась в 1923 г. в Кракове. В 1942 г. за распространение листовок Союза вооруженной борьбы она попала в гестаповскую тюрьму Монтелюпих в Кракове, потом в концлагеря — Освенцим, Равенсбрюк. Она выжила и вышла из освобожденного лагеря в мае 1945 года. После войны Посмыш переехала в Варшаву, где закончила факультет польского языка и литературы, работала корректором в газете. В 1952 г. началось ее сотрудничество с Польским радио. Во время подготовки материала для репортажа произошла встреча, которая вдохновила ее на создание радиопьесы «Пассажирка из 45-й кабины».

«Мы наткнулись в Париже, на площади Согласия, а это был 1959 год, на группу немцев. Услышав их язык, я тут же представила себе, что могла бы сделать, если бы встретила свою надзирательницу. Этими сомнениями я с воодушевлением поделилась с мужем. Мой бесценный муж (…) сказал: «Смотри у меня, только попробуй не написать об этом». И именно после этого я написала первую радиопьесу, которая открыла мне путь в литературу».

Запутанную линию судьбы произведения «Пассажирка» писательница объяснила в одном из интервью. Все началось с женского голоса, услышанного на площади Согласия в Париже. После того, как была написана пьеса, история, описанная в ней, стала видоизменяться. «Пассажирку из 45-й кабины» адаптировали для Театра телевидения. Режиссер телеспектакля, Анджей Мунк, предложил Зофье

Посмыш написать киноновеллу. Она согласилась. Затем на основе новеллы Посмыш и Мунк вместе создали сценарий для фильма. После внезапной смерти Мунка, когда возникли опасения, что фильм никогда не будет закончен, Зофья Посмыш предложила свою новеллу издательству «Чительник». Там ее попросили переработать текст из «театрально-диалогового» в прозаический, и так появился роман. Фильм закончил один из коллег Мунка, Витольд Лесевич. Однако его реализация была далека от изначальных замыслов Мунка. В действительности был создан фильм об Освенциме. После премьеры фильма в Москве к Зофье Посмыш подошел Александр Медведев, завлит одного из театров, и попросил разрешения написать либретто к опере, над созданием которой работал Мечислав Вайнберг. Около 1968 г. опера была закончена, однако на сцену ее не допустили, пришлось довольствоваться фортепьянным исполнением М. Вайнберга. Безуспешными оказались и попытки поставить оперу в Праге, Таллинне и Лодзи. В 2006 г. в Театре им. Станиславского в Москве состоялась премьера концертной версии оперы. Она заинтересовала представителей фестиваля в Брегенце, которые связались с Зофьей Посмыш. Затем была встреча во Фрибуре, где с писательницей разговаривал также британский режиссер Дэвид Паунтни. В августе 2010 г. на фестивале в Брегенце опера наконец получила свое полное сценическое воплощение, а в октябре была представлена зрителям варшавской Национальной оперы.

Отправной точкой этого произведения, существующего в различных ипостасях, является автобиографическая история о пребывании в Освенциме. Прототипами героев стали надзирательница СС Аннелиз Франц и подруга Зофьи Посмыш Марта Савицкая. Однако в Марте соединилось многое из того, что пережила сама писательница и другие женщины-заключенные. В повествовании Посмыш появляется и вне-лагерная линия, где Лиза и Вальтер плывут на пароходе в Бразилию. Вероятно, на том же пароходе находится бывшая узница Лизы, Марта. Так второй план приобретает характер подведения итогов, в нем поднимаются такие важные вопросы, как чувство вины и ответственности за преступление. То, что действие помещается на корабль и развивается по двум сюжетным линиям, ломает традицию документальной лагерной наррации.

Как отмечали критики, «Пассажирка» отличается от типичных текстов своего жанра, не неся на себе отпечатка «сведения счетов». В центре внимания Посмыш — взаимоотношения надзирательницы и заключенной, она описывает чувства обеих женщин. Повествование вписывается в жанровые рамки как документального свидетельства, так и исповеди, несмотря на то, что перед нами — не дневник.

Текст радиопьесы претерпевает изменения — одно за другим появляются киноновелла, сценарий, роман и либретто. «Пассажирка из 45-й кабины» начинается в почти идиллической атмосфере путешествия, действие происходит на корабле, плывущем в Бразилию. Среди пассажиров появляется супружеская пара Вальтера и Лизы Кречмер. Их беззаботный покой («Ах, какое прекрасное солнце, вода, словно зеркало, и этот ветерок» - говорит Лиза) нарушает таинственная пассажирка, которую замечает Лиза. Ее присутствие меняет все. Оказывается, что героиня была надзирательницей в концлагере, о чем не знал ее муж. Его осведомленность заканчивалась на том, что Лиза состояла в женском вспомогательном подразделении СС. В радиопьесе Вальтер старается рационально оценивать ситуацию, думает «о будущем», порой даже просчитывает, как должна вести себя супруга, чтобы не вызвать подозрений. Местами может показаться, что его позиция очень амбивалентна. С одной стороны, он потрясен и ждет объяснений, с другой — уверяет жену в понимании, но прежде всего — старается сохранить видимость благополучия.

Лиза не в состоянии вытеснить из своего сознания то, что она пережила в лагере. На надзирательницу, бывшую на стороне палачей, а не жертв, давят воспоминания о событиях, поступках, решениях, которые вне лагерной действительности утратили свой характер подчинения приказу и уже не кажутся очевидными. Ничто не забывается, и малейший инцидент способен оживить картины, мысли, эмоции из прошлого, — то, что сегодня описывает теория травмы и посттравматического синдрома (ПТСР). Таким инцидентом становится появление женщины, похожей на Марту, хотя она появляется без слов. Происходит своего рода присвоение дискурса преступником, однако оно дискредитирует сам дискурс. Мы наблюдаем, как спровоцированный предполагаемым противником монолог выявляет самые сокровенные эмоции.

Слушатели опосредованно узнают, как выглядит Марта; внимание привлекает ее одежда, особенно длинное платье, закрывающее плечи в жаркий день. Закрытое плечо для Лизы является потенциальным знаком татуировки с лагерным номером. Физическое закрывание становится разоблачением в плане нематериальном. Когда каждая недоговорка приобретает статус подозрения, самые обыкновенные вещи окончательно теряют свою нейтральность. Карикатурное повторение лагерной действительности: там жертва могла быть обвинена за все что угодно — здесь все существующее вне лагеря обвиняет палачей.

Помимо шумов воды, ветра и звуков шагов в радиоспектакле используется зловещий звон корабельного колокола. Его размеренные удары вносят беспокойство, будят в Лизе страх.

Некоторые характерные обороты, такие как «там» или «оттуда», используются в значении «Освенцим». Перифрастический стиль высказывания, частое использование указательных местоимений сигнализируют о попытке на уровне языка отстраниться от лагеря, перестать идентифицировать себя с ним. Использование местоимений можно понимать как стремление отгородить себя от «того», что «там» происходило, как очередной способ уйти от ответственности. Однако в то же время Лиза сознательно использует это слово, значит, попытка отстраниться от вины обречена на неудачу.

Радиоспектакль подчеркивает навязчивые страхи Лизы, которую не оставляет ощущение, что она неслучайно то и дело встречает на корабле таинственную женщину, например: «Она здесь. Она не спускает с нас глаз. Она идет за нами по пятам».

Последняя фраза, сказанная Лизой: «Но она жива и где-то ведь есть. Есть», — служит подтверждением тому, что происшествие на корабле не только пробудило воспоминания, но и доказало, что прошлое будет возвращаться к героине, хочет она того или нет, и вне зависимости от того, как она сама оценивает свои поступки, будет ее беспокоить. Лиза не изменилась, не изменила своего отношения к тем событиям. Она ни за что добровольно не даст себя наказать, потому что считает себя невиновной.

Радиоспектакль — это бунт против «невинности» нацистов, которые после войны могут вести и ведут нормальную, обычную жизнь. Надежда, которой проникнут спектакль, это надежда жертвы на то, что вне зависимости от судов и трибуналов палачи предстанут перед лицом действительности, которую они создавали, со всеми ее последствиями, в свете объективной правды и фактов, и что если хоть что-то человеческое в них осталось, то оно не даст им жить спокойно.

После радиопьесы, пользовавшейся большим успехом, поскольку она затрагивала крайне актуальный и болезненный вопрос, режиссером Анджеем Мунком был поставлен спектакль Театра телевидения. Мунка заинтересовал текст Посмыш, и он задумал снять фильм, пригласив писательницу к сотрудничеству. Она написала киноновеллу, на основе которой был создан сценарий и постановочный сценарий. По просьбе режиссера в ходе подготовки спектакля для Театра телевидения Посмыш дописала еще одного персонажа — госпожу Штрайт, вошедшую затем и в сценарий.

Фильм «Пассажирка» — это еще одна версия истории о воспоминаниях надзирательницы концлагеря Освенцим. Для Мунка важнее современной была ее лагерная часть. Поэтому акцент был смещен с рефлексии над последующей оценкой прошлого на картину лагерной действительности с точки зрения надзирательницы. Сложнее оказалось снять современную часть, путешествие Лизы и Вальтера на корабле и встречу женщин спустя годы.

Во время съемок сцен в Освенциме съемочная группа жила на территории лагеря. Мунк старательно собирал информацию, изучал материалы, читал дневники заключенных.

Режиссер отдавал себе отчет в том, что лагерная и современная части сценария непропорциональны, знал, что должен найти какой-то способ, чтобы сделать эти части взаимодополняющими. Он обращался за помощью к другим сценаристам, но никто не соглашался сотрудничать с ним по простой причине — неписаным правилом было невмешательство в готовый сценарий.

Неожиданно Мунк погиб в аварии, и его коллеги оказались перед нелегкой задачей — они знали, что «Пассажирка» должна быть закончена и показана. Им нужно было придать картине целостность, не нарушив при этом замысла режиссера. Было решено, «что ничто не будет ни дописано, ни доснято». Дело доверили его другу и соратнику по цеху Витольду Лесевичу. Лагерные сцены смонтировали в три различных сюжета-воспоминания.

Больше всего противоречий было связано с материалом, отснятым на корабле, которым Мунк был сильно недоволен. Было принято решение показать эту часть в сопровождении комментария рассказчика. Но Зофья Посмыш отказалась писать комментарий, и тогда авторы обратились к Виктору Ворошильскому. Однако комментарий содержал моральную оценку, что, в свою очередь, противоречило замыслу как самой Посмыш, так и покойного режиссера.

Фильм показывает механизмы, управляющие человеческой памятью: анализ того, как мы помним, забываем, вспоминаем и вытесняем воспоминания из памяти. Все эти процессы выразительно воплощены в образе Лизы. То, как она помнит и вспоминает, характеризует не только ее отношение к прошлому, но и ее саму.

Во время съемок фильма вышел в свет роман «Пассажирка». Сцены из фильма в точности совпадают со сценами из романа. Однако стоит отметить, что в фильме они выстроены в специфическую композицию — рамку трех отдельных воспоминаний. В романе же появляются пространные идеологические вставки в форме диалогов Вальтера с американским журналистом Брэдли, отсутствующие в остальных версиях истории.

Паулина Квятковская охарактеризовала «Пассажирку» как метафильм, фильм о съемках фильма. Так, в начале картины наряду с комментарием Ворошильского появляются фотографии самого Мунка, непосредственно представляя режиссера и создателя. С одной стороны, фильм должен был стать своего рода данью режиссеру, погибшему неожиданно и трагически, не закончив работы над столь важной картиной. С другой стороны, целью авторов было подчеркнуть, что «Пассажирка» призвана ставить вопросы, а не давать готовые ответы.

Образ концлагеря настолько суггестивен, что его нельзя выразить словами. Важную роль для интерпретации целого играет место действия — корабль, своего рода «остров во времени», плывущий фрагмент пространства, место без места, которое существует само по себе, само в себе, а в то же время предоставлено бесконечности моря. Комментарий за кадром так представляет его: «Эта история начинается сегодня, но там, где она начинается, нет ни вчера, ни завтра. Есть только сегодня. Этот роскошный корабль — остров во времени, и каждый его пассажир — тоже остров». Корабль — это закрытое пространство, из которого во время плавания нельзя сбежать. Лиза не может убежать от пассажирки так же, как она не может убежать от своего прошлого.

В фильме Мунк изменил цель путешествия Лизы и Вальтера Кретчмеров. У него они возвращаются из Америки в Европу, в то время как в радиопьесе, романе и опере они покидают Европу и плывут в Бразилию. Направление путешествия имеет здесь символический характер. Лиза возвращается в Европу, ту Европу, где было совершено преступление во время Второй мировой войны, тем самым возвращаясь к ответственности за свои поступки. На снимках, использованных в начале фильма, на которых видна беспечная атмосфера парохода, Лиза держит в руках газету с шокирующим заголовком «Zu Hause in Ruhe geniessen», то есть «Наслаждаться покоем дома».

В контексте Лизиной истории этот заголовок оказывается полон лукавства — нет настоящего дома и нет покоя. Необычайно важна сама композиция фильма, который начинается фотографией Мунка в сопровождении закадрового комментария. Основная часть фильма состоит из трех ретроспективных линий, которые прерываются сценами с корабля. Эти линии призваны не только рассказать историю героини; прежде всего, они описывают работу человеческой памяти.

Картины воспоминаний являются Лизе внезапно, возникают неожиданно. Она видит круг, в который выстроились капо, держась за руки; солдат с собаками; труп, который заключенный тащит по грязи; ряды немецких овчарок; заключенных, тянущих каток; снова ряды собак, круг капо с голыми заключенными; голую заключенную, схваченную тростью за шею во время селекции; снова заключенных, тянущих каток; солдат, идущих вдоль колючей проволоки с собаками на поводках; снова круг во время селекции; заключенных, толкающих по грязи детские коляски; наконец, обрезание волос и набивание номера. Эти картины быстро сменяются и повторяются, формируя последовательность. Это первые проблески, которые со временем Лиза будет дополнять, проникая все дальше вглубь своей памяти. Воспоминания эти логически не упорядочены, они не

показывают событий ни в хронологическом, ни в линейном порядке. Их можно назвать «воспоминаниями в чистом виде».

Следующая часть — это «готовая» история, история, подготовленная Лизой для Вальтера. В ней заметно, что героиня стремится описывать события отстраненно, ее воспоминания разворачиваются не свободно, а с определенной установкой. Лиза акцентирует внимание на пространстве лагеря, в то время как сама она как будто остается «вне» того, что в нем происходит, и выбирает для описания такие элементы, которые могут быть приемлемы для общества.

Вопреки действительности воспоминания выстраиваются в хронологическую последовательность. Повествование стремится представить женщину наблюдательницей, а не участницей событий, о чем свидетельствует движение камеры. Панорамные кадры показывают въездные ворота и главную площадь Освенцима. Видны также кучи одежды и вещей, оставшихся от привезенных заключенных.

Наконец камера направляется на бетонную крышу крематория, скрытого под землей, и на черный дым из труб. Затем зритель попадает внутрь склада, где работала героиня. Лиза рассказывает о «приобретениях» и о том, что имело подлинную ценность для рейха. В ее наррации заметна сознательно выстраиваемая стратегия — она избегает говорить о себе. Сцена выбора Лизой машинистки в канцелярию усиливает впечатление наблюдения с перспективы надзирательницы. Камера двигается по лицам выстроившихся в ряд женщин в ритме шагов Лизы.

Третья, последняя линия — наверное, самая полная версия Лизиных воспоминаний, самая субъективная, интроспективная. Дополняя предыдущие, она упорядочивает то, что казалось разрозненным и хаотичным. В ней Лиза уже не остается «снаружи», но сосуществует и создает лагерь «изнутри».

В «Пассажирке» показаны три способа конструирования воспоминаний человеческой памятью, деление на прошлое, настоящее и будущее и их взаимозависимость. Именно настоящее постоянно подвергается отсрочке, но только для одного человека — для Лизы. Героиня конструирует свое прошлое в трех различных версиях — сначала хаотично, спонтанно, под воздействием импульса, затем — взвешенно и обдуманно, и наконец свободно, когда воспоминания уже ничем не сдерживаются. Прошлое обладает большой силой — оно временно отменяет настоящее.

Прошлое Вальтера существует в разных версиях в разных текстах. Наиболее подробно оно прописано в романе. В нем Вальтер — это немец, который «не был свиньей» и хотел поражения для своей родины. То, что Вальтер наделен таким прошлым, усиливает наше отторжение и отвращение по отношению к Лизе. В фильме же герой остается лишь наблюдателем и пассивным слушателем воспоминаний своей жены, между ними не возникает конфликта, который намечается в других версиях. Беспокойство Вальтера в фильме выражено в его жестах и мимике — он обнимает жену, смотрит задумчиво, морщит лоб. Однако он не высказывается, о его реакции на рассказы Лизы можно судить именно по его мимике и жестам.

Роман «Пассажирка» вышел в свет в 1962 году. Изначально он существовал в форме киноновеллы, которую Зофья Посмыш предложила издательству «Чительник». Это было вскоре после смерти Мунка, Посмыш опасалась, что фильм может остаться незаконченным и «Пассажирка» будет обречена на неизвестность. Интересна судьба романа, который стал третьей версией истории. В нем появляются новые персонажи, доктор Штрайт и Брэдли — американский журналист, историк по образованию, что задает перспективу взгляда на трагедию Второй мировой войны. Более подробно проработан также характер Вальтера.

Вальтер видоизменяет деление Брэдли на палачей, жертв и «остальных». «Я борюсь за этих «остальных», потому что они важнее всего», — говорит Вальтер. И эти слова можно интерпретировать как надежду на спасение человечества в целом — в палачах и в жертвах, на способность человека к перемене и героизму. Несмотря на то, что роман был опубликован раньше, чем был закончен фильм, его можно считать своего рода итогом работы над радиопьесой и работы вместе с Мунком над сценарием. Только в романе описано прошлое Вальтера Кретчмера, мужа Лизы, и история их семьи.

Фрагменты с политической окраской — в том числе дискуссии Брэдли с Вальтером о чувстве ответственности немцев за преступление — свободны от однозначной оценки и осуждения. В романе Посмыш сосредотачивается на взаимоотношениях личности и системы, демонстрируя, с одной сто-

роны, то, как человеческая психика оказывается опутана губительной идеологией, с другой стороны указывает на возможность сохранить внутреннюю независимость, остаться чистым духовно несмотря на окружающие зло и жестокость. Автор ставит вопрос о границах независимости и индивидуальности во время войны. Две ее героини воплощают две крайние противоположные позиции — одна переступает через все во имя будущего могущества немецкого народа, вторая сохраняет независимость в трагических обстоятельствах и тяжелых условиях.

Последний вариант истории — опера, которая была создана в 1967—1968 годах. Музыку к ней написал Мечислав Вайнберг, либретто — Александр Медведев. Именно Медведев после премьеры фильма «Пассажирка» в Москве попросил у Посмыш разрешения написать либретто для оперы. К сожалению, премьере не суждено было состояться по цензурно-идеологическим причинам, произведение охарактеризовали как «абстрактный гуманизм» и запретили. Несмотря на это, были сделаны попытки поставить оперу в Праге и Таллинне. Медведев, в свою очередь, пытался устроить премьеру в Лодзи.

К сожалению, старания композитора и либреттиста не увенчались успехом. Только в 2006 г. в Театре им. Станиславского в Москве состоялось концертное исполнение оперы. Полной сценической постановки «Пассажирка» дождалась в 2010 году, премьера состоялась 21 июля во время фестиваля в Брегенце. Почетным гостем была Зофья Посмыш. За два года до этого, в 2008 г., режиссер Дэвид Паунтни встретился с писательницей во Фрибуре. После вступительной беседы он попросил ее о встрече в Польше, в Освенциме. Премьера оперы в Польше прошла 8 октября 2010 г. в Большом театре — Национальной опере в Варшаве.

Несмотря на то, что были созданы великие музыкальные произведения, связанные с проблематикой кризиса европейской цивилизации во время Второй мировой войны, такие как «Ricorda cosa ti hanno fatto in Auschwitz» (Помни, что тебе сделали в Освенциме), электронная композиция Луижди Ноно, написанная в 1965 году, или «Dies irae» Кшиштофа Пендерецкого (1967), оперы об Освенциме до «Пассажирки» не было.

Вайнберг — композитор трех культур: польской, еврейской и русской. Он потерял родителей и сестру в лагере в Травниках и не понаслышке знал, что такое геноцид. Он учился в Варшавской консерватории у Юзефа Турчинского, после войны жил в Москве, дружил с Дмитрием Шостаковичем. Именно Шостакович написал на партитуре описываемой нами оперы, что это шедевр.

Либретто оперы «Пассажирка», написанное А. Медведевым, состоит из двух актов (всего восемь действий) и эпилога. Действие происходит в двух временных плоскостях: пятнадцать лет спустя после окончания войны и в Освенциме (здесь речь идет о 1943—1944 годах). На первый акт приходятся три действия, на второй — пять. Следует сразу отметить, что в послевоенном времени разыгрываются только два действия, остальные шесть — в концлагере.

Лиза и Вальтер плывут на корабле в Бразилию, а сама поездка должна стать их вторым свадебным путешествием спустя 15 лет. Они производят впечатление влюбленной пары: заботливый муж, во всем поддакивающая ему жена. Однако встреча с предполагаемой Мартой раскрывает истинный характер их отношений. Вальтер сосредоточен исключительно на своей дипломатической карьере, а связь Лизы с Мартой парадоксальным образом оказывается более правдивой, более сильной, потому что затрагивает человеческую сущность. Появляющийся хор символизирует надежду на то, что суд произойдет, что действительность за пределами лагеря и военного времени, за пределами видимости и лжи — существует. В опере Вайнберга Марта перестает быть немым символом, она высказывает свои чувства в ретроспективной форме. Здесь используются также мотивы из свидетельств оставшихся в живых, например, их столкновение с собственным незнанием правды о преступлениях нацистов. Будучи жертвами, они не давали себе в этом отчета и не вполне верили в то, что рассказывали другие. Им, бывшим в самом центре истории, ее объективная версия была недоступна, примером чего может служить сцена в бараке.

Одной из ключевых и наиболее выразительных сцен в опере Вайнберга является сцена, когда женщины-заключенные начинают петь по-польски и по-французски парадигмы спряжения глагола «жить». Иветта начинает: «Ну, повторяй: je vis — я живу, tu vis — ты живешь, elle vit — она живет,

она живет, Броня повторяет: Vis... vis... живу, я, elle... vit — она живет, она живет, она живет, она живет». Женщины рассуждают о своем будущем, о мечтах, обо всем, что они хотели бы еще сделать, пережить, и это обрывается раздающимся из громкоговорителей голосом, который зачитывает номера заключенных. Одна из них слышит свой номер — это Иветта. Несмотря на попытки удержать девушку, капо подгоняет ее к выходу, где ее ждут эсэсовцы с карабинами. Последние слова Кати очень важны: «Пожалуйста, не забудьте нас! Не забудьте нас! Нет прощения — никогда!» Ее слова за сценой повторяет хор: «Никогда, никогда, никогда, никогда, никогда, никогда, никогда, никогда не простим!»

Необходимо подчеркнуть серьезный сдвиг: ни в одной из предыдущих версий не говорится о том, что прощения не будет. Зофья Посмыш в одном из интервью открещивалась от такой позиции — она не писала, что прощения нет, не вкладывала такого смысла в радиоспектакль, киноновеллу, роман. Не такова была идея «Пассажирки». Для писательницы память не означает непрощения, а прощение не равно забвению. Александр Медведев в либретто создал свою версию, далекую от интенции Зофьи Посмыш. О поразительной кульминации в этой сцене писал Михал Бристигер, обращая внимание на современную, но неразрывно связанную с традицией мелодику, способную в музыке выразить человечность персонажа и его полное моральное превосходство над преступниками, которые здесь вообще лишены мелодии.

Музыкальные цитаты создают еще один план наррации о травме. Примером такого приема может служить невинный вальс, который играет оркестр на корабле: он оказывается для Лизы сигналом, что Марта ее узнала, потому что это «лагерный» вальс. Когда вместо него Тадеуш — жених Марты — сыграл «Чакону d-moll» Баха во время лагерного концерта, эсэсовец разбил его скрипку, а его самого отправил на смерть.

Сильно действует на зрителя и сценография, подготовленная Йоханом Энгельсом — яркий контраст пространств корабля и концлагеря и символическое использование черного и белого. Белые костюмы Лизы, Вальтера и остальных пассажиров корабля, а также реквизитов (например, контрабас) носят иронический характер — белый как знак чистоты и невинности не может найти отражения в характере героев.

В опере по отношению к первоначальной истории Посмыш акценты оказались смещены. Сравнительно редко появляется Лиза, большая часть действия происходит в Освенциме. В романе и фильме главной линией были взаимоотношения Лизы и Марты, в опере этого нет, здесь значительную роль играют также и другие заключенные. Появляется сцена с поющими узницами, которой нет ни в радиопьесе, ни в романе, ни в фильме. Либретто «спрессовывает» многие события, одновременно внося новые сюжетные элементы.

Прежде всего, надежда, которую несет опера, — это надежда на то, что жертвы не будут забыты и тогда, когда их голоса умолкнут, и что эта память станет обвинением, страданием и вечным терзанием для живущих нацистов и их потомков. Надежда на то, что с этой памятью нельзя будет вести нормальную жизнь, а прощение не дается тем, кто его не просит.

Многие рецензенты указывали на недостатки оперы, например, одни считали, что опера — не место для изображения Освенцима, другие — что излишне акцентированы мелодраматическая и политическая линии. Тем не менее, я считаю, что мелодраматичность нельзя дискредитировать только потому, что она есть. Важно, с какой целью она использована, в каком плане освещает мелодраматичность человеческого существования, от которой — хотим мы того или нет — мы не в состоянии полностью отречься. Отказ использовать для художественного освещения трагического опыта травмы такие средства выразительности, как оперное искусство можно было бы считать своего рода цензурой.

Многоголосие надежды, которым в версиях «Пассажирки» становится вербализация того, что по сути своей невыразимо, — это история поиска концепции человека, не отрекающегося от человеческого в себе, несмотря на то, что из-за этого ему еще труднее простить самому себе совершенное злодеяние.

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» **Уже в шестнадцатый раз присуждаются ежегодные премии Польской киноакадемии. 10 марта во время торжественной церемонии в Театре Польском в Варшаве «Орлом 2014» была награждена драма «Ида». Фильм рассказывает о молодой послушнице, которая перед принятием монашеского обета узнает от своей родственницы Ванды о своем еврейском происхождении и о гибели родителей во время войны. Создатель этого фильма Павел Павликовский получил статуэтку как лучший режиссер. Актерские премии получили Агата Кулеша за роль Ванды (прокурора сталинских времен) в «Иде» и Давид Огродник за роль в фильме «Хочется жить» режиссера Мацея Пепшицы — ленты, рассказывающей историю Матеуша, страдающего болезнью мозга. «Орлы» лучшим актерам второго плана присуждены Акадиушу Якубику и Анне Нехребецкой. Якубик сыграл в «Хочется жить» отца Матеуша, а Нехребецкая в том же фильме — роль учительницы, которая пытается помочь парню. «Орла» за совокупность достижений творческой жизни получил Казимеж Барабаш, выдающийся документалист, один из создателей школы польского документального кино, автор, в частности, фильмов «Музыканты» и «Год Франека В.».**

» Триллер о полковнике Рышарде Куклинском «Джек Стронг» уже привлек в кинотеатры более миллиона зрителей. Фильм вышел на экраны 7 февраля, съемки проводились в Польше, США и России. Фигура Куклинского до сих пор вызывает в польском обществе споры: кто он — герой или предатель? Рышард Куклинский (псевдоним Джек Стронг) был офицером Генерального штаба Войска Польского. В начале 70-х начал сотрудничать с американской разведкой и передавал американцам стратегические материалы Варшавского договора. Суд в ПНР заочно приговорил его к смертной казни. В фильме Владислава Пасиковского полковника прекрасно сыграл Мартин Доброцинский.

» **7 марта на экраны кинотеатров вышел фильм «Камни на шанец» в постановке Роберта Глинского. Это экранизация легендарной, написанной во время оккупации книги Александра Каминского о трагической судьбе Зоськи, Алека и Рыжего — харцеров «Серых шеренг». Дидактичная повесть о дружбе, патриотизме и братстве вошла в число канонических книг для школьного чтения. Фильм вызвал бурю. Критики считают, что образы героев и исторические реалии оккупированной Польши показаны недобросовестно, обвиняют режиссера в непонимании духа времен оккупации. Картина Глинского не понравилась и нынешним харцерам, которые утверждают: «Фильм, в сущности, ставит под сомнение этос польского освободительного подпольного движения, этос польского интеллигента, сражающегося с агрессором и оккупантом, наконец, что для нас особо существенно, — харцерские идеалы, которыми вдохновлялись «Серые шеренги»».**

По мнению Павла Фелиса, рецензента «Газеты выборчей», это «не публицистическое чтиво, а прекрасно сделанное, иногда пронзительное кино, которое мимоходом ставит несколько неожиданных вопросов».

Тадеуш Соболевский в той же газете высказывает некоторую неудовлетворенность: «Роберт Глинский в этом фильме сделал многое, чтобы иначе расставить акценты: показал смерть, эскалацию насилия, чудовищность пыток, кошмар убийства, показал проблемы, стоящие перед сражающимися, человеческое лицо врага. Однако, как мне кажется, упустил то, что представляет самый большой интерес: кем же были эти люди на самом деле?».

» В Королевском замке в Варшаве 14 марта прошел вечер украинской поэзии, посвященный 200-летию Тараса Шевченко. Стихи тринадцати украинских поэтов читали Тереса Будзиш-Кшижановская и Ежи Радзивилович.

Посол Украины в Польше Маркиян Мальский подчеркнул, что 200-летие Шевченко омрачено на Украине «жертвами, гибелью людей на киевском Майдане и в других городах, агрессией соседнего государства». Он напомнил, что во время выступлений демонстранты декламировали стихи поэта, а на почетном месте — на сцене на Майдане — размещался его портрет. «Шевченковские идеи возродились», — сказал Мальский.

Председатель польского ПЕН-клуба Адам Поморский отметил: «В Польше мы сегодня освобождаемся от недоброй привычки видеть в соседях чужаков». Он подчеркнул, что невероятный интерес вызывают украинские писатели, такие как Юрий Андрухович, Тарас Прохасько, Оксана Забужко, Сергей Жадан. В ходе поэтического вечера были зачитаны стихи из подготовленной к печати антологии «In memoriam. От Леси Украинки до Богдана-Игоря Антонича», посвященной украинским поэтам периода модернизма. Судьбы большинства из них были трагическими. Встреча в Королевском замке, организованная польским и украинским ПЕН-клубами, прошла в рамках цикла «Польша — Украина — Наследие».

» В Драматическом театре в Варшаве 9 марта состоялась премьера спектакля «Три сестры» по пьесе Антона Чехова в переводе Наталии Галчинской (урожденной Аваловой, 1908—1976), жены известного поэта Константы Ильдефонса Галчинского (1905—1953). Почему Малгожата Богаевская, режиссер спектакля, предпочла перевод Галчинской, а не популярной сегодня переводчицы Агнешки Любомиры Пётровской? «Из-за прекрасно подобранной лексики и стиля, сохранившего элементы типичного для Чехова ритма», — говорит режиссер.

Богаевская (род. 1975) ставила пьесы Вырыпаева, Гришковца, Сигарева. На вопрос Лидии Рась, журналистки «Польши. The Times», почему для нее особенно близка русская литература, Богаевская ответила:

— Русские драматурги, независимо от эпохи, с исключительной легкостью докапываются, что у кого творится в душе. Они умеют восхищаться человеком. Я чувствую себя увереннее, если у меня есть доступ к персонажу через его психологию, а именно это свойственно русской драматургии, которая позволяет создать полнокровные образы людей, которые в одиночку сражаются с миром и обычно проигрывают. Как в «Трех сестрах».

» Чарльз Симик, американский поэт сербского происхождения, стал лауреатом присуждавшейся во второй раз международной литературной премии имени Збигнева Херберта (статуэтка и 50 тыс. долларов).

Лауреата избрало международное жюри из семи поэтов, переводчиков и издателей: Лидии Димковской (Македония/Словения), Эдварда Хирша (США), Михаэля Крюгера (Германия), Ярослава Миколаевского (Польша), Агнеты Плейель (Швеция), Жауме Валькорбы Планы (Испания) и Томаса Венцловы (Литва/США).

— Я очень рад, что, избрав Чарльза Симика, жюри премии как-то напомнило нам, что и сегодня в стихе могут быть воплощены те ценности, которые полвека назад Збигнев Херберт определил как «бескорыстие, способность к созерцанию, ощущение потерянного рая, смелость, доброта, сочувствие, некая смесь отчаяния и юмора», — сказал Анджей Франашек, секретарь жюри.

Чарльз Симик родился в Белграде в 1938 году. В шестнадцатилетнем возрасте эмигрировал с семьей в Соединенные Штаты. Вырос в Чикаго, окончил Нью-Йоркский университет. Имеет звание «заслуженный профессор в отставке» американской литературы и литературного творчества Университета Нью-Гэмпшира. Как поэт дебютировал в начале 70-х годов. Отмечен престижными наградами, в том числе Пулитцеровской премией за сборник «The World Doesn't End: Prose Poems». Симик — знаток и энтузиаст польской поэзии, о чем свидетельствуют его блистательные эссе, которые публиковали, в частности, «New York Review of Books» и «New Yorker». Выпустил несколько десятков книг, но по-польски вышел лишь один сборник стихов — «Мадонна с эспаньолкой» в 1992 году в переводе Станислава Бараньчака.

В прошлом году премию имени Збигнева Херберта получил американский поэт У. С. Мёрвин.

» На премию имени Рышарда Капустинского за литературный репортаж в нынешнем году было выдвинуто 82 книги. Среди них 48 книг польских авторов и 34 — зарубежных репортеров. 4 мая жюри в составе: Мацей Заремба

Белявский (председатель), Эльжбета Савицкая, Ивона Смолька, Ольга Станиславская и Петр Мицнер — в присутствии секретаря премии Божены Дудко огласило конкурсный список, состоявший из десяти книг, пять из них — польских авторов: «Трубач из Тембизы. Дорога к Манделе» Войцеха Ягельского, «Крыло ангела. История тайного центра для корейских сирот» Иоланты Крысоватой, «Начало. О Зофье и Оскаре Хансен» Филипа Спрингера, «Греция. Горькие апельсины» Дионисиоса и «Завтра приплывет королева» Мацея Василевского.

10 апреля нам назовут имена пяти финалистов, а 23 мая узнаем, кто стал лауреатом премии.

» Похоже, что литературной сенсацией весны станет «100/XX. Антология польского репортажа XX века» под редакцией известного репортера Мариуша Щигела, автора осыпанной премиями книги «Готтленд». Собрание произведений, составляющих репортерскую историю XX века, состоит из ста разделов в двух томах. Свыше 1700 страниц, больше трех килограммов живого веса!

«Удалось собрать сто самых интересных, самых лучших, первопроходческих, вызвавших самые бурные споры, самых важных польских репортажей XX века. Во многих есть всё то «самое-самое», что я назвал, но даже если это только одно «самое» — то очень сильное», — утверждает редактор в предисловии к книге. О каждом репортере и его произведении Щигел написал очерк, в котором рассказывает об обстоятельствах появления репортажа и его создателе. «Среди авторов репортеры самых разных политических взглядов. Их политические симпатии и политический выбор, принадлежность к какой-либо организации не оказывали влияния на оценку привлекательности текста. В «100/XX» есть антикоммунисты, такие как братья Мацкевичи, есть национал-демократ Теодор Томаш Еж, есть закоренелые коммунисты, такие как Ванда Василевская или Веслав Гурницкий», — пишет Щигел. В антологии представлены культовые для разных общественных групп репортажи — например, текст Барбары Петкевич «Фиолетовая горечь», который в связанных с гендерными исследованиями кругах и гей-сообществе считается первым в прессе ПНР репортажем о гомосексуализме. Есть здесь также первый репортаж на запретную в ПНР в течение десятилетий тему судеб польской аристократии после победы народной власти («Митра под шляпой» Малгожаты Шейнерт). Нашлось в антологии место и для текстов, описывающих важные события прошлого с перспективы сегодняшнего времени (репортажи о «деле мясников» или о послевоенных судьбах людей, связанных с Армией Крайовой), потому что раньше заняться этими темами или цензура не позволяла, или не было доступа к документам.

Антология вышла в издательстве «Чарне».

» С 15 марта в варшавской галерее «Захента» можно увидеть около 130 плакатов Генрика Томашевского (1914—2005). Выставка приурочена к 100-летию художника.

Томашевский был видной фигурой польской промграфики после Второй мировой войны, отцом-основателем и крупнейшим представителем так называемой польской школы плаката. Он создавал рисунки для журналов «Шпильки», «Пшеглёнд артыстычны», «Литература», выполнял сценографические проекты для театра «Сирена», обложки для журналов «Ты и Я», «Проект», «Польша», для книг. Но прежде всего — создавал знаменные плакаты.

«Крайне индивидуалистическое понимание дизайна, которое оставил после себя Генрик Томашевский, сопротивляется воздействию времени. Плакаты — а некоторые созданы 60 лет назад — остаются и по сей день сильной заявкой», — подчеркивает куратор выставки Агнешка Шевчик. С 1945 года по конец 50-х художник выработал концепцию плаката, основанную на пластической лаконичности и метафоре. Для его тогдашних работ характерны декоративность, свобода, шутка, поэтическая атмосфера. С 60-х годов художник начал ограничивать необузданный изобразительный стиль, стремясь к большей простоте.

Будучи профессором Варшавской академии изящных искусств, Томашевский воспитал многих выдающихся учеников. Название выставки «Был, чего и вам желаю. Генрик Томашевский» воспроизводит текст записки, которую профессор оставил на дверях мастерской, когда как-то пришел утром в академию и не застал студентов.

Выставка продлится до 10 июня.

» Национальный музей в Варшаве и Национальный музей в Кракове осуществляют совместный проект «Братья Герымские», включающий две выставки выдающихся польских художников — Александра Герымского и его старшего брата Максимилиана Герымского. В Варшаве демонстрируется почти все доступное наследие Александра Герымского (1850—1901) — около 120 картин и эскизов маслом, 66 рисунков, альбом с набросками, а также около 150 ксилографий. Показаны произведения, имеющие ключевое значение для творчества художника: «Итальянская сиеста», «В беседке», «Еврейка с апельсинами» (картина вновь обретена в 2011 году), «Праздник труб», «Вечер над Сеной», «Интерьер Базилики св. Марка в Венеции», — и многие не столь знаменитые работы.

Александр Герымский, один из крупнейших польских художников, творил во второй половине XIX века. Он не признавал примата исторической живописи, считается предтечей реализма в польском искусстве. Краковский показ творчества Максимилиана Герымского (1846—1874) приходится на 140-летие кончины художника, который умер от чахотки неполных двадцати восьми лет. Еще в XIX веке оба брата были провозглашены создателями нового польского искусства.

В Варшаве выставка проходит с 20 марта по 10 августа, в Кракове — с 25 апреля по 10 августа.

» Королевский замок в Варшаве обычно не экспонирует современного искусства. Исключение сделано для Эдварда Хартвига (1909—2003), одного из крупнейших польских фотохудожников XX века. На выставке «Туманы и цвета» можно увидеть 150 работ разных периодов творчества мастера.

Эдвард Хартвиг (старший брат знаменитой поэтессы Юлии Хартвиг) родился в 1909 году в Москве, где его отец держал престижное фотоателье. Во время революции 1917 года семья потеряла имущество и нашла приют в Люблине. Когда в 1944 году в город вошли советских войск, Хартвиг был арестован и отправлен в лагерь в Ёглу, в центральной России. Освободился в 1946 году. Вернувшись в Польшу, поселился в Варшаве. К его любимым темам относятся затуманенные пейзажи, портрет, нежная и таинственная обнаженная натура, театральная фотография.

Пейзаж стал для него поводом к поиску новых пластических форм, возможных только благодаря фотографии. Художник встает затемно и «фотографирует люблинскую деревню, луговой берег Быстрицы в густом утреннем тумане, исчерченные колеями дороги с деревьями по обочинам, песчаные тропки, исчезающие за пригорком, лесные прогалины, хлебные нивы под полуденным солнцем, края пашни, поросшие травой с вкраплением белых ромашек, плесы Вислы, сверкающие в отблесках заката под тревожно клубящимися тучами, тонкие прутики кустов, только-только пробуждающиеся к жизни в предвесенней мороси», — так писала о фотографиях брата Юлия Хартвиг.

По мнению критики, Эдвард Хартвиг поднял фотографию на уровень живописи или скульптуры. Выставка работает по 30 марта.

» Программа Фестиваля фантастики «Пиркон» в Познани (21—23 марта) — это 1700 часов лекций, презентаций, семинаров и конкурсов. Одним из самых увлекательных мероприятий для поклонников фантастики стал Большой конкурс костюмов «Маскарад», во время которого на сцене появлялись люди, переодетые в своих любимых героев фильмов, игр и книг.

Участники фестиваля могли также встретиться с Яцеком Розенеком, известным актером кино, голосом которого говорит Геральт в компьютерной игре «Ведьмак», а также с ведущими авторами польской фантастической литературы: Мареком Орамусем, Ярославом Гжендовичем, Анджеем Пилипюком, Лукашем Орбисовским и Анной Каньтох.

Прощания

» 23 февраля в Варшаве в возрасте 81 года умер Тадеуш Хыла — эстрадный артист, прославившийся сатирическими, полными юмора балладами. Он учился живописи — окончил живописный факультет Государственной высшей школы пластических искусств в Сопоте. Дебютировал в 1954 году в гданьском студенческом театре «Бим-Бом». Был одним из создателей кабаре «Это Ты» — писал музыку на тексты Ежи Афанасьева, Константы Ильдефонса Галчинского, Людвика Ежи Керна. В 1968 году вместе

с коллегами основал музыкальное кабаре. С 1973 года выступал сольно, аккомпанируя себе на гитаре. Тексты большинства его песен принадлежат перу Анджея Валигурского. К самым популярным произведениям Тадеуша Хылы относятся «Баллада о царьке», «Баллада о Зенеке Дрептаке», «Баллада о мумиях», «Святые маршируют».

» 25 февраля 2014 года в Кракове умер Лешек Дутка — выдающийся живописец, скульптор, керамист. Его работы называли комментарием к действительности: начиная с 1955 года, с написанных тогда «Транспорта рабочих» или «Усталого», через «Убийц» во время военного положения — до полной трагизма пространственно-живописной инсталляции «Манхэттен, 11 сентября 2001». Многочисленные произведения Лешека Дутки демонстрировались на нескольких сотнях выставок в Польше и за границей. Художнику было 93 года.

» 8 марта в Варшаве умерла Иоанна Щербиц — звезда польского кино 60-х годов. Она была женой кинорежиссера Ежи Сколимовского. Играла в театре «Повшехны» в Лодзи и в «Театре Польском» в Познани. В 1964 году снялась в первой своей главной роли в кино — в фильме Сильвестра Хенцинского «Агнешка 46». Играла также в «Горячей линии» и «Завтра Мексика» вместе со Збигневом Цибульским, а также в картинах своего мужа — «Барьер» и «Руки вверх». В 1969 году, когда фильм «Руки вверх» был отправлен тогдашними властями ПНР на полку, выехала со Сколимовским на Запад. К актерской профессии больше не возвращалась. Ей было 72 года.

Ян Зелинский

НЕВЕРЛИ — РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Работая над биографией Игоря Неверли — писателя в свое время чрезвычайно, в том числе и в России, популярного — я не раз задумывался, как объяснить его причудливую политическую эволюцию, которую можно обозначить тремя главными поворотами: 1) молодым человеком он стал свидетелем революции и гражданской войны в России, после чего, разочарованный, бежал из Советской России в Польшу, нелегально пересекая границу; 2) как писатель он дебютировал лишь после войны и очень быстро был признан одним из крупнейших представителей литературы социалистического реализма (роман «Сувенир с фабрики "Целлюлоза"»; 3) в шестидесятые годы ушел из публичной жизни, поддерживал политическую оппозицию, а последнюю свою книгу («В минуты роковые») опубликовал в самиздате и в эмигрантской печати. Неверли — автор невероятно вдумчивый, старательно строящий свои книги — в романе «В минуты роковые» поместил указания, отсылающие к его прежним текстам, еще двадцатых годов. Настоящая статья, будучи сокращением двух разделов принадлежащей моему перу биографии («Шкатулки Неверли», Варшава, издательство W.A.B., 2012) повествует о детективно-филологических разысканиях, которые позволили перенести дату дебюта Неверли-писателя на сорок лет назад, выявить его облик борющегося со Сталиным антикоммунистического публициста и, наконец, доказать, что Игорь Неверли был также оригинальным русским писателем. А все началось с трости эмира бухарского…

Трость эмира

Это будет рассказ о Котовском, генерале-анархисте, и о его стенографисте. А также о контрабанде и ловких мистификациях.

В 1923 году молодой стенограф получил в Киеве задание записать рассказы кавалеристов Котовского, на основе которых будет создана история корпуса. Неверли говорит, что согласился на эту работу, потому что хотел узнать столь колоритную фигуру, каковой был Григорий Котовский. Через некоторое время удалось собрать уже немало рассказов, которые Неверли после перепечатки на машинке и отдал Котовскому.

Полководец «был инициатором сбора этих материалов, которые намеревался впоследствии опубликовать». Сам же всячески «исключал себя из числа повествователей мемориальной книги и рассказывать не хотел».

Что было дальше? «Поздней осенью, уже, наверное, в ноябре, закончив диктовать машинистке, я вручил Котовскому весь материал в сыром виде. Отбор материалов, составление книги и редактуру должен был выполнить кто-то другой». Однако до издания книги, во всяком случае до побега стенографа в Польшу (осень 1924), дело не дошло. Неверли удалось каким-то образом контрабандно переправить собранные материалы и, как он утверждал, «вскоре», в 1925 году, переписать. Писатель включил четыре фрагмента повести о Котовском в роман «В минуты роковые». Вначале он цитирует три заметки, у каждой из которых было собственное название: «Комэск Иогансен дер Дритте (Иванов

Третий), сцена на площади», «Встреча у могилы» и «Портсигар».

Первая — это развернутая речевая характеристика одного из командиров бригады Котовского, который верит в скорую войну с «белогерманцем», поэтому учит немецкий язык по «самоучителю Эллендорфа». И вот он распекает своего подчиненного на этом языке — «предложения правильные, только выговариваются так, словно читаются по тексту, написанному русскими буквами». Вторая заметка исполнена античным или библейским пафосом: командир расстрельной команды войск Котовского узнает среди обреченных на казнь украинцев своего брата; он становится рядом, обнимает его и командует «Пли!» Вмешивается Котовский и спасает обоим братьям жизнь. И, наконец, столь характерный для Неверли рассказ о предмете, который играет особую роль в жизни людей. Во время гражданской войны товарищ С. сохранил подполковнику «белых» жизнь, а взамен отобрал серебряный гравированный портсигар. После окончания гражданской войны С. по каким-то делам поехал в Харьков, а там начальником отряда оказывается тот самый спасенный подполковник, который сразу же спросил о портсигаре. Вернул его себе, а взамен товарищ С. сохранил «репутацию идейного коммуниста», который, понятно, не запятнает себя грабежом. Позже оба оказались в одном отряде и подружились.

Кроме этих заметок, в «В минуты роковые» есть еще один более обширный фрагмент, который автор передоверил одному из «котовцев»: «когда Костик рассказывал, он был солистом, другие своим молчаливым присутствием подтверждали правдивость его слов, лишь изредка вставляли какое-то воспоминание или дополнение, и это можно опустить для чистоты повествования, которое осталось в моих записках 1925 года». И дальше разворачивается собственно рассказ.

Котовский появляется также в рассказе «Жейма», в котором Неверли описывает, как в тридцатые годы он поплыл на байдарке к самой польско-литовской границе, чтобы посмотреть частный музей редкостей и пообщаться с его создателем, неким Жеймой. Этот человек соглашается рассказать о своей жизни в обмен на другой интересный рассказ. Долго торгуется по поводу темы, и, наконец, соглашается, что Неверли расскажет о том, кого знал лично: «об одном таком смертнике, который на торгах обменял свои кандалы на мешок золота и стал генералом кавалерии». После этого следует подробное жизнеописание Жеймы, а на следующий день долг был уплачен «рассказом о Котовском, командире кавалерийского корпуса со штабом в Виннице». И всё, больше о Котовском ни слова.

А жаль, потому что история об аукционе красивая. Расскажу ее за Неверли, а название пусть будет:

Кандалы на аукционе

Когда в Одессе разразилась революция, Котовский был освобожден из тюрьмы, но не обычным образом. Вышел в кандалах и сразу, в первый же вечер, поехал в оперный театр, где давали «Кармен».

На сцене шел дуэт Дона Хозе и Кармен, когда по публике, только что увлеченной спектаклем, пробежал легкий шум. Артисты сразу почувствовали, что контакт со зрителями потерян: в зале начали шептаться, а потом и говорить вслух, и вот уже явно стали различаться слова: «Котовский… Котовский… Котовский…»

Отворив настежь дверь, мимо ошеломленных капельдинеров в зал входит он сам, герой тысячи и одной ночи, много раз раненный, убийца многих людей, — Григорий Котовский в звенящих кандалах на запястьях — и усаживается в первом ряду.

Некая дама по соседству, которую он когда-то ограбил, падает в обморок. Котовский привел ее в чувство со свойственной ему галантностью. Прекрасно понимал, что это и в самом деле могло быть «сильным переживанием». В антракте он с кандалами на руках направился в фойе.

Там, окруженный толпой, взобрался на что-то, что могло послужить ему трибуной, и произнес речь о свободе, о России, о себе — Григории Котовском. Слушатели были потрясены. Когда в заключение Котовский, перекрывая мощным басом шум зала, провозгласил, что продает свои кандалы в пользу нарождающейся русской свободы, слова его были встречены взрывом энтузиазма. Кандалы — единственное движимое имущество Котовского — в течение десяти минут за десять тысяч рублей

* Р.Б. Гуль. Котовский. Анархист-маршал. NJ, 1975.

приобрел какой-то буржуй, влюбленный в революцию. Котовский позже сам написал: «Медовый месяц февральской революции. Даже буржуазия покупает мои кандалы».

Использовал ли Неверли именно такие слова — этого я в данный момент не знаю. Но знаю, что он рассказывал именно эту историю. Сам я ее почерпнул из главы, именно так и названной — «Кандалы с аукциона», в книжке «Котовский. Анархист-маршал» русского эмигрантского писателя Романа Гуля*. Читая ее, я несколько раз испытывал совершенно определенное чувство, что читаю русский перевод текста Неверли. Таинственное это дело, но попробуем разобраться.

Гуль красочно представляет биографию Григория Котовского, родившегося в семье инженера из мещан в 1887 году в местечке Ганчешты (потом, до 1990 года, Котовское или Котовск) в Бессарабии, в возрасте двух лет потерявшего мать, а в шестнадцать — отца. «Спорт сделал из Котовского силача, а чтенье авантюрных романов и захватывающих драм пустило жизнь по фантастическому пути».

Молодой сирота начал работу в имении бессарабского князя Кантакузино. Однако по неосторожности полюбил (и любовь оказалась взаимной) дочь хозяина. Импульсивный князь замахнулся на юношу арапником, а тот, недолго думая, его ударил. В наказание был связан, избит дворней и вывезен в степь. Вот таким образом, очень напоминающим описанные Яном Христосомом Паском приключения молодого Ивана Мазепы, началась его карьера разбойника.

«Действительно, необычайная отвага, смелость и разбойная удаль создали легенды вокруг Котовского. Так в 1904 году в Бессарабии он воскресил шиллеровского Карла Моора и пушкинского Дубровского. Это был не простой разбой и грабеж, а именно «Карл Моор». Недаром же зачитывался фантазиями романов и драм впечатлительный заика-мальчик».

Бесконечные побеги Котовского из тюрем сравнивали с эпизодами из романов Конан Дойля. Да и под конец жизни Котовский, засыпая над «Историей РКП(б)», обращался к «Тарзану» и со смехом говорил: «"Тарзан", знаете, после "Истории РКП(б)" —— это как шампанское после касторки».

Котовский был также «шармёром», способным очаровывать окружающих. Вот под Кишиневом сгорела деревня. Через несколько дней в доме отсутствующего в этот момент ростовщика появляется элегантный молодой человек с безупречными манерами и развлекает его дочку остроумным разговором. Когда ростовщик вернулся, прибывший представляется как Котовский и требует тысячу рублей на погорельцев. Перед отъездом успевает еще написать в лежащем на столе в гостиной альбоме: «И дочь, и отец произвели очень милое впечатление. Котовский».

«Котовский страстно любил жизнь — женщин, музыку, спорт, рысаков. Хоть и жил часто в лесу, в холоде, под дождем. Но когда инкогнито появлялся в городах, всегда — в роли богатого, элегантно одетого барина и жил там тогда широко, барской жизнью, которую любил».

Во время одного из таких приездов в Кишинев Котовский, в образе помещика из Херсона, остановился в лучшей гостинице, свел знакомство с местной элитой и получил приглашение на прием к магнату Д. Семиградову. Разговор зашел о Котовском. Семиградов похвастался, что у него «для этого подлеца» всегда наготове заряженный браунинг.

«И в ту же ночь, когда разъехались гости, на квартиру Семиградова налетели котовцы, проникли в квартиру бесшумно, грабеж был большой, унесли дорогой персидский ковер, взяли даже серебряную палку с золотым набалдашником – "подарок эмира бухарского хозяину". А на заряженном браунинге, в комнате спавшего хозяина, Котовский оставил записку: "Не хвались идучи на рать, а хвались идучи с рати"».

При упоминании о трости эмира бухарского в голове читателя Неверли зажегся красный огонек. Ведь такая же самая тросточка фигурировала в упоминавшемся рассказе «Жейма». И была у заглавного героя одним из самых ценных предметов в его частной коллекции редкостей:

«Я увидел в углу удивительной красоты трость.

— Можно посмотреть?

— Извольте. Подарок эмира из Самарканда.

Я рассмотрел инкрустацию из серебра и какой-то цветной массы на точеном стержне, резную головку из слоновой кости.»

Эта удивительная трость стала вступлением к рассказу Жеймы о том, как после февральской революции они с другом, ассистентом фотографа, отправились в мир с волшебным фонарем, прототипом кинематографии («когда крутишь ручку, то сноп света направляет на полотно движущиеся картинки — собака машет хвостом, люди ходят, кони скачут, даже птички летают под облаками, и тому подобные чудеса очень выразительно видны на полотне»), а в Самарканде сам эмир Бухары возжелал показать это зрелище своему гарему: «Это нечто, сударь, у него этих жен было не пересчитать. Вот, от него и тросточка…»

Конечно, таких тросточек могло быть и несколько; возможно, какой-то из бухарских эмиров любил их преподносить. Более, однако, вероятно, что между текстами Гуля и Неверли существует зависимость. Только кто от кого зависит?

В биографиях Романа Гуля (1896–1968) и автора романа «В минуты роковые» появляются одни и те же места. Гуль родился в Киеве, но детство провел в Пензе, где окончил мужскую гимназию, как, несколькими годами позже, и Неверли. Гуль поступил в университет в Москве, но был призван в армию. Попал в немецкий плен и в 1919 году оказался в Германии (его мать выбралась из России, как и Неверли, нелегально пересекая границу: пешком добралась из Киева до Варшавы). Пройдя несколько лагерей для интернированных, Гуль осел в Берлине как эмигрант. Начал писать. Большим успехом пользовалась его книга о Борисе Савинкове, переведенная на несколько языков. Из-за подзаголовка немецкого издания книги («Roman eines Terroristen») в 1933 году Гуль оказался (за несколько лет до Неверли) узником немецкого концентрационного лагеря. Пребывание в лагере он описал в книге «Ораниенбург». Ему удалось освободиться в том же году и выехать во Францию. После войны эмигрировал в Америку.

Если взглянуть теоретически, Гуль мог иметь доступ к стенограммам Неверли о Котовском и его коннице; не исключено, что история корпуса была издана в Киеве. Но может возникнуть и другое предположение: что Неверли читал его повесть о Котовском и оттуда почерпнул мотив трости эмира бухарского и другие подробности. Нью-Йоркское издание брошюры, которым я пользовался, представляло собой фототипическое воспроизведение части книги Гуля (сохранившее даже пагинацию оригинала), опубликованной в Берлине в 1932 году под названием «Красные маршалы». Польский перевод увидел свет двумя годами позже в издательском объединении «Rój» («Рой») под названием «Красные командиры. Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский».

Архив Романа Гуля сегодня хранится в Библиотеке Бейнеке в Йеле. В нем можно обнаружить письма польских писателей: Юзефа и Марии Чапских, Юзефа Мацкевича, Михала Павликовского, Кароля Вендзягольского, а также фотографии Юзефа Виттлина.*

Сын Котовского, тоже Григорий, после войны известный индолог, в 2001 году дал обширное интервью, в котором говорил об отце, а также о предметах: о серебряной посуде с монограммой В, похищенной в Белой Церкви в имении Браницких, которую потом его родители видели в доме другого военачальника времен гражданской войны, Ионы Якира. И о возможных причинах смерти своего отца: «В 1936 году матери дали понять, что убийство Котовского было политическим. И сообщил ей об этом маршал Тухачевский. Во время приема в честь участников съезда жен командного состава Красной Армии он подошел к ней и, пристально глядя в глаза, сказал, что в Варшаве вышла книга: ее автор утверждал, что Котовского убила Советская власть. Кстати, в 1969 году я нашел эту книгу в библиотеке Варшавского университета, где в самом деле утверждалось, что Котовского убила Советская власть, поскольку он был человеком прямым и независимым и, обладая огромной популярностью в народе, мог повести за собой не только воинские подразделения, но и массы населения Правобережной Украины»**.

Возвратимся к рассказу Неверли «Жейма». Фамилия Котовский появляется в нем только один раз. Неверли, однако, любил строить свои литературные тексты по принципу шкатулки в шкатулке, объединяя родственные мотивы, которые опосредованно указывают скрытую, существенную тему.

* Опись архива Р. Гуля см.: http://webtext.library.yale.edu/xml2html/beinecke.ROMANGUL.con.html (В составе наследия, полученного от Халины Лобай).

** А. Беляев, Д. Денисенко. Кто убил Робин Гуда революции? // «Независимая газета», 2001, 20 января.

Таким же путем он, похоже, пошел и здесь. Вроде бы действие разворачивается на польско-литовском пограничье, но раз за разом появляются украинские реалии. К рассказчику привязался какой-то прилипчивый тип, заинтересованный в том, чтобы купить байдарку: «Он разглядывал складную лодку со всех сторон: такой «крипочки», мол, никогда ему не приходилось видеть, расспрашивал, с какой скоростью плывет, сколько может взять груза». А ведь Крипочка — это типичная фамилия для украинцев, а особенно для лемков. Неверли ни с того ни с сего называет гостя «мазепяк» — это снова аллюзия, направляющая в сторону Котовского, который, как известно, был родом из тех самых мест Молдавии, где, после проигранной битвы под Полтавой, в городке Бендеры умер в 1709 году гетман Мазепа. В ходе разговора выясняется, что «мазепяк» — контрабандист (отсюда его заинтересованность купить емкую и тихо плывущую байдарку), который перед этим действовал на «русской границе» в Остроге — там, где Неверли нелегально перешел в Польшу.

Раз уж столько скрытых мотивов ведет нас к Котовскому и к местам его деятельности, обратимся еще раз к книге Романа Гуля о нем. В самом ее конце автор указывает на свой источник — в примечании на странице 196 значится: «О жизни 2-го корпуса и его командире см. напечатанную в газете "За свободу" интереснейшую стенограмму Игоря Абугова "Котовщина"».

Вот куда нас привела трость эмира из Бухары. К оригиналу стенограммы о корпусе Котовского, выполненной Неверли в месте дислокации соединения, потом как-то контрабандой вывезенной в Польшу и опубликованной под прозрачным псевдонимом в издаваемой в Варшаве русской газете «За свободу». Это открывает новый облик Игоря Неверли — русского писателя.

Из всех мест в мире самым, пожалуй, полным комплектом газеты «За свободу» располагает Публичная библиотека столичного города Варшавы, расположенная на Кошиковой улице. Туда-то мы и направимся, чтобы ознакомиться с тем, о чем говорится в примечании к брошюре Романа Гуля.

Русский белоэмигрант

Прежде всего укажем, что цикл под названием «Котовщина. Заметки в стенограммах» печатался в нескольких выпусках «За свободу», начиная с № 250 за 1927 год. Первый отрывок редакция снабдила следующим примечанием:

«Помещая в сегодняшнем номере первую главу очерков быта и истории одной из кавалерийских частей красной армии, считаем необходимым пояснить:

Осенью 1923 года автор был командирован киевским стенографическим бюро в распоряжение штаба 2-го конного корпуса, желавшего по зафиксированным рассказам ветеранов воспроизвести боевую историю корпуса Котовского. На основе стенографических записей как общих «вечеров воспоминаний», так и бесед с отдельными командирами частей этого корпуса, расположенного в Умани, Гайсине, Крыжополе и других местечках Украины, автором и были написаны в полубеллетристической форме печатаемые "Заметки в стенограммах"».

Чтение «Котовщины», при сравнении с соответствующими фрагментами романа «В минуты роковые», не оставляет ни малейшего сомнения в авторстве. Первая глава, названная «Сам», начинается с описания первой встречи Неверли с Котовским, который представлен как энтузиаст гимнастики. В ходе общего разговора военачальник неожиданно обращается к автору:

«— А как там ваша история корпуса, тов. стенограф? К корпусному празднику соберете?

— Думаю. Ведь осталась мне только третья бессарабская дивизия. Однако по совету тов. Красного должен буду изменить метод собирания материала.

— Именно?

— Устроить в полках общие вечера воспоминаний. Интервьюирование наедине одних ветеранов стесняет официозностью, другим дает возможность Кузьму Крючкова…»

Здесь стенограмма имеет форму чистого диалога. В автобиографическом романе тот же эпизод предстает так: «…а когда он взглянул, когда спросил, как там с вашей работой, товарищ стенограф, — мне пришлось сделать определенное усилие, чтобы освободиться от робости перед его взглядом и легендой. Я рассказал, как у меня идут дела в воинских частях, потому что до этого, пока мы разговаривали один на один, было меньше интересных рассказов и вообще слегка привирали…»

Далее в романе следует диалог:

«— Как Кузьму Крючкова рубали, — сразу догадался Котовский.

— Много раз и по-разному…

— Да-да… в девятнадцатом году это было, братишка, под Царицыном, — неожиданно Котовский заговорил голосом и на манер одного из моих собеседников из Гайсина.»

В версии из варшавской газеты фамилию славного донского казака назвал сам стенограф, а военачальник ухватился за это слово:

«— Двадцать раз по-разному убивать? Знаю… «Где дело-то было?» — «Под Царицыном, братишка. В девятнадцатом году», — с изумительной верностью копировал Котовский моих вчерашних рассказчиков».

Как видим, это два текста одного автора. Все указывает на то, что при работе над романом «В минуты роковые» Неверли имел доступ к своей публикации на страницах «За свободу» — либо в той же Публичной библиотеке на Кошиковой, либо у него сохранились вырезки с тех времен.

Более детальное сопоставление обоих текстов показывает, что имеющиеся различия часто объясняются тем, что публикации адресовались разным читателям. Иным было и самоощущение автора. В 1923 году, расшифровывая стенограммы, Неверли, конечно, чувствовал себя русским, родившимся в Польше. В 1927 году, готовя текст к печати в выходящей в Варшаве русской газете, ощущал себя, скорее всего, русским белоэмигрантом, который живет в Польше и постепенно принимает польский образ мышления (ему уже приходилось, как известно, печататься по-польски в профессиональном стенографическом журнале, по-польски он также стенографировал на профессиональном уровне). На рубеже шестидесятых-семидесятых годов, когда Неверли писал «В минуты роковые», он был уже, несомненно, признанным польским писателем с большим опытом и большими тиражами. Это несколько меняет взгляд. Возможно, поэтому фрагмент, касающийся польских купцов, которые приехали на встречу с Котовским, имеющийся в «Котовщине», не вошел в роман: «Высокие и низкие, красивые и некрасивые, но элегантные, странно корректные люди непонятной страны, где есть какой-то Сейм и нет газеты «Правда», где лучше здешнего сукно и хуже папиросы». Это взгляд доброжелательный, но взгляд русского, взгляд извне. Спустя годы Неверли счел эту дистанцию неприемлемой.

Вторая глава «Котовщины» носит название «Ликвидация тамбовского восстания», и главный ее стержень — который нашел место и в автобиографическом романе — это история провокации, когда люди Котовского, выдав себя за эскадрон атамана Фролова, обманули полковника Матюхина и ликвидировали его отряд. В газете после этой истории следует запись очень колоритного разговора о расширении революции на Европу:

«— Европу бы… в Европу бы нам на часок, — затосковал седеющий котовец, — с по́свистом да с дымом! Чтобы ночки были красные, зорьки черные, чтобы кровь под копытами, ветер в ушах! Да лавой, да с криком по парижским площадям, за рре-во-лю-цию, мусью, за пролетарскую вошь погибаю! Эх… Поучили бы!

— Видно, Европа своими силами обойдется.

— Без нас? Никак это невозможно, — категорически опровергает Костик. — У нас, можно сказать, на все революции патент взят. Хочешь лавочку открыть — приди, попроси да поучись, а нет — недействительная будет. Без нас, как без ЧК.

— Были же революции и без ЧК.

— Ну, какая же это революция, ежели ЧК нет! Безалкогольный спирт. Так себе, разговорчики одни…»

В романе весь этот диалог изложен в паре предложений, но стоит его прочесть вместе с текстом в газете «За свободу» — и мы сразу убедимся, что слова о Европе, которая обойдется без России, и о революции без чекистов произносит сам стенограф бригады Котовского. Почему он не захотел повторить свои суждения в автобиографическом романе? Наверное, потому, что, хотя и опубликовал его, в конце концов, в «Институте Литерацком» и в самиздатском журнале «NOWA», до этого несколько раз предлагал книгу издательству «Чительник». Хорошо, что сегодня, спустя годы, можно вернуть Неверли авторство этих слов.

Третья глава «Котовщины» носит название «О большом по мелочам». Она открывается сном стенографиста об огромной птице, которая силится сбросить выросшие у нее на шее головы двух уже умерших Владимиров — Пуришкевича и Ленина (первый был убийцей демонического попа Григория Распутина, фаворита царской семьи). А потом приводится уже известный нам анекдот о комэске Иогансене «Der Dritte», читающем фразы из самоучителя Эллендорфа. (…) Вся прелесть этого фрагмента состоит в написанной кириллицей версии, когда читает кто-то, кто знает и русский, и немецкий: «[Он] торопливо перелистал зеленую книжищу и, найдя в ней что-то, образовался: «Помни, что только на войне: даз гебот дер вархавтигкейт (уже восторженным речитативом выводил он нараспев) ви зо филле андре зиттенгеботе ферлирт зайне гюльтигкайт им криге!» (В примечании Абугов-Неверли передает по-русски смысл предложения: «Заповедь правдивости, как много других нравственных законов, теряет свою силу на войне»).

Стенографическое повествование о бригаде Котовского завершается двумя акцентами — личным и общим. В личном — автор в разговоре с политическим комиссаром почти что раскрывается как меньшевик. А это серьезное обвинение, ибо, как говорит комиссар: «Меньшевизм — это, я вам скажу, социальная болезнь хуже сифилиса. На десятом поколении отзывается».

А общий итог звучит так: «Становилось ясным: в перечень советских республик забыли вписать Котовию — странную автономную республику восьми кавалерийских полков, веером раскинутых над польской границей. Но разве Котовия одна? И разве она — коммунистическая?»

«Котовщина» не была единственной публикацией Неверли на страницах газеты «За свободу». Первая статья, подписанная «Игорь Абугов», которую я обнаружил, — это текст под названием «Ажур», опубликованный в № 176 за тот же 1927 год. Речь там идет не о прозрачной ткани или о перфорированной декорации, но о прозрачности в экономических и финансовых вопросах.

Очередная политическая статья — «К термидорианскому разъезду» (№ 205) — начинается прекрасным сравнением большевицкой партии с поездом, мчащимся в глухую полночь по расшатанным рельсам: «На поезде — три буквы: ВКП. На паровозе — четвертый год труп машиниста» (Ленин, напомним, умер в январе 1924 года).

В других текстах («Рубаха Нищеты», № 243, «Манифест № 1», № 253) Абугов обращается к экономическому положению деревни в Советской России. Пишет также статью «Завтра» (№ 278) к XV съезду ВКП(б).

Особое место среди текстов Абугова в газете «За свободу» занимает напечатанный в первом номере 1928 года автобиографический очерк «В новогоднюю ночь». Сначала это воспоминание о первом поцелуе с Ниной, подругой из меньшевистской, подпольной организации. О том, как они ходят вместе по ночному Киеву, как он уговаривает ее прийти к нему на ночь, искушает ее салом, которое он выменял на новую шинель, а сало «ароматное, как сахар белое», а еще испекут картошку и буду есть ломтиками, запивая чаем… Но одновременно появляется мотив подполья. Нина упрекает Игоря (Горю) в трусости: когда вдруг вбежал Миша и закричал, что чекисты окружают дом, все приготовились с гордостью встретить арест, а Игорь рвал какие-то свои бумажки. Он объясняет: нельзя было допустить, чтобы у него обнаружили список жертвователей Красного Креста. Она: «Шифрованный». Он: «О диаболо пистолетто! Да пойми, что нет шифра, которого нельзя было бы расшифровать. А тогда сколько сидело бы только за то, что пожертвовали заключенном рубаху или рублевку?»

Нина предстает подавленной, ей кажется, что любую минуту ее арестуют. Игорь беспокоится, что, если их заберут, пропадет последний комплект шрифта, который он прячет под одеждой. Он беспокоится также о матери, знает, что она этой ночью не спит, ждет его. «Эгоизм это мой, но порою, глядя на нее, молчаливую и ждущую, порою, Нина, хочется, чтобы взяли меня поскорее».

Оказавшееся по дороге здание ГПУ вызывает пессимистические мысли: «Нам, второму поколению подпольной молодежи, не уйти от них, как не ушло и первое. Мы подходим к предельному возрасту подпольного поколения — два года».

В заключение автор объясняет, почему в новогоднем настроении припомнилась ему та новогодняя ночь: он только что получил с Урала известие, что Нина умерла в ссылке.

Из опубликованной двумя номерами позже статьи «Наизнанку» приведу только один абзац, он заменит пространное цитирование:

«"Сталин груб", — предостерегал партию в завещании Ленин, забыв свое же изречение, что "у нас хозяйство большое, любая дрянь пригодится". Сталинская грубость и дерзость тоже пригодились. Размахнулся грубой дерзостью Сталин и всех "прочих" по ту и по сю сторону границы манифестом пришлепнул: "Да будет семичасовой рабочий день!"»

Статья «О "декабристах" ВКП» (1928, № 18) касается фракционной борьбы между Сталиным и, с другой стороны, Троцким и Зиновьевым. «В подсоветском селе» (№ 28) мы найдем подкрепленный статистикой анализ положения в деревне в Советском Союзе. «Внутренние противоречия в ВКП» (№ 47) — это разбор двух изданных в Париже русских книг, касающихся первого десятилетия революционной России.

В отношении статьи под необычным заголовком «…?» (№ 58) следует привести фрагмент, объясняющий это название, тем более что здесь есть автобиографический мотив:

«Мне вспоминается, как, уже на польской стороне, завершив предварительный допрос, комендант поста шутливо спросил: "Вот вы из большевии. Объясните: что означают три точки с вопросительным на советском столбе напротив?"

В России точно не знают, что где-то на границе пролетарской державы вылиняли от времени, стерлись С, осталась точки да половинка Р, похожая на знак вопроса, и что вместо С.С.С.Р. получилось "...?"

Там это только чувствуют.

И когда рабочий слышит все три свистящих С, — в уме встает нависший знак вопроса над безысходным многоточием».

И, наконец, статья «Строитель (В защиту искусства для искусства)» (№ 69), которая интересна хотя бы из-за страсти Игоря Неверли к столярному делу. Послушаем: «Строители — это люди свободной профессии и как таковые делятся на ремесленников и артистов. Для ремесленника важен результат его работы, для артиста — сам процесс ее».

Начиная с номера 92 за 1928 год на страницах «За свободу» начали появляться городские фельетоны из цикла «Мелочи варшавской жизни». Они обратили мое внимание заголовком, напоминающим раздел «Котовщины» «О большом по мелочам», и псевдонимом Never Mor, похожим на фамилию Неверли.

И еще одно. В 1927—1928 годах выходило литературное приложение к газете «За свободу» — «Вольная трибуна молодых». Десятью годами позже Игорь Неверли начнет издавать в Варшаве еженедельник «WoTuM — Wolna Trybuna Młodych»…

Трость эмира бухарского оказалась волшебной палочкой. Она привела нас не только к стенограммам о бригаде Котовского, но и открыла совершенно неизвестную фигуру Неверли как русского белоэмигранта и решительного антикоммуниста.

Вместе с тем тексты Игоря Абугова в газете «За свободу» представляют в новом свете ситуацию, в какой оказался после войны Неверли: человек, вернувшийся в Польшу и живший здесь в худшие сталинские годы, зная, что в центре Варшавы, на Кошиковой улице, в публичной, доступной любому желающему библиотеке лежат слегка пожухлые экземпляры русской газеты с его текстами о трупе Ленина на мчащемся во мраке паровозе большевицкой партии, о грубияне Сталине, о чекистах, присутствующих во всех революциях, и почти всевластном ГПУ. Да, они не были подписаны полным именем, но очень близким к нему псевдонимом, так что риск выявления автора текстов был довольно велик. Я думаю, это в значительной мере объясняет, почему человек, прошедший несколько тюрем в Советском Союзе и с трудом избежавший ссылки в лагерь, вступил после войны в Польскую социалистическую партию, а затем в Польскую объединенную рабочую партию и написал один из наиболее известных романов в духе соцреализма. Объясняет также его более позднюю политическую эволюцию, которую сегодня можно интерпретировать как постепенный возврат к взглядам, высказанным в конце двадцатых годов на страницах выходящей в Варшаве русской газеты «За свободу».

Войцех Сташевский

МИНИМАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Еду не выбрасывют. На ерунду денег не тратят. О сладостях могут только помечтать. Примерно 400 тыс. поляков живут сегодня на минимальную зарплату.

С января ее повысили на 80 злотых «грязными», т.е. 50 злотых «чистыми». Теперь это целых 1 237 злотых на руки.

За эту сумму можно купить: велосипед «Cruiser Fera» на праздничной распродаже на сайте Allegro.pl, билет в Дели с промежуточной посадкой в Киеве на Skytrip.pl, двухгодичный пакет услуг по защите лакового покрытия для ауди А6 или мерседеса класса Е, счетчик банкнот «Safescan».

Или: 496 полукилограммовых буханок черного хлеба, 564 литра молока «Млечна долина», 526 кг маргарина «Выборный», 546 кг картошки, 295 килограммовых пакетов самых дешевых сосисок из куриного мяса и даже 780 свинных отбивных в вакуумной упаковке. Но это при условии, что все покупается только в сети «Бедронка», одной из самых дешевых.

Мечта о поездке в горы

Нетрудно догадаться, на что тратит зарплату Эдита Кисель, продавщица из магазина игрушек в Люблине. Они не голодают. Но съедают все, что есть в холодильнике. Нет такого — чтобы выбрасывать еду. Смотрят на цены в магазине, на ерунду денег не тратят. Рыба подороже в расчет не входит. Сладости тоже, хотя Эдита их любит.

Отправить в сентябре ребенка в школу — это бюджетная катастрофа, особенно, если у тебя двое детей. Часть книг Эдита купила им в июне, вторую половину — в июле, а рюкзаки, пеналы и карандаши — в августе. В сентябре надо было оплатить школьную страховку и внести взносы в родительский совет — для двоих детей это почти две сотни. Хорошо, что всякие классные сборы — экскурсии или походы в кино — можно оплачивать двумя взносами.

Все более или менее крупные покупки — только в рассрочку. Ноутбук удалось купить по случаю. Недавно Эдита даже кровать девочкам купила. Теперь взносы сильно бьют по семейному бюджету, так как муж (они в процессе развода) потерял работу и с ноября не платит алименты — по 450 зл. на ребенка. Эдите придется ждать до 1 февраля, когда судебный исполнитель придет к нему, чтобы взыскать деньги принудительно, и лишь после того, как тот констатирует, что взыскать необходимую сумму не с чего, выплату возьмет на себя алиментный фонд.

Отпуск они провели в Краснобруде на Расточье, словно какие-то господа — в съемном домике на берегу залива. Потому что в июле казначейское ведомство возвращает тем, у кого есть дети, налоговые вплаты, у них вышло по целых 1 100 зл. на каждого ребенка. «Мы могли позволить себе неделю отдыха», — радуется Эдита. Поездки с детьми — это для нее важно, ей хотелось бы поездить с ними по свету, показать им мир. Она мечтает взять их в горы, по которым так любила когда-то ходить. Но пока девочки в горах не были, хотя старшей уже десять.

У старшей дочери мобильник за один злотый, была такая акция при продлении абонентской платы. «Необязательно, чтоб это было что-то суперсовременное. Не люблю я выпендрежа, когда у ребенка телефон лучше, чем у родителей», — добавляет Эдита. Она умеет отказать детям — на всякую ерунду, на игрушки денег не дает. «Я им объясняю, что лучше пойти в бассейн, хоть какие-то воспоминания останутся. Кроме того, инвестирую в настольные игры, ведь тогда мы что-то делаем вместе».

Как она распорядится 50 злотыми прибавки? «У девочек скоро дни рождения, я уже пообещала, что добавлю и купим им коньки», — радуется Эдита. А может, еще и на пиццу пойдут. Раз в месяц они стараются куда-нибудь выбраться, но это всегда удар по бюджету, придется сократить другие расходы.

360 тыс. — согласно данным Главного статистического управления (ГСУ) именно столько работающих получали на конец 2012 г. минимальную зарплату. Теперь таких людей может быть даже 400 тыс., так как в течение предыдущего года их количество выросло на 40 тыс. человек. Самые худшие отрасли — это торговля и промышленная переработка сельскохозяйственных продуктов; здесь самую низкую зарплату в стране получают около 2/3 занятых. В строительстве и транспортной отрасли таких менее 10%, тогда как в горнодобывающей промышленности и в сфере образования они составляют всего лишь полпроцента.

Минимальную зарплату получает в Польше каждый 25-й из числа работающих. Больше всего таких в Варминско-Мазурском и Лодзинском воеводствах (6,5%), а также в Малопольском и Подкарпатском (5,5%). Меньше всего — в Мазовецком (2,5%). «За последние десять лет численность лиц, получающих вознаграждение, которое не превышает минимальной зарплаты, увеличилась на 50%», — сообщает Эва Болеславская из ГСУ. В течение этого периода минимальная зарплата выросла на 87% — больше, чем среднее вознаграждение (здесь рост составил 62%).

Организации работодателей повторяют аргумент, что повышение минимальной зарплаты увеличивает безработицу, так как часть фирм увольняет тогда людей. Профсоюзные деятели отвечают, что ничего такого не происходит, и надо заставлять работодателей платить больше. «80 злотых — это символическая квота, никаких проблем не возникнет, — признаёт Павел, руководитель местной сети магазинов в Подгалье. — У нас 40% персонала получают минимальную зарплату. Каждый хотел бы зарабатывать больше, но мало кто старается сделать что-то для фирмы».

Сыровяленая колбаса из «Бедронки»

Моника живет в том же городке, что и Павел, но работать в магазин на самую низкую ставку не пошла. Ведь как получается — пашешь от понедельника до субботы, рабочий день до 22.00, магазин в центре, а как потом вернуться домой на окраину города, если транспорт тоже до десяти? Лучше уж наняться уборщицей — год назад она работала у местных богачей, а когда-то ездила на заработки в Рим, в Мюнхен. Вот это была жизнь, но теперь у нее есть дочь, ведь не бросать же ее на бабушку с дедушкой. В итоге Моника убирает по домам в своем городишке.

Встает в шесть утра, а потом убирает или сидит с детьми — смотря какой день недели. Обычно в 16 она уже дома. На руки она получает даже 1,5 тыс. злотых плюс 600 злотых алиментов. «У нас есть масса людей, которым приходится гораздо хуже», — уверяет Моника.

Живет она в доме родителей, второй этаж — полностью в их с дочерью распоряжении. Счета за телефон, интернет, газ и электричество она оплачивает пополам с родителями. Мобильный телефон у нее без абонемента, на карточку — так проще контролировать расходы. Отопление в доме на уголь, это дорого, родители в год тратят на уголь 4 тыс. зл., Моника по мере возможностей участвует в этих расходах. Оплачивает дочери английский (час в неделю за 30 зл.) и лыжную секцию — 50 зл. в месяц. В общей сложности на оплаты уходит где-то 700 зл.

Соки и минеральные воды она покупает в «Бедронке». Маргарин тоже, но не самый дешевый, потому что они с дочерью любят «Раму». Колбасные изделия — в магазине получше, ветчину по 20 злотых за килограмм. Обувь, конечно, не в краковском торговом центре за 300 злотых, но все же дочери — за сотню, себе — за 120 злотых, хотя в магазине были пары и по 60 злотых. «Одежду я покупаю в секонд-хенде. Учительницы и врачихи тоже там одеваются», — подчеркивает она.

Год назад Моника купила себе в рассрочку мебель — шкаф с витриной за 1 100 злотых. За него она уже расплатилась и теперь взяла в рассрочку диван-кровать за 700 злотых. «В AGD-маркетах ничего за наличные не купишь. А дочь мне уже жаловалась, что ноутбук тормозит», — рассказывает Моника. Ноутбук у них семилетний, купленный еще до развода. Моника пошла в сервис-центр, там сказали, что в нем плохой браузер, и хотели 70 злотых за переустановку, но к счастью на праздники приехал из Кракова брат и сам все исправил. Дед Мороз, впрочем, в этом году на подарки не поскупился. Прикатила из Мюнхена подруга. Давным-давно в Германии Моника ее приютила, дала крышу над головой и отдала несколько часов уборки, когда у той не было заказов. Теперь подруга привезла

массу немецкой косметики, стиральных порошков, даже духи и немножко бесплатных пробников разных кремов. А невестка, кроме того, подарила Монике оливковое масло, потому что лучший подарок — это практичный подарок.

Иногда Моника молится. Чтобы телевизор — старый, пузатый, купленный еще в Мюнхене — работал как можно дольше. И чтобы мобильник дочери не накрылся. Сама она пользуется предыдущим дочкиным телефоном, малюсеньким, как раз в карман помещается.

Деньги на школьные учебники для дочери дала свекровь. На каникулах Моника никуда не ездила, потому что дочь захотела в спортивный лагерь, который стоил тысячу злотых. Мама отдала всё, что было, остальную сумму собрали среди родни. Зато в прошлом году они съездили к морю. Жена брата нашла в интернете десятиместный домик, договорились с другими родственниками и сняли его на 8 дней. Вышло по 30 злотых в сутки с носа. Завтраки и ужины готовили сами, но обедали в городе, как настоящие отпускники. Обычно они ходят на пиццу не чаще, чем раз в месяц.

Конечно же, у нее есть мечты. Поехать еще раз в Италию. Или отправиться в торговый центр в Кракове и спустить на одежду 500 злотых. Или купить новый ковер, потому что на старый она уже смотреть не может.

Бывает, Моника себя балует. Как-то она попробовала у брата в Кракове сыровяленую колбасу — безумно вкусную и безумно дорогую, килограмм стоил, наверное, сто злотых. Нашла точно такую же в «Бедронке», в вакуумной упаковке, по 7 злотых за пакетик, и иногда покупает себе. Или кусочек сыра с плесенью за 5-6 зл. А еще вяленые помидоры с моцареллой, в «Бедронке» они бывают по 5 злотых 90 грошей, надо только уметь высмотреть.

«Бедная ли я? — задумывается Моника. — Конечно, не богатая, но... Вот у кого нет работы, ванной и телевизора, тот бедный».

Тринадцать яиц для мальчишки

Хлеба — 11 килограммов, 5 литров молока, 13 яиц, 13,5 кг картофеля, 9 кг других овощей и продуктов их переработки, 4,3 кг фруктов, 3,6 кг мяса и мясопродуктов — столько, по мнению экспертов Института труда и социальных вопросов, требуется в месяц 16-летнему подростку для нормальной жизнедеятельности. Продовольственная корзина подростка — это 285 злотых, девочки-подростка — 245, ребенка — 215, взрослого мужчины — 230, а взрослой женщины — 185 злотых.

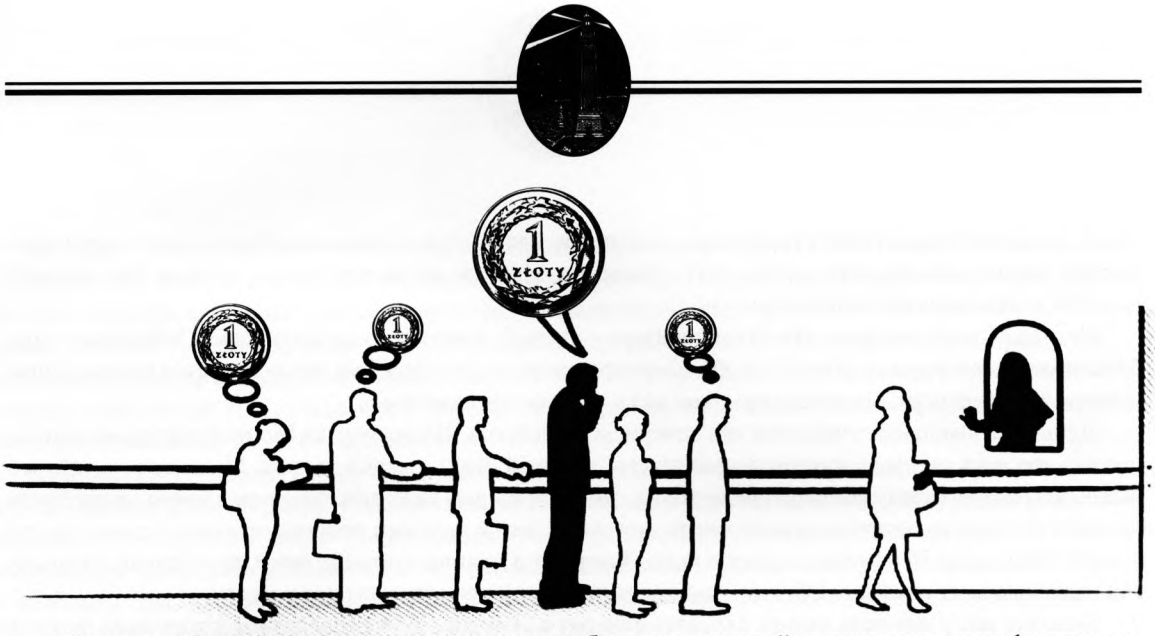
«Прожиточный минимум представляет собой нижнюю границу бедности, — поясняет кандидат наук Петр Куровский из Института труда и социальных вопросов. — При подсчете прожиточного минимума учитываются расходы обеспечивающие жизнедеятельность; главным образом это продовольственная корзина и оплата жилья. Такие вещи, как расходы на отдых, транспорт, связь или участие в культуре во внимание не принимаются».

В 2012 году прожиточный минимум для семьи из четырех человек составлял 1770 злотых. Для одного человека — 521 злотых. Можно сказать, что это около 500 злотых на человека, и чем больше семья, тем сильнее уменьшается данная величина, так как общие расходы (например, плату за жилье) можно поделить.

«Согласно данным ГУС 6,8% населения Польши живет ниже прожиточного минимума. Часть из них наверняка скрывает доходы. Трудно также оценить положение крестьян, которые держат собственных кур или коров, — говорит Петр Куровский. — От голода в Польше не умирают. Хотя семь-восемь лет назад в Кельце умер человек, который не захотел обращаться за помощью к органам социальной опеки».

Ивона Маньковская, получающая минимальную зарплату продавщица из Люблина, четыре года лелеяла свою гордость — раз муж не дает на ребенка, она просить не станет. Раньше, когда он еще работал, им жилось неплохо. Дочка занималась верховой ездой, на конном заводе у нее была любимая лошадь. Вместе со старшим сыном они ходили в бассейн, в кино.

Именно эти расходы урезаются в первую очередь. Потом появляются долги. Счета оплачиваются лишь тогда, когда грозит отключение электроэнергии или газа. Если денег нет, приходится занимать у родных или знакомых. Но потом надо отдавать, так что снова приходится одалживать.



«Я очень обязана женщине в нашем магазине, благодаря которой я могла нормально функционировать, она разрешала мне брать продукты в долг, под запись в тетрадку», — говорит Ивона. С января она решила все изменить. Подала бумаги на развод, потребовала алименты на дочку — 400 злотых. Перед праздниками переехала с дочерью к своей матери, в финансовом смысле так намного легче. Сын уже учится и живет сам, зарабатывает частными уроками. Ему бы хотелось получать от мамы хоть какую-то помощь, но она говорит, что может ему что-нибудь приготовить.

«У меня еще осталось примерно 500 злотых долгов родственникам и друзьям, 500 злотых штрафа за разрыв договора на интернет. Ну, и банковский кредит, потому что в конце концов пришлось обратиться и в банк, выплачиваю теперь по 170 злотых в месяц», — подсчитывает Ивона.

А теперь у нее будет 50 злотых прибавки. «Потрачу их на дочку. Куплю ей что-нибудь для школы, пусть сама выберет. Или хорошую книгу. Даже не знаю, у нее вроде всё есть, — размышляет Ивона. — Девочка любит искусство, осенью мы вместе ходили в кино. Может, она захочет в театр? Такие расходы обрубаются самыми первыми. Жаль, что к верховой езде мы уже, видимо, никогда не вернемся».

К ним никто не стучит

Примерно 40% населения получают пособие по безработице — так обстоят дела в Шидловецком повете. О том, как выглядит польская бедность, рассказывает Катажина Каспшик, социальный работник городского центра общественной помощи: «Есть дома скромные и ухоженные. Но бывает и так, что вхожу, а в доме 50-дюймовый телевизор, у каждого ребенка мобильный телефон новейшей модели. Или же наши подопечные выкладывают на Фейсбук фотографии из зарубежных отпусков».

Социальная помощь полагается при доходе ниже 456 зл. на человека. Семья из четырех или даже пяти человек, в которой у обоих родителей минимальная зарплата, помощи не получит. Не может быть речи даже о школьной стипендии для ребенка. Разве что родители «скрывают доходы», поскольку работают по «серым» или «черным» схемам — в близлежащих садах под Груецом, на варшавских стройках либо в Германии, Голландии, Ирландии.

«Мы имели дело с семьей из шести человек, в которой работал только муж с жалованием немного выше минималки, — рассказывает Каспшик. — Жена нашла работу, где получает минимальную зарплату, в результате чего они превысили порог и потеряли 700 зл. пособий на детей вместе с добавками. Иначе говоря, эта женщина фактически ездит на работу за 500 зл. В месяц. Но по-прежнему ездит».

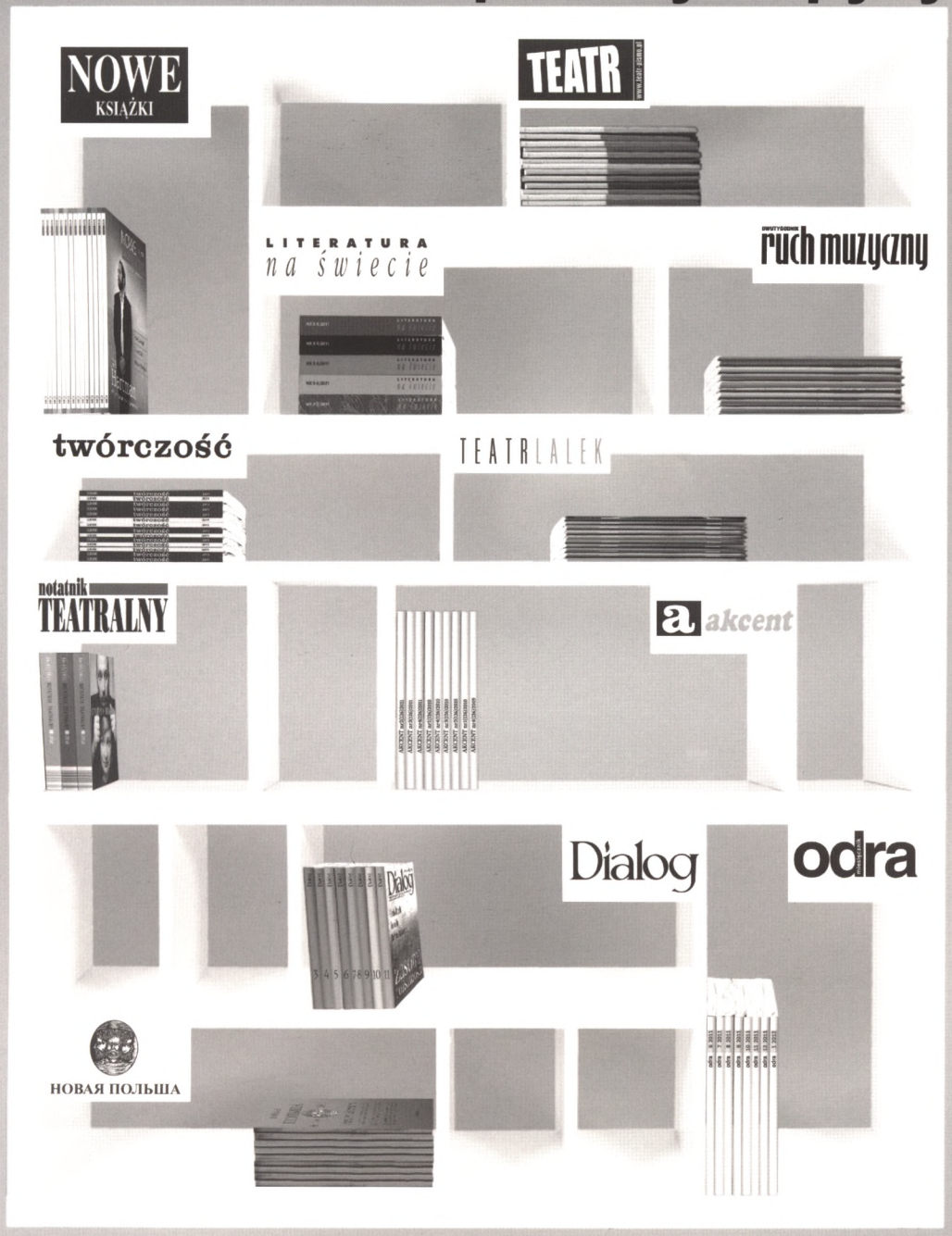
По мнению Катажины Каспшик хуже всего в Польше приходится семьям, которые честно работают: «Ребятишки из тех многодетных семей, которые мы опекаем, летом иногда не хотят ездить на экскурсии, так плотно у них забиты календари. Множество учреждений предлагают им помощь, поездки и т.п. К семьям с минимальной зарплатой в двери никто не стучит».

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

INSTYTUT KSIĄŻKI
©POLAND

Достаточно протянуть руку



Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czasopisma@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589